

Джозеф Макэлрой

Плюс

Pollen press

Joseph McElroy

Plus

Alfred A. Knopf · 1977

978-5-9500970-4-1 · Pollen press

978-5-902810-03-2 · Антоним

УДК 821.111

ББК 84(7США)

М 15

Джозеф Макэлрой «Плюс»
Pollen press, Санкт-Петербург;
Антоним, Москва. — 272 стр.

Уникальный, ни на что не похожий роман про одиночество и любовь, написанный на стыке эксперимента и традиции. Нахлест научно-популярного, научно-фантастического и модернистского потока сознания. «Шум и ярость» в космосе, футурология в стиле Хенри Джеймса, роман про то, как язык воссоздает материю, а мозг отрачивает тело.

Перевод Максима Нестелеева и Андрея Мирошниченко под редакцией Максима Немцова.

Издательство выражает благодарность агентству Anna Jarota (Варшава) за помощь в приобретении прав на издание.

© Joseph McElroy · 1976

© Максим Нестелеев, Андрей
Мирошниченко. Перевод · 2018

© Pollen press/Антоним · 2019

Содержание

- 7 «Плюс» сегодня — для
меня и, надеюсь, для вас
Предисловие автора
к русскому изданию
- 11 Плюс
- 261 Максим Нестелеев
Пять с плюсом,
или ± послесловие

Я прошу об одном: сначала прочтите то, что я написал. Теперь — на русском Андрея и Макса, на *вашем* языке, и я в восторге, что мой роман на него переведен. Написанный в 1970-х, «Плюс» по-прежнему соответствует, да, реализму, который бы мне все же не хотелось заменять каким-либо другим словом, типа «эксперимент» или «фантазия». Несмотря на то, что история — буквально *про* эксперимент. При моей предпосылке мозг, — отделенный по обоснованным причинам от туловища конкретного человека, несомненно, американца, о котором нам нет никакой необходимости знать больше, чем это тонко (и неоднократно) сообщается, — сюжет и его изложение совпадают в странном новом образе, расширяющемся наружу и внутрь из не вполне непредвиденной совместной работы сил. Здесь болезненное и неуклонное переоткрытие языка, не являясь ни причиной, ни следствием, происходит наряду с физическим и повторным ростом этого реального существа.

Для меня эта история по-прежнему убедительно человеческая. Она постепенно развивается, испытывая физическое давление, которое неизбежно, как и стремление, решительное и упорное, к мысли и соответственно к действию внутри мозга и совершаемое мозгом, отсеченным от остального тела, только чтобы весьма неожиданно отрастить новое и совершенно другое тело. Кажущийся абстрактным в про-

цессе, но глубоко личным и осязаемо протоплазменным и клеточным через понимание персонажа и его сознание, буквально — эксперимент в рамках принимающего и четко и не очень четко очерченных предметов; фантазия только в лучшем из вообразимых смыслов, и в то же время как всегда с серьезным домысливанием от Гераклита, Демокрита и Шекспира до Хенри Джеймса и Достоевского в сомнительном развитии «Бесов», до клеточного роста повествований Кальвино с серьезностью того, что стоит на кону, и сосредоточенной приверженностью тому, что может произойти.

Это и есть литература, вымысел, что-то выдуманное, хотя и никогда не утрачивающее связь с фактом, хотя и утрачивающее знания, которые неотделимы от памяти даже сильнее, чем стремление затронуть то, что отчасти неизвестно, как в повседневной жизни, моей и, скорее, вашей; наше беспокойство о том, что *могло бы* произойти — вы меня слышите? Как в вашей собственной жизни, запутанной в дилемме «что делать» — с ограниченными ресурсами выбора того или иного пути вперед — это поиск наиболее интересного развития сюжета, скажу так — вашей или моей истории. Моя история сложная, какими и обязаны быть наши жизни, если они всерьез, в моей истории трудно разобраться — но с каждой минутой она становится все более правдивой из-за интереса к тому, что может произойти, с учетом себя самого, целиком и без остатка (о чем собственно и пишут романы), — история Импа Плюса, борющегося на орбите, в почти невообразимом травматическом состоянии и непостижимом изъятии, с причудливой интенсивностью даст ответ на то, что ожидает это существо, и на то, что я бы назвал мужеством, а именно — мужество сливаться с иными силами.

К исходной предпосылке я не относился легкомысленно. Чрезвычайно важно было преодолеть это затруднение — болезненное и физическое, и даже ключевое с точки зрения этики; и, рискуя отвлечь вас от того, на что, я надеюсь, вы

обратите внимание, читая «Плюс», позвольте добавить, что изначально я пробовал написать историю от первого лица. Вот вам и эксперимент! Возможно, вы поймете, почему в этом заключалась ошибочная замкнутость тона. Дистанция, установленная мной при помощи третьего лица, намного правдоподобней для существа, которое я пытался произвести на свет во всей его угрожаемой близости.

За сорок лет, прошедших с первого издания, роман для меня изменился. Я присутствовал на запусках НАСА и приобрел ту силу, которую может дать знание физики, биологии и астрономии; а также систем, которые могут не только освободить, но и сужать и политически сдерживать. Чтобы справиться с этим конфликтом, повествование должно расценивать как риск даже то, чему ему можно противодействовать, что уменьшить — и даже убить весь восторг такого долгожданного путешествия с телеуправлением.

В начале 1970-х, когда я пытался найти и заслужить право на окончание романа, казавшееся мне верным, технические ограничения казались мне практически непреодолимыми. Сейчас я это чувствую совсем иначе. Слова по-прежнему остаются средством — на бумаге это одно, а в аудиокниге — другое (вскоре выйдет в исполнении автора). Опера, которая, как я до сих пор считаю, могла быть удачной и в сценическом, и в музыкальном плане, в конце 1980-х недолго пробыла на столе одного американского скрипача и композитора. Я бы не исключал и фильм, если зрительные и монтажные богатства позволят открыть новые измерения сюжета. Но главным образом, такое открытие — для творческого читательского воображения. Эта книга теперь скорее принадлежит читателю, а не мне.

Джозеф Макэлрой, ноябрь 2017 г.

Плюс

Он обнаружил повсюду. Открывалось и было близко. Он ощущал, что это он сам, но ощущал, что оно больше.

Расщипывалось снаружи внутрь и изнутри наружу. Имп Плюс обнаружил повсюду вокруг. Он был Имп Плюс, и это не старт.

Имп Плюс вывалился. Повсюду вокруг поднималось, и Имп Плюс знал, что черепа нет. Это поднятие хорошее. Но раньше было и другое поднятие, и он его желал, но тогда оно не было хорошим. Он не хотел к нему возвращаться. Он не знал, плохо ли то поднятие. Но это новое хорошее.

Имп Плюс помнил, что черепа нет. Хоть и знал, что думать об этом не стоит. Как думать о пульсе сообщений, поступающих с Земли на частоте. Не стоит думать о других пульсах, идущих на Землю от Имп Плюса.

Вокруг были птицы, но недвижимые, словно тени. Имп Плюс знал птиц, но не таких недвижимых. Птиц с хвостами длиннее их самих. Хвосты были правильные.

Была яркость. Больше снаружи, чем внутри. Она тоже была повсюду.

Имп Плюс знал, что у него нет глаз. Но Имп Плюс видел. Или упорно видел дальше.

Возможно, отростками.

У Имп Плюса не было впадин, куда бы они впадали, если б были? Черепа нет.

Впадины были словом.

На частоте продолжали приходиться импульсы с Земли, как отсутствие преграды. То были сообщения, и Имп Плюс склонялся их получать. В них запрашивали об уровнях света и глюкозы.

У Имп Плюса не было впадин, и он это знал. Нет впадин удерживать или утрачивать свет. И впадину не залюбить.

Но здесь повсюду яркость, и она обертывала. Или Имп Плюс свертывал ее.

Эти впадины в черепе назывались глазными орбитами. Имп Плюс помнил, что череп нет.

Ничего кроме того, где был Имп Плюс.

Имп Плюс помнил, как готовился помнить. И слово *растение*. И зеленое как идею. Имп Плюс помнил слова, которых не знал.

Яркость загибалась и возвращалась. Но что это за птицы вокруг в тенях? Яркость могла двигаться. Она всегда была здесь. Сейчас она новая. Он знал, что прав. Она возникла из темноты, которая новой не была. Имп Плюс не желал слов для яркости, и сейчас нужные Имп Плюсу слова — не пульсы сообщений, что поступают на частоте с Земли, запрашивая показания глюкозы.

Но яркость не была лишь яркостью. Она превратилась во что-то еще, достигающее Имп Плюса. Зеленое не чтобы есть. Имп Плюс знал *есть*. Имп Плюс взял подъем. Зеленое не чтобы есть. У него глаза, и они едят.

Может, и не глаза. И все же почти как у Имп Плюса, у кого глаз нет.

Имп Плюс склонялся думать, что зеленое ест свет. Имп Плюс подготовился вспомнить о том, что глаза развиваются из нужды в питании. Вот как надо, но слово для этого не поступило. Не сразу.

Имп Плюс видел форму и употреблял слово *растение*. Это не человек.

Тени — не птицы. Они — тени. Он от них не избавился.

Яркость — не импульсы, все поступающие с Земли. Прежде Имп Плюс имел другую форму, слово для нее сейчас пропало. Имп Плюс знал слово слово и слово идея — но не то, для чего они. Имп Плюс взял подъем.

Что же до впадин, Имп Плюс знал, что впадин нет, поскольку в голове Имп Плюса оказалось изображение человека. У человека были испорченные за годы зубы и неплотные белые тампоны на глазницах. Глазницы бежали. Но глаза не видели. Впадины были там, но не тут, у Имп Плюса.

У Имп Плюса не было черепа. У него были сетки.

Некоторое, что хотелось бы вспомнить, он некоторое время не мог. Он припоминал стебли. Они были длинными, и тут он их нигде не видел.

Импульсы рисовали Имп Плюса своими сообщениями. И Имп Плюс рисовал их. Хотя внутри яркости сообщения клонились вдоль градиента. Имп Плюс склонялся их принимать. Он клонились по яркости. Яркость была хорошей. Она обертывала. Она свертывала сообщения. Он мог отсылать сообщения. Он мог говорить по Концентрационной Цепи. Вокруг него уплотнялась яркость. Часть яркости стала им.

Яркость была Солнцем.

Импульсы громоздились в голове. У Имп Плюса не было черепа. У Имп Плюса не было головы. Имп Плюса всегда был головаст на фигурные числа. Чем же теперь были тени, если не этими фигурами птиц? Имп Плюс был во многих частях и мог падать сразу к ним всем. Это трудно, но ничего не поделать. Это значит видеть.

Если Имп Плюс упорствовал видеть без глаз отростками, то это были оптические стебли. У Имп Плюса должны быть такие. Если не оптические стебли, то что?

Путешествуют ли такие вопросы в ответ на импульсы?

Отказ, отказ.

Между нависла разница.

Именно изменение склонялось к зеленому и от него. Имп Плюс ощущал, что изменение сделал он. Но не чтобы взять подъем. Изменение, которое дало ему крайнее преимущество, посредством импульсов понимать из сообщений больше, чем они передают. Импульсы сообщений проходили через это изменение.

Изменение было градиентом, потому что Имп Плюсу сказали *градиент*, и импульсы поступали по нему, и он склонялся их принимать.

Из импульсов сообщений через это изменение он знал, что его утрата реальна. Его утрата всего, кроме доли.

Всего, кроме доли чего?

Имп Плюс утратил знание о том, что было утрачено.

Импульсы, так долго получаемые с Земли на частоте, запрашивали об уровнях света, глюкозы. Но он получал их во множестве точек, значит градиентов много. Импульсы запрашивали показания гальванометра — квантовый выход светового излучения, — которые Имп Плюс знал, но также сейчас впервые не знал. И зеленое называли. Но имена соскальзывали вниз по градиенту, который открывался и склонялся к тому, чтобы быть множеством градиентов.

Имп Плюс мог дать ответы. Теперь же, кроме ответов, было и другое.

Куда бы он ни устремлялся, какая-то часть просто отсутствовала. Частица различия. И на ее месте наклонение. Резкий спад.

И через это Имп Плюс подумал: или внезапно оглянулся на то, что подумал: те частицы, какие отсутствовали, отнесло целью его оглядывания: и его зрение — это сила Солнца, лучом управления преобразованная в нем обратно в свет. У него было много целей. У него? У Имп Плюса имелось слово *операция*. Пульсы не прекращались; и Имп Плюс часто слышал слова *слышите меня*, но то и дело через иной клапан он иногда получал другой приказ, *меня слышьте*, и не понимал,

от него это поступает или с Земли. Солнце у Имп Плюса было одним глазом; и если так, то что могло быть двумя? Возможность чего-то.

Среди яркости Имп Плюсу поступило, что от него что-то осталось.

Значит некоторые градиенты были Имп Плюсом. Вот почему он мог впасть в себя.

Он слышал слово *слышать*. Оно шло непосредственно от импульсов, или это было из-за его вклинивания. Разделить молекулы, реагируя на поглощенные фотоны, и получить квантовое выделение. Слова не очень склонялись.

Продавца газет с марлей неплотно на слепых глазах здесь нет. Имп Плюс это знал. А Имп Плюс здесь.

Как и тени, которые не птичьи. Не сорок или мухоловок с хвостами длиннее их самих. И тени медлительны для теней частоты; и, подумав так, Имп Плюс увидел, что, как с глазами зеленого перед ним, так и с частотой, распространяющей волны, Имп Плюс совершил акты наблюдения.

Яркость уходила и возвращалась, изгибалась и приходила. По градиентам. И сейчас тени переместились и в сторону, и ближе. Имп Плюс это видел.

Яркость приходила вдоль линий. Когда он смотрел, они сворачивали и вновь скручивались вокруг кольцами.

Яркость, которая была Солнцем или от Солнца, многократно проходила мимо него между тем, что он знал, и тем, что он почти знал. Сон с одной стороны, затем с другой, никогда не на обеих, также временами его нет ни на одной. Слово для сна было лишь с одной стороны, но сейчас стало слышимой линией вдоль середины меж двух сторон. Слышимой, потому что импульсы из Центра сказали слово. Но слышимой сейчас вдоль какой-то середины, потому что у Имп Плюса было слово. И когда Центр сказал СПАТЬ, слово также оказалось как та линия вдоль середины, так что лишь одна сторона погрузилась в сон, а не обе. Но это было

внове, и какое-то время Имп Плюсу не требовалось знать, почему Центр проводит Гы — проводит ЭЭГы, — считая, что обе его стороны спят, когда на самом деле во время любой отдельно взятой ЭЭГ — которую Имп Плюс сейчас превратил в *электроэнцефалограмму*, — лишь одна сторона ответила на передачу Земли СПАТЬ. Или обе, но спала лишь одна сторона. Но, значит, у него просто не было двух сторон, или он так думал — а это означало, что у него сбой.

Солнце много раз проходило между сном и не-сном, и импульсы в Имп Плюсе были вне его, и он вспомнил, как прибыл сюда, и думал, что скоро сейчас с ним здесь впервые случится сон, что означало и пробуждение. Он повторил здесь, так как в этом что-то было.

Здесь.

Имп Плюс вспоминал, как он был главный на смене. И как его меняли. И как впадал в себя, но затем, как ему напомнили об импульсах посредством импульсов.

Имп Плюс знал больше. Знал через то, что мог бы назвать сном, сном, где чего-то не хватало, самого сна. Зарянки летали у Солнца. Они то удлинялись, как лебедки, то сжимались, как локти. Но не зарядки — слишком медленные. Такие медленные, что не двигались. И слишком большие, чтоб быть внутри, где они и были.

Яркость, установившаяся вокруг Имп Плюса была такой, что стало жарко. Или должно быть. Тут было окно, которое подчинялось Земле и не давало Солнцу жечь. Эта мысль пришла Имп Плюсу с одной из частиц, которая некогда просто отсутствовала, а теперь его преследовала, что раз у него нет глаз, он не видит яркость, а лишь помнит ее, как слово установка — *солнечная установка*. Найдя его, частица резко исчезла в заряде яркости.

Что остался вспышкой из множества установленных одиночных линий, которые скручивались, если Имп Плюс на них смотрел. Но когда он пытался вспомнить, откуда они, те пос-

тепенно отпадали от него вниз и становились градиентами сами — градиентами в свободном полете.

Но градиенты были здесь, а солнечная установка — нет. Хотя солнечная установка получала длинноволновой свет Солнца, так как *солнечная* означала *Солнце*, — и длинноволновой свет здесь. Если солнечных установок здесь нет, то где они? Солнечные установки — их стало больше одной, как градиента, когда он о них думал. Значит, он, Имп Плюс, сделал их больше. Значит, тогда каким-то образом они здесь. Как давно был длинноволновой свет Солнца, такой, как здесь, что принимается солнечными установками? — установками, которые и здесь и не здесь. Здесь и там Имп Плюс обнаруживал бреши на месте просто отсутствующих частиц; и когда эти бреши, которые были его, гонялись за теми стремительными частицами, то обнаруживали их как раз в тот миг, когда каждая частица приближалась настолько близко к частице другой склонности, что обе, встретившись, исчезали — в бреши так близко к его сердцевине, что ему казалось, будто он это видел: общая линия, линия, скручивающаяся, но еще не круг, в возможность множества линий, градиент радиуса на одной линии с брешью, который был движением, для которого градиент долгие годы на Земле был лишь именем.

Имп Плюс вспоминал года, но не мог вспомнить какой сейчас. Или когда.

Как давно стартовали, и где было начало? Последние «Аполлоны» улетели. Но начал нет, думал Имп Плюс.

Последние «Аполлоны» улетели с Луны. Они уже подняли забрала, сняли свои шлемы с позолоченными солнцем козырьками, отсоединили шланги, сняли сапоги. Они перестали быть новыми, нужными — хотя кто знает, что попало к ним внутрь сквозь костюмы и осталось. Или вышло с другой стороны, прожегши в них след.

След, который бы остался внутри стенки — внутри чего? — в градиенте — но остановился — в стенке чего? — остановился

в стенке клетки до тех пор, пока пульс не смог бы использовать тот след. Но частицы, проходящие таким образом сквозь тела, как сквозь сетки, могли бы ничего и не оставить.

Могло ли такое быть?

Импульсы на частоте с Земли выдвигали разные вопросы, но не этот. Земля взрастила Имп Плюса и могла от него избавиться.

Что-то отобрали.

У Имп Плюса.

Все же он хотел сбежать, он помнил. Импульсы вновь притянули его из теней, как птицы, отброшенных на то, что могло быть черепом или сеткой, если б такие у него были. Маленькие белые птицы с розовыми боками и черными хвостами-ножницами, вдвое длиннее их самих. А за ними птица побольше. Как высокий, темный буревестник с крыльями в три раза больше него самого.

Был проект.

За градиентной сеткой импульсов, притянувших Имп Плюса из ныне бóльших теней запросами о действии фермента в хлорелле, раздался смех.

И все же смех тогда, не сейчас; вибрация изогнулась прочь от его источника.

Тени вокруг были больше, чем птицы.

Хлорелла: вот что было зеленым, растение. В голове Имп Плюса, если там была голова, голос слепого продавца газет сказал, что он сам мог быть растением, но вместо этого зацепился за шанс.

Казалось, импульсы уже сами по себе содержат ответы, чтобы освободить Имп Плюса от вопросов. Импульсы создавали тени на градиентной сетке. Не такие тени, возникавшие вокруг, что сейчас были больше, чем птицы, а тени незримые. Однако еще и тени, падающие за градиентной сеткой и то и дело бывшие разницей между импульсами.

Хотя ничего общего с тенями, которые Имп Плюс видел вокруг изнутри своего черепа, который не был черепом.

МЕНЯ СЛЫШЬТЕ наоборот слышится как **СЛЫШИТЕ МЕНЯ**.
Сами по себе импульсы не были обратными. Какая-то другая операция обратила их.

Но в импульсах пришла новая сила. Она передавалась Имп Плюс в единицах измерения нового сопротивления, и сила эта была не только импульсами с Земли, что поступали вновь и вновь.

ИМП ПЛЮС ПРОВЕРЬТЕ УРОВЕНЬ ГЛЮКОЗЫ. МЫ СЛЫШИМ ПОКАЗАТЕЛИ ГЛЮКОЗЫ НЕСТАБИЛЬНЫ ПОДНИМАЮТСЯ И ОПУСКАЮТСЯ.

ЦЕНТР ВАС СЛЫШУ, сказал Имп Плюс.

Но его следующий ответ показался новым. Поскольку он сказал Земле, что уровни глюкозы упали. Он не сразу понял свой ответ после того, как передал его Земле.

Было произнесено **ИМП**, а затем **ПЛЮС**.

И Имп Плюс ответил.

Земля тоже.

ИМП ПЛЮС ИМП ПЛЮС СВЯЗЫВАЕТЕ ЛИ ВЫ НИЗКИЙ УРОВЕНЬ ГЛЮКОЗЫ С ЗАМЕДЛЕННЫМ РЕАГИРОВАНИЕМ НА ПЕРЕДАЧИ? ПОВТОРЯЮ: СООТНОСИТЕ ЛИ ВЫ СВОЕ ЗАМЕДЛЕННОЕ РЕАГИРОВАНИЕ С НИЗКИМИ УРОВНЯМИ ГЛЮКОЗЫ?

Он подумал не отвечать, и мысль эта была новой, и он ощутил след этой мысли повсюду, и, словно луч, он упал повсюду за следом, который был брешью рядом с его сердцевиной, но на одной линии с наклоном, который был больше градиента, хотя и градиентом.

ПОСТОЙТЕ ИМП ПЛЮС. СЕЙЧАС ГЛЮКОЗА ПОДНЯЛАСЬ. ГЛЮКОЗА ПОДНЯЛАСЬ.

Имп было словом. *Плюс* тоже. По Концентрационной Цепи Имп Плюс отвечал на сообщения с Земли, которая использовала слова *Имп Плюс*. Имп Плюс мог разговаривать.

ИМП ПЛЮС ЦЕНТРУ: ЭТО ОТРОСТКИ ОПТИЧЕСКИХ СТЕБЛЕЙ?

Но откуда-то изнутри, а не с Земли пришел четкий ответ, о котором он не так многословно запрашивал: ИМП — Исследовательская Межпланетная Платформа. Ответ пришел изнутри. От Имп Плюса. Не с Земли.

Но что (он спрашивал внутри своей новой цепи, а не у КАП КОМа на Земле), что такое ИМП ПЛЮС?

И до того, как получить ответ, он услышал как Центр через импульсы, которые теперь ему было труднее понимать, после паузы сказал: ОТКАЗ. НИКАКИХ ОПТИЧЕСКИХ СТЕБЛЕЙ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ СТАДИИ ОПЕРАЦИИ ПС.

По сетке пробежал смех, скорее тени, чем линии. Смех затих. Что такое ПС?

ИМП ПЛЮС ВЫ СЛЫШИТЕ? ВЫ СЛЫШИТЕ? ПОВТОРИТЕ ЧТО ТАКОЕ ОТРОСТКИ? ЧТО ТАКОЕ ОТРОСТКИ?

Теней на стене стало больше. Не крупнее, не вполне мельче. А больше. Слово из птиц выросло дерево. Теперь две птицы: птица с хвостом намного длиннее ее самой, увиденная из машины однажды ранней весной на Земле; и птица, чьи распростертые крылья были втрое больше ее самой, увиденная однажды на Земле поздней весной, увиденная кем-то, стоявшим возле машины.

Имп Плюс не был готов это помнить.

И сейчас хотел лишь одного — подчиниться своей частоте Операции ПС и отвечать на передачи с Земли.

ПОВТОРИТЕ ИМП ПЛЮС. КАКИЕ ТЕНИ? ПРОВЕРЬТЕ СДВОЕННЫЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СТАБИЛИЗАТОР. МЫ НЕ СЛЫШИМ ИЗМЕНЕНИЙ. ПРОВЕРЬТЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СТАБИЛИЗАТОР. ЕСЛИ ВЫ ИЗМЕНИЛИ ПОЛОЖЕНИЕ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧАТЬ ТЕНИ.

Но Имп Плюс не говорил Центру тени.

Ответ таков — Имп Плюс способен передавать свои мысли. Однако этим Концентрационная Цепь и была для начала.

Уровень глюкозы поднялся: он уже это знал. И, словно Центр читал его мысли, Центр вторил его ответу: КАП КОМ

ИМП ПЛЮСУ. УРОВЕНЬ ГЛЮКОЗЫ ОПЯТЬ ВЫСОКИЙ. КАК СЛЫШИТЕ?

А Имп Плюс не рассказал об ощущениях во всех дырах, в каждой они были своими: дыры излучали рентгеновские лучи и метались за частицами, делавшими эти дыры прежде, пока частицы не находили себе пару среди других частиц противоположного подъема, и каждая пара в новом взаимном градиенте не исчезала, словно превращаясь в дыру, которая мчалась за ними: и то, что оставалось после новых общих градиентов всех пар магнитных частиц, было более чем борешью, а вовсе не притяжением. Тут-то он узнал, что это было. Это было излучение. Излучение, к какому, думал, он не готов. И потому не стал сообщать о скоплении теней вокруг или спрашивать, правда ли он может изменить положение, Имп Плюс ответил только себе, а не Центру, и, отвечая *Путешествую по свету*, знал, что отвечает с Солнцем.

Но Центр опять услышал Имп Плюса без передачи от Имп Плюса.

Но то, что пришло, было *Путешествовать по свету налегке*. Операция ПС — это Операция «Путешествовать по свету налегке».

Когда Центр слышал его мысли, а когда нет?

Но главным было то, что здесь. А Центр не здесь. Имп Плюс здесь в градиентной сетке света. И не только глюкозы было больше.

Больше было вокруг.

Больше где?

В свете. В его единицах, которые нашли себе место в Имп Плюсе.

У Имп Плюса раньше не было впадин, чтобы удерживать свет. Или темноту. Он был терпелив. Настала темнота, она была постоянной и знакомой, как команда Центра СПАТЬ. Но теперь Имп Плюс пока не мог думать хоть ничего об этой темноте.

Сейчас вокруг было больше. Не темноты. Не просто света. Но больше. Потому впадины могли и быть. Свет, что свертывался в Имп Плюсе, не был двумя повязками на глазах продавца газет, который мог быть растением, но не был. Торговец газет был в голове Имп Плюса. А у торговца имелись впадины.

У Имп Плюса полно новых дыр, сделанных только что умчавшимися частицами. Но дыры гнались за ними, пока те не сталкивались с другими частицами и не исчезали, становясь дырами, которые сделали, но при этом — и чем-то большим, что было излучением.

Имп Плюс думал, я — это ИМП ПЛЮС.

Но слова *Имп Плюс* пришли и из Центра, как будто расстояние, как и все обычные передачи донныне, передало эхом Имп Плюс без я — это.

Последнее время вокруг было больше. Дыры в движении, дыры света в решетке, которые он узнавал по виду, хоть и раньше никогда не видел. Он не знал *решетки*, не знал,

откуда ему известно, как выглядят эти сетки движущихся световых дыр, их все больше и больше. И откуда ему известно, что орбита обозначает еще и глазницу.

Имп Плюс желал употребить слово и нашел другие слова, чтобы с ним отослать: ЗАПРОС ПОКАЖИТЕ ОРБИТУ ИМП ПЛЮСА.

В ответ ему пришли числа, он почувствовал их у себя в голове, он был головаст на фигурные числа. Но головы у него не имелось, хотя ее заполнял свет. Дыры и линии света. Линии скручивались. Свертывались вокруг себя, но еще и повсюду, кольцами, оказываясь полем. Каждая линия, чье верчение он мог замедлять сосредоточением линий, как он потом увидел, была обособленным радиусом.

Он был среди чисел, обозначающих апогей, дальнюю точку, и перигей, ближайшую точку, получал их без происшествий; они были почти одним и тем же. Но, опять же, числа не у него в голове, он был снаружи, видел лишь очертания чисел.

Как будто он — тени на переборке, которая была его черепом.

Но эти птицы, они — не тени. Да и не птицы, хотя апогей и перигей из Центра и в его голове близки к двум пропорциям птицы, размах крыльев к туловищу, туловище к крыльям. Пока крылья, почти в три раза больше тела, вновь не стали как буревестник; и новая передача не сообщила: КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ ПОВТОРИТЕ ИМП ПЛЮС ПОВТОРИТЕ ВЕСТНИК КАКОЙ ВЕСТНИК?

Имп Плюс повторил числа для апогея и перигея, которые ему передали. В его голове низко летела темная морская птица, которая была больше своих пропорций и размеров. Она сгребала пену с гребня волны. Взмахи крыльев буревестника стали белыми снизу.

Но затем Имп Плюсу пришлось слушать Центр, и иногда Центр говорил КАП КОМ Имп Плюсу, и Имп Плюс отвечал дальше. Имп Плюс раньше тысячи раз передавал Центру уровни глюкозы и лэнгли, но сейчас Центр не запрашивал

уровень излучения Солнца, измеряемый в лэнгли: КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ: ПРОВЕРЬТЕ ЧАСТОТУ ПРОВЕРЬТЕ ЧАСТОТУ.

И вновь, изнутри, а не с Земли, пришел ответ, о котором Имп Плюс не так многословно запрашивал: Кап Ком — Капсульный Коммуникатор.

Но у Кап Кома не было никаких причин желать проверить частоту этим летним днем в космосе, совсем никаких. А орбитальные цифры, которые Центр раньше сообщал Имп Плюсу, были знакомы, он далеко не раз их принимал; только теперь числа имели фигуры, и Имп Плюсу хотелось, чтобы Центр этого не слышал — услышал что? мысль об очертаниях — и потому Имп Плюс передал скорость своей синхронной орбиты: ИМП ПЛЮС СКОРОСТЬ 1,9.

Поскольку он делал такое, что желал делать и дальше. Не что-то одно и не многое; это больше. Его подготовили к тому, что придется продолжать делать многое. Но то, что он сейчас желал делать дальше, его инструктаж не предусматривал.

Дважды он видел преклоненную голову сзади, не спереди. Затем это стало числом 2.

Имп Плюс видел два изгиба боком, цепи (не такие, как Концентрационная Цепь), разомкнутые влево и друг над другом так, что они имели общую сторону. Это было 3.

Он видел сплюснутые круги, чужое трио, люки куда-то.

Но он все продолжал передавать эти и другие числа обратно Центру, словно был радиусом, знавшим, откуда он идет, — и с теплотой, которая, возможно, не слышалась в прежних передачах. Имп Плюс произнес летний день в космосе, может быть — не Центру.

Имп Плюс был в другом состоянии, слово для которого утрачено.

Чем же все-таки был летний день в космосе?

Имп Плюс чувствовал новое — и не новое. Дыры излучаемого света отпадали от него, распадаясь на части. Но Имп Плюс видел не только две 2, одну 3, два нуля, составляющих

22 300. Он видел и другие числа — и запросил Центр о перигее, но ответа не получил. Затем он увидел — но как он мог видеть? — орбиту протяженности, почти такую же экстремальную, как и его нынешний запрос о перигее орбиты, который Центр счел ненужным. И этот длинный эллипс, им видимый, — не та орбита, на какой, как сообщали знакомые цифры, которые он сперва подтверждал Центру, он находился. Хотя как он мог что-то видеть, за исключением того, чем его подготовили помнить, как например слово *эллипс*? Хотя здесь в его запоминании были дыры, так как Центр сказал не парься, перигей, как всегда, равен апогею. И даже если Имп Плюс не знал, что такое пар, он все равно сообщал Центру о возросших уровнях глюкозы, которые запрашивали. Запрашивали трижды.

Имп Плюс был новым, но не новым: и сейчас Центр запросил проверку гальванометра, как раз когда Имп Плюс хотелось и дальше делать без этих перебоев не что-то одно, а больше, и это захватывало и цвета, и тени рук, или глаз, или крыльев на стене там, где он был.

Не новый, Имп Плюс использовал подготовленные орбитальные цифры, вдыхал их, выдыхал, по инструкции он должен был помнить эти цифры, отношения к орбите, скорость, частоту — знал, но сейчас ему не требовалось знать.

Новый, он не мог просто принять эти цифры. Хотя это потому, что он не совсем знал что, вниз по всем своим градиентам, он сейчас ощущал, что его однажды инструктировали знать, а именно — каким образом цифры нужно принимать, — и еще потому, что нечто не вполне определенное сказала *Нет* этим цифрам.

Однако *Нет* не первому набору из пяти (затылок преклоненной головы дважды, открытые усеченные цепи, уложенные боком друг на дружку; отверстия куда-то), а второму набору, который, насколько он знал, должен походить на первые пять, но его он и дальше видел как три.

Из-за того, что этот второй набор из трех, перигей, качнулся так близко к Земле, орбита должна распасться. Но с орбитами так бывает, и, хотя Имп Плюс это знал, он также наверняка знал, что некоторые орбиты распадаются. А если орбиты распадаются, значит и эта может. Эхо рядом с ним отклонило его мысль к отказу: эта орбита *не* распадается.

Но чья же это орбита? Знал он? Он не знал. Имп Плюс не знал, чья это орбита. Он не знал, что сказали слова *новый* и *не новый*. Лишь то, что он их сказал. И он не понимал, как правильный перигей, сколько миль от Земли до ближайшего подхода орбиты к Земле, могли казаться сейчас неверными и чужими, а его новый неправильный перигей может быть таким знакомым и приемлемым.

Когда Имп Плюс сказал мили, он понял, что произнес также *расстояние до Земли*, хотя сразу же контроль слабым эхом отозвался в Имп Плюсе *Земля мимо*. Но нет, что-то вклинилось: *уровень моря*, а не *Земля*, произнес голос.

Голос был его — ничей другой. В отсеке хлореллы, глазевшей на Имп Плюса, казалось, совершались, подобно каким-то силам, новее зеленых, движения прежних теней, нависавших со стены его капсулы, но это не нацело отвлекло его от того факта, что он отличил *Землю* от *уровня моря*, и еще то, что здесь разница не имела значения. Также он говорил, не зная, что знал. И сказал *уровень моря* не потому, что должен быть прав, а потому что глаз его касались морские птицы, хотя глаз у него не было.

Не зная почему, Имп Плюс сказал *Нет* числам, переданным с Земли. Хотя числа те были правильные.

А видел он только эти формы. И они сделали орбиту эллипсом таким вытянутым, что орбитальный период давал меньше прямого солнечного света. Но здесь больше того, что Имп Плюс не знал, что знает. А часы Солнца для чего?

Солнце хорошо. А что тогда нет?

Темнота тоже хорошо. Почему так?

Кап Ком говорил. Имп Плюс уловил последнюю часть: СКОРОСТЬ СТАБИЛЬНА. ИМП ПЛЮС ПРОВЕРЬТЕ СТАБИЛЬНОСТЬ СКОРОСТИ. ИМП ПЛЮС КАК СЛЫШИТЕ? ГЛЮКОЗА ВЫРОСЛА. ЗАМЕДЛЕНА ПЕРЕДАЧА. ИМП ПЛЮС КАК СЛЫШИТЕ?

Его мысли о солнечном свете пришлось на середину пропущенных передач, но если Земля и подслушала, то никак это не отметила. Имп Плюс чувствовал, что упустил суть. Но что-то было больше. Он вспомнил жажду; это была растущая брешь через что-то его, и хотел, чтобы она немного подалась, соскользнула, растекалась и была прохладной, а это не то же самое, что мокрый. Но сейчас что-то другое, это большее, жгло, но не сквозь окно и не жаждой, так как он помнил только жажду. Он дотягивался назад из своего близко, насколько мог. Также дотягиваясь до тех точек, от которых он тянулся назад. Также точек, появившихся из-за того, что он тянулся.

ОТКАЗ ОТКАЗ, ответил Имп Плюс, видя намного больше тех данных, которые собирался передать, а именно СКОРОСТЬ ДЕРЖИТСЯ 1,9. И затем другой голос, как забытый сон, если бы он спал (но он не спал) отозвался ОДИН ДЕВЯТКА ОДИН ДЕВЯТКА, и Имп Плюс не только видел что-то еще, кроме этой информации, он не видел ее вообще, есть там у него глаза или нет, хотя глаза зеленой хлореллы выдыхали и вдыхали, пульсируя, для чего у Имп Плюса слова были, но неправильные.

КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ. ЕСТЬ СОМНЕНИЯ В ОРБИТАЛЬНОЙ СКОРОСТИ? ПРОВЕРЬТЕ СНОВА. КАК СЛЫШИТЕ? ИМП ПЛЮС ВЫ ХОТИТЕ СНОВА ПРОВЕРИТЬ СКОРОСТЬ?

Если Центр был тем же самым, что и Кап Ком, и Кап означало Капсула, Имп Плюс помнил капсулу. Хотя не то, для чего она. Имп Плюс начал отвечать Центру: ИМП ПЛЮС ЦЕНТРУ. Я ХОЧУ.

Два слова держались вместе — одно количество — в отличие от другого сказанного; два слова пришли к Имп Плюсу

из множества точек, как морские птицы, что налетали в него над тропами пены, пока расплывались.

Но что было не так с двенадцатью часами солнечного света? Было больше, чем один, все еще больше первых суб-орбитальных полетов задолго до «Аполлона».

И вновь Имп Плюс знал то, про что он раньше не знал, что это знает. И откуда он знал, что это не то же самое, что новый и не-новый, или то, что у него в голове видело ошибочные цифры, в то же время зная, что они ошибочны?

Что такое ошибочный? Двенадцать часов непрерывного Солнца? Нет, это правильно. Поскольку не хотелось, скажем, 45 или 90 минут на Солнце, затем 45 или 90 без него.

Но чего хотелось?

Слова, знакомые ранее, возвращались, но не из Центра. Центр хотел вновь проверить частоту и продолжал запрашивать. Но частоту Центр знал, как и Имп Плюс, поскольку она была согласована на Земле. Даже в темноте они продолжали общаться друг с другом, Земля и Имп Плюс. Во многих темнотах. Орбита не запрашивалась. Апогей в 22 300 миль был правильным. Имп Плюс не должен был давать для перигея чужие цифры, которые когда-то видел или вспоминал. Разница такая огромная, перигей такой короткий, ближняя точка настолько близка, что образовавшийся в результате эллипс мог бы нагрезить свою орбиту как раз в пределах захвата Земного магнита. Почему Имп Плюс видел эту фигуру, которая таковой не была? Если бы что-то другое давало неправильные цифры, это другое отзывалось бы на имя Имп Плюса.

Передача частая. Частота согласована на Земле.

Эхо — здесь было эхо, не Земли и не Имп Плюса, хотя, казалось, оно глубоко в его отростках, хоть и не в оптических, — казалось, пыталось нагрезить, как пробиться сквозь другие отростки, дающие Кап Кому показания частоты, но такие слабые, что это могла быть совсем другая частота.

Но то и впрямь была другая частота, передаваемая Кап Кому, и Кап Ком благодарил Имп Плюса, добавляя, что у НАС наблюдаются помехи, а сигнал слабый.

Поэтому Имп Плюс передал: КАП КОМ ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ?

И Кап Ком ответил словами: они были ПРЕКРАСНО ИМП ПЛЮС ПРЕКРАСНО.

Затем к Имп Плюсу пришел его собственный ответ. От себя, но от Солнца. Но еще и от Земли, которая казалась равно отдаленной. И ответ заключался в том, что Кап Ком раньше уже говорил ПРЕКРАСНО, и это было посреди темноты, не как сейчас; и если на другой стороне Земли не было еще одного Центра, произнесшего то же самое, что какое-то знакомое, но отступающее управление в Имп Плюсе машинально объявило невозможным, то часы в темноте, возможно, были приблизительно над той же самой передающей существенной точкой на Земле, что и часы на Солнце. Но это было согласовано и известно, и все же Имп Плюс открывал это, открывал то, что уже знал.

Но по существу. То, что называлось смехом, поглощало грэи, гасило или снижало уровень кривой на диаграмме. Имп Плюс раньше был частью смеха и частью диаграммы. Если он тогда не перебил смех, сказав «Говорите по существу», в таком случае подслушали то, что он это почувствовал. И если форма той тени на диаграмме утрачена вместе с тем чем-то, частью чего он был, слова продолжали быть полезными, поскольку смех расслабил что-то смотанное скрутками внутри чего-то другого. Но не к этой скрутке Имп Плюс прикасался раньше снова и снова, не в конце зимнего дня на диаграмме, а однажды весенним днем. Однажды весенним днем голос в воздухе неподалеку говорил не о скрутке, которой касался Имп Плюс, а о буреветниках, налетавших обратно вдоль моря, касавшихся крыльями белых барашков. Солнце наполняло тот день на Земле, хотя катушка, которой касался Имп Плюс, была далеко от Солнца, а голос произнес:

«Боже, что за птицы».

В следующей существенной точке от голоса донесся смех. Имп Плюс это вспомнил. Не как в день диаграммы, а другой. Затем голос коснулся Импа Плюса там, где он не мог видеть, и произнес: «Может, это контакты». И Имп Плюс не совсем видел то, что поначалу принял за расстояние между скруткой зажигания, на которую вроде бы смотрел, и распределителем с восемью плюс одним дугообразными обрезиненными шнурами, но вместо этого видел — не сейчас, а тогда: — две фокальные точки огромного эллипса: один — Земля, второй фокус пустой, как расстояние между фокусами. Он не знал фокус или фокусы, он не знал эллипс. Слова слабым эхом повторяли то, от чего он сам ускользал, распадался от чего-то в то, в чем не был уверен.

Но он знал ИМП. Это Исследовательская Межпланетная Платформа. Ему хотелось ответить на эти слова движением, которое он помнил, но думал, что не сможет сделать.

И не глядя, дотянулся до той части себя, к которой дотронуться, но она была вне поля зрения, хоть и на Солнце, а вот скрутка, куда он смотрел, была не на Солнце. К нему прикоснулись еще и больше в этом слепом пятне, и что-то, называемое смех, прошло сквозь него в голову, изогнулось к пространству между точками и скруткой, и этот смех не походил на тот другой смех, что поглощал грэй на диаграмме в зеленой комнате. Так как этот смех, он теперь видел, излучал.

И Имп Плюс отвернулся от того расстояния с его механическими преимуществами под угловым капотом автомобиля. Он повернулся к Солнцу, и смеющемуся голосу, и его глазам, и к морю, и к трем буревестникам, носящимся по гребням. И там, вдали на Земле голос произнес слова, которые Имп Плюс сейчас передал бы Центру в 22 300 милях в стороне, если бы вместо этого не передавал частоту, запрошенную Центром. Теперь настал черед Центра не отвечать. Помимо небольшого эхо, что не походило на Центр: оно сказала:

Я ВАС НЕ СЛЫШУ ИМП ПЛЮС, ПОВТОРИТЕ ЕЩЕ.

И Имп Плюс повторил, а Кап Ком все равно не слышал и сомневался в орбитальной скорости 2,4 мили в секунду, которую Имп Плюс добавил просто посмотреть, что будет, а затем Имп Плюс в последний раз повторил частоту, и предыдущее маленькое эхо, похоже, усилилось собственным желанием Имп Плюса, но Имп Плюс не понимал как, но эхо добавило буквы ПС в конце частоты, и после еще одной паузы Кап Ком сказал МЫ СЛЫШИМ, но спросил, действительно ли проверка глюкозы показала такой же высокий уровень, как показатели Центра, и есть ли у Имп Плюса представление, почему поднялась глюкоза.

Имп Плюс сказал, здесь всего больше — вполне могло быть больше и глюкозы.

Но затем слабое эхо сказала: ОРБИТАЛЬНАЯ СКОРОСТЬ 1,9.

Что, как знал Имп Плюс, правильно, но упорно подменял новыми цифрами, представляющими увеличенные скорости, как будто Имп Плюс видел — а ведь Имп Плюс видел — орбиту — предвидел, что орбита качнется вниз до перигея намного ближе, чем тот апогей в 22 300 миль. КАП КОМ сказал СЛЫШИМ ВАС, и Имп Плюс понял, что эхо было не Центром, а здесь — в голове Имп Плюса, если она есть.

Сейчас, несмотря на то, что Центр не сказал, что орбитальная скорость может быть иной, нежели 1,9 миль в секунду, частота до сих пор не имела тех букв ПС.

Он растерялся, и он был Имп Плюс. Наверняка одно, он смотрел на скрутку тем весенним днем у моря, и глядя на контакты распределителя, когда что он мог еще добавить о скрутке, кроме того, что сказал о распределителе? У скрутки тысячи витков.

На это имелся ответ, и он был наполнен смехом, прикоснувшимся сзади. И, как на Земле, он обернулся и увидел морских птиц, море и намного ближе — голос, этот смех был не тем другим смехом. Тот другой смех распространился

по диаграмме в большой зеленой комнате. Он вытащил из Импа Плюса слова *Говорите по существу*. Поскольку хоть он сейчас не знал (и в то же время знал), чем было то, что было тем смехом, он и впрямь знал, что тот другой смех проник в комнату от вьедливого, более тихого, более жесткого, а не смеющегося голоса, который его подобным образом не касался, и голос этот сказал: «Ты ведь не хочешь длиться вечно, не так ли?»

На это Импа Плюс ответил: «Говорите по существу».

Что тогда на Земле в большой зеленой комнате было не распадом орбиты, гораздо меньше подготовки для начала понижения орбиты. Нет, суть — в защите орбиты. И слово было *маскировка*.

Импа Плюс считал себя живым. *Кап Ком* означал *Капсульный Коммуникатор*.

Тени птиц — и ни птицы, и ни тени. И не антенны с высоким усилением. Но сейчас среди зеленой хлореллы появились новейшие тени.

Чего?

Солнца.

Без Солнца нет теней.

Центр знал, что будут тени и темнота. И можно ли замаскировать темноту? Орбита синхронизирована с Земной: а это означало, что она оставалась наравне с одной и той же точкой на Земле. Точкой, откуда в темноте и на Солнце поступили слова Кап Кома СЛЫШИМ ВАС. Но никаких других слов, какие бы припоминал Импа Плюс, не спускалось по сетке темноты, и вопреки приказу СПАТЬ Импа Плюс бодрствовал и дальше на одной стороне, на другой или на обеих.

Тень на стене капсулы преимущественно не темная. Она была больше.

И то больше, что было повсюду, все ближе и ближе подступало к Импа Плюсу.

Зеленое не имело глаз. Имп Плюс думал о его глазах, но на самом деле зеленого не видел. Хотя видел зелень. У него сбой?

Он уже заметил птиц или тени за собой, внутри того, где находился. У него сбой?

Сбой — это прием неправильного перигея. Или передача неправильной скорости.

В то же время добавление ПС к частоте — это не сбой.

Орбита заняла то же время, что и ежедневный оборот Земли, и ближняя точка была почти равна дальней, а скорость этой стационарной орбиты в 22 300 миль от Земли была 1,9 миль в секунду. Это синхронная орбита. Чтобы не убеждаться, понадобится лгать. Хотя лгать об орбите или скорости — это не сбой. Это манипуляция с маскировкой для убеждения; поскольку так кто-то сказал, не менее, чем кто-то, маскировка — понижение чего-то. Возможно, это понижение остановить нельзя. Слишком поздно. Однако нельзя пойти ему навстречу.

Маскировка.

Имп Плюс знал это слово. Он не знал *манипулировать*. Он не знал, откуда ему известна *маскировка*.

Вместо откуда было *въедливый*, другое слово.

Но *въедливый* — не то слово, которое сказали в том месте, где был *въедливый смех*. Сказали *маскировка*. Место —

комната на Земле. Имп Плюс там раньше стоял. Но когда он сказал въедливому смеху: «Говорите по существу», — слово *маскировка* не было одним из тех слов, что заставили его говорить.

Маскировка сказали в той комнате на Земле. Но раньше. Не тогда.

Кого-то следовало убедить *маскировкой*.

Имп Плюс накладывал одно неизвестное на другое; вот как это чувствовалось.

Он не знал, каково это чувствовал.

Кого-то следовало убедить *маскировкой*; кто-то так сказал. В той комнате на Земле незадолго до конца всего, не смех был въедливым. Имп Плюс сказал тому смеху: «Говорите по существу», — сказал таким же жестким голосом, но с другой существенной точки: «Не возражаете?»

И эта другая точка была тогда, когда тот человек в бледно-зеленой комнате на Земле сказал *маскировка*.

В той комнате на Земле он использовал слово *въедливый*. И тогда чувствовал себя отдельным. Вот почему этот смех раздался позже, когда кто-то сказал: «Ты ведь не хочешь длиться вечно, не так ли?»

Кого-то следовало убедить *маскировкой*. Но пока нет. Убедить поддельным перигеем, поддельной скоростью. То не был тот, кто низвергал въедливый смех, спрашивая Имп Плюса, желает ли он длиться вечно. Кто тот, кого следовало убедить?

Должно быть, кто-то на частоте. Следовательно, позже на орбите проверку частоты Имп Плюс считал ненужной.

Но Имп Плюс накладывал одно неизвестное на другое.

Этот кто-то мог быть чужим исследователем.

Очертания, подобные птицам и теням, были не только длиннее, крупнее или больше; теперь они были больше ответом.

Скажем, они были чужим исследователем. Но они были здесь внутри, и буквы *ПС* передавались отсюда изнутри.

Чужой исследователь был бы снаружи. Если бы буквы ПС до настоящего момента никогда не передавались в конце частоты, чужой исследователь знал бы только частоту, а не ПС. Значит, ПС, который измыслил Имп Плюс, показал бы Центру, что ответ тот получает не от чужого исследователя, который мог бы манипулировать.

Что такое *манипулировать*?

Но Имп Плюс при передачах был ИМП ПЛЮС, и слабое эхо внутри его головы произнесло буквы ПС, которые, как знал Имп Плюс, обозначали *Путешествовать по свету налегке*; а поскольку головы у него не имелось, слабое эхо с этими допсловами, заставившими Центр сказать «Ладно», могло быть чужим исследователем, вот только слабое эхо ощущалось знакомым, и если оно не было в голове Имп Плюса, поскольку Имп Плюс сам не был внутри своей головы, так как головы не имел, голос, откликающийся эхом, все еще был внутри; и более знаком ли он тогда Центру, чем Имп Плюс?

Так как Центр теперь не казался знакомым.

В то же время в темноте и на свету Имп Плюс, как он чувствовал, был в состоянии отвечать.

Что отличалось от видящих глаз в зеленом, которых там не было.

Но Имп Плюс уже назвал его *хлорелла*. Вот это уже что-то. Если б он складывал неизвестные на неизвестные, возможно, получил бы меньше.

Даже если это не хлорелла. Или больше, чем хлорелла.

Это не животное. Это растение.

Оно выделяло кислород.

В отличие от слепого продавца газет, который не был бы растением.

И в отличие от Имп Плюса, который выделял CO_2 , Имп Плюс не знал, как он это делает. Другие знали о выделении CO_2 , почему же он этого не знает?

CO_2 , сказала слабое эхо. Но это не ответило на вопрос,

на который, как знал Имп Плюс, он давно желал ответа: а именно — как он сам выделяет CO_2 ?

Слабое эхо длилось, но теперь из Центра пришли слова ИМП ПЛЮС ПОВТОРИТЕ ЕЩЕ. ЧТО НАСЧЕТ CO_2 ?

Что-то впереди ввалилось, и он слышал это как брешь звукового витка так же, как видел зеленое и ощущал зеленое как идею, и называл его *хлорелла*.

И Имп Плюс чувствовал, что сейчас может ответить Центру лишь по-своему, и слабое эхо сейчас с Землей не говорило: и что-то вывалилось, хотя и не металлический, но шар мерцающий во впадине, хоть и ввалившийся, нить накала, разбухшая в пространстве. И вот поэтому эхо еще слабее, что теперь было даже больше здесь с Имп Плюс, уже не говорило с Землей, хоть он и не знал почему. И когда Имп Плюс думал о себе, он обнаружил, что не видит, как выделяет CO_2 , — хотя раньше знал. А еще он обнаружил, что не знает, зачем эхо пробует различные числа и говорит укажи стрелкой на это, на то, а Имп Плюс видел только, что пространства внутри меньше, а капсула более заполнена, хотя еще здесь всего было больше, и установленные повсюду буквы и цифры дышали (так сказала слабое эхо) связью или связями между слабым эхом и им.

Орбита связей.

Но потом, CO_2 ПРЕКРАСЕН, сказал Земле Имп Плюс, и метаболизм отозвался хрустом, как код или смех, и Центр сказал: КАК УГОДНО ИМП ПЛЮС, У ВАС РАЗВИВАЕТСЯ ЧУВСТВО ЮМОРА. КАКАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ЭТИМ И ВЫРОСШЕЙ ГЛЮКОЗОЙ?

Но что такое метаболизм? То, что он вспомнил, бросило тень на то, что, как он считал, он видел. Он не припоминал метаболизм. Он его видел?

Но сейчас слабое эхо проверяло орбитальный период, апогей, перигей, скорость. И Имп Плюс думал, что маскировки больше нет: скорость не могла увеличиваться, так как

перигей на синхронной орбите практически равен апогею, как это допускает эллипс.

Опять донесся хруст. Центр сказал: ИМП ПЛЮС КАК РАСТЕТ ВАШ САД?

Хруст был въедливый, как маскировка. Стрелки похрустывали от слабого эха. Но стрелки были лишь на зеленом пространстве, нарисованные частично белыми въедливой рукой. Но похрустывание вело по многим линиям, которые теперь были новыми дырами к тому, что случилось вновь: к вваливанию и вываливанию. Это прошло быстрее и умолкло, но струи и многие пески соли никогда не сплавляются, какой бы ни была быстрота, и Имп Плюсу самому не нужно было объяснять это кому-либо, потому что струи, что как такты в двигателе, — были не столько накачкой, сколько наклоном, поэтому он склонился, чтобы образовалась возвышенность, чтобы всякое стекало или затекало. И наперекор силе снаружи, то, что было внутри и в последнее время меньше, выкачивалось наружу в то, что казалось бóльшим. И Имп Плюс ощущал вваливание и вываливание и думал: из-за того, что оно горело, оно не проникало сквозь защитное окно; затем он почувствовал обваливание гораздо больше, чем ощущал другое. Они двигались внутри стены, не по ту сторону, а в стене. Оно не одно, а много, пока роилось выйти или растрескаться на куски, и само было кусками черного и белого. Или не черного и белого, а другого, из-за скоростей, с которыми пульсации поступали от огненно-золотого источника этого света вокруг, или из самой зеленой хлореллы, или от зелени, что была жестко синей, как море. Поскольку голос тем далеким весенним днем на Земле сразу перед тем, как высмеять свою спираль вверх по позвоночнику, которого сейчас здесь не было, воскликнул: «Посмотри, какие цвета у этого моря». Поскольку да, эти пульсации здесь сейчас на орбите были цветом, хоть и зависели от того, как Имп Плюс склонялся их увидеть. Пульсации, летящие к тебе, но никог-

да не перемещенные. Все же и куски. Или что-то вне цвета. Такие маленькие, что не увидеть, но видимые не менее. Он не знал тебя. Имп Плюс желал этих кусков, но ощущал, что вынужден сперва дать им имя.

Но имена поступали из бледно-зеленых комнат на Земле. Он не вполне знал эти имена. Они, возможно, маскировка, но не въедливый смех. В то же время эти имена, некоторые, поступали от въедливого смеха и не главным образом из большой комнаты, где был въедливый смех и слова въедливого смеха *Ты ведь не хочешь длиться вечно*. Вместо этого имена поступали в комнате поменьше — нашей клетки, сказал тогда он, — где въедливый смех был всего лишь въедливым голосом. И одно из имен, произнесенных въедливым голосом, поступившим сейчас так, будто Имп Плюс сам должен был его знать, было *митохондрия*. И еще два — *двуокись углерода*.

Но к этому моменту то, что влажно тыкалось, толкаясь, чтобы выбраться из той стены, уже больше не похрустывало. Хотя вообще-то и не похрустывало. Поскольку не было никакого звука.

То, что пыталось выбраться, с таким же успехом могло быть глазами, что у зеленого, похоже, когда-то имелись.

Но если у Имп Плюса были не вполне глаза, и потому он не мог видеть глаз у зеленого, не обязательно поэтому он теперь знал, что у зеленого, в конце концов, нет глаз.

Я — Имп Плюс или часть, сказал Имп Плюс.

Он прежде был в другом режиме, слово для которого казалось неизвестным.

Вновь настало вваливание, разделяя расстояние на большее, поэтому вваливание было еще дальше от слабого эха, занятого своими компоновками. И на сей раз вваливание или вываливание было взрывом, неизвестным кашлем, обособленным в своем распаде, чей продукт не отхаркали и не сглотнули, а наоборот, частей, где произошел взрыв, раньше на том месте не было. Словно после того, как развеялся

дым, они там были. Или нет, дым предшествовал взрыву в обратном порядке.

Но расчистившийся дым был не совсем здесь. Он был в большой бледно-зеленой комнате на Земле, где Имп Плюс с покраснением кожи произнес въедливому смеху *He возражаете*.

Но если не здесь, тогда почему он расчистился здесь? Поскольку он расчистился, и в хлорелле двигалось то, что не было не только хлореллой; и то, движущиеся, что скручивалось и называлось, что Имп Плюс был готов вспомнить, но они не имели значения, разве что звук их скручивания, который Имп Плюс желал, чтобы Земля не подслушала, и его он предпочел не делать даже передачей дыхания слабому эху прямо здесь, которое говорило себе или Имп Плюсу: «Хлорелла содержит фотосинтетические клетки, клетки содержат цитоплазму, цитоплазма содержит хлоропласты, у которых есть мембраны, мембрана содержит структуру, структура содержит хлорофилл».

Но слабое эхо, которое Имп Плюс ощущал частью себя в изгибе того, что произошло, сказало такое, что заставило эти хлоропласты биться как блестящие веки не больше, чем въедливый голос, когда тот показывал Имп Плюсу сад.

Но вот оно: зеленое не так, как он готов был или мог бы подготовиться помнить, — не темное свекольно-зеленое, шпинатно-зеленое или тусклые изумруды бутонов, поименованные брокколи. И не та зелень, какую однажды видели глаза в недавней зеленой комнате. Нет, зелень его собственного дыхания, его вдоха.

Если обваливания — видение, так ли он видит без глаз?
Вряд ли такого много.

И если б Имп Плюс не знал, с желанием, что как стремительный полет длиннокрылых птиц, срезающих верхушки моря, что слабое эхо — не его настоящая часть, а часть того, частью чего был Имп Плюс, он бы мог счесть, что это чужой

исследователь, или сам бы подумал, на что маскировка предназначена быть ответом.

Предназначена? *Манипулируема. Манипулируема* — вот слово. Сказанное не-въедливым голосом в бледно-зеленой комнате на Земле. То был хороший голос. Не въедливый голос.

Въедливый голос, которому кто-то сказал «Повторите еще», сказал ближе к концу этого *Ты ведь не хочешь длиться вечно, не так ли?* и еще сказал в бледно-зеленой комнате поменьше, тогда и полного года не прошло, такое, что походило на поступавшее здесь от слабого эха сейчас на орбите, хоть и с ощущением бреши в слогах и в словах эха, которые сейчас, но даже тогда вываливались и вваливались, словно некое стремление Имп Плюса. Из-за этого стремления, казалось, он теперь их и припомнил, вот только он был из тех, кто сказал «Повторите еще», но то ли в ответ на вопрос о *вечно*, то ли о тех других, он не припоминал. Вот только он тогда подготовился вспомнить некоторые, но сейчас не совсем эти: *цитоплазма* (сказал въедливый голос в меньшей комнате), *цитоплазма*, ты о ней знаешь, и мы говорим (сказал въедливый голос) о цитоплазме клеток, называющихся *эукариотическими*, клетками с уже хорошо сформировавшимися центрами — для тебя *ядрами* (сказал въедливый голос — но что имел в виду? — и Имп Плюс не узнал тон голоса, вот разве что почувствовал, что ему больше не дают спрашивать, затем, казалось, временами перестал и слушать: такие слова, как *митохондрия*, которое имело к нему отношение, но не настолько, чтобы вынудило его отвечать, пока въедливый голос продолжал именовать события, при которых, как сейчас сказал голос) нам нужно увидеть, что происходит между двумя видами органелл. Первые являются структурами, превращающими свет в химическую энергию, — для тебя *хлоропласты* (сказал голос с отзвуком нездорового желания, так что Имп Плюс не спросил, что означает *органелла* — и все же он знал!) А другой

вид — структуры, в которых системы ферментов помогают окислять пищу, затем восстанавливают полученную энергию в форме АТФ¹, и тем самым служат электростанциями клеток, — для тебя митохондрии.

Но почему для Имп Плюса?

Для него все должно быть совсем иначе — электростанции для Имп Плюса. Его дополнительный инструктаж от вьедливого голоса нарастил в нем холодный заряд, который был крупным, отрицательным и более чем полным. Но инструктаж после этого не позволил заряду вылиться в большее, чем единственный вопрос, который ему тогда так сильно хотелось задать, что стены меньшей бледной комнаты на Земле начали двигаться больше внутрь, чем наружу, увеличивая его громоздящийся дискомфорт, и заряд выбирался наружу лишь в прыжках по комнате, выпущенный словами Имп Плюса Я нездоров. Что не стало новостью для вьедливого голоса.

Да и не стало более новым для Имп Плюса, чем его собственные скачущие слова по прошествии неполного года *Не возражаете*: поскольку они были среди вопросов, которые в меньшей комнате в нем подавлял холодный вьедливый голос, а если и меньше по сути, чем вопрос Что такое органелла? или Что такое окислять? или Какая связь между тем, как ферменты подавляют и как высвобождаются? — то внезапное *Не возражаете*, изданное Имп Плюсом спустя год в большей бледно-зеленой комнате среди вьедливого смеха, также было больше по другой сути: суть же эта, тем не менее, сама не имела ничего общего с проектными данными по электронам, пробитым ферментами вдоль клеточной цепочки респирации, или по носителям электронов, называемым цитохромами, или касательно обычной цитоплазмы, которая, как слабое эхо здесь на орбите сейчас — как в целом далеко от бледно-зеленых комнат — напомнило Имп

1 Аденозинтрифосфат. — Здесь и далее примеч. перев.

Плюсу, была веществом за пределами клеточной сердцевины. Этот въедливый голос на Земле отбрасывал на экран, чтобы показать притаившийся возле стенки клетки чужой эллипсоид — ту знакомую энергетическую станцию-митохондрию, которая в больших количествах должна как энергетическая станция была бы испускать смех, которому Имп Плюс отвечал импульсом еще там, в большей бледно-зеленой комнате. Отвечал выстрелом *Не возражаете* на въедливый голос, что швырнул тогда в него дополнительную массу табачного дыма. От него Имп Плюс отвернулся к микроскопу на столе. Он вновь угадал чувство курящего. Оно предшествовало выделению дыма, но держало себя теперь позади дыма. И Имп Плюс был тогда готов вспомнить, для чего предназначали его управляющие проектом, но и что-то еще, думал он тогда: и то была маскировка, о какой говорили в этой комнате, под конец всего — эта маскировка, которой можно манипулировать (произнес один голос), чтобы убедить, — можно использовать не на чужом исследователе, а на этом неизвестном дополнении, этом последнем добавлении к ПС, а именно на Имп Плюсе.

Но если это то, что означало, и его тоже нужно было попытаться запомнить, а он всегда пытался не думать о скорости света, мечущегося повсюду у него внутри, распадаясь на дыры, которые он при всем желании не мог заполнить, если его нездоровое тело могло думать только о чечевичной похлебке на обед.

Поэтому чтобы развеять атмосферу его собственного *Не возражаете*, он развеял обжигающий дым и сказал: «Ну, меня нельзя назвать ипохондриком».

Невъедливый, он же — хороший голос сказал тогда: «Как же мы будем вас называть?» — и на пару секунд закашлялся, и от этого затряс головой, смеясь, как друг, так, что стали одной спиралью, и сказал: «Про вас не знаю, но я сдаюсь». Тогда, чтобы разрядить атмосферу, Имп Плюс сказал: «Мне

больше нечего сдавать». На что хороший голос, переставший кашлять, сказал: «У вас есть место — как у Годдарда²».

Великий Годдард в белом халате. Годдард, который из самодельного хранилища запустил ракету на жидком топливе и годами об этом помалкивал.

Но въедливый голос сказал хорошему голосу: «Подумай, как оно происходило у Годдарда». Затем въедливый голос бросил взгляд на Имп Плюса, и когда хороший голос опять закашлялся над окисляющейся сигаретой и снова из-за краба, забравшегося в горло самого великого Годдарда, Имп Плюс попытался развеять дым в бледно-зеленой комнате и сказал, что если его место и не в столетии, как у Годдарда, то, возможно, место его — в своем десятилетии, как у РЭПа³ в своем.

Самоокращенное прозвище еще одного великого. И собственные слова Имп Плюса, прозвучавшие сейчас из проходной комнаты настолько давно на орбите вокруг Земли, поступили от Имп Плюса, которому Имп Плюс не мог найти место. Но он нашел место РЭПу. Оно было французским, подобно дыму — *Ров-бери* и еще два слова. РЭП хотел быть первым, кто поднимет самолет в небо. РЭП еще до Войны-14 предвидел космические корабли на атомном приводе.

Но в этот раз источник французского дыма — а именно въедливый голос — взмахом отогнал дым, но не так, как буре-вестник смахивает морскую пену, — к Имп Плюсу. Кто понимал тогда, что волна намеревалась его смести. Но нет, въедливый голос продолжал доноситься, чтобы затем достичь Имп Плюса.

Дотянутся тем, что теперь, насколько позже на орбите, блокировалось слабым эхом: передачей данных про РЭПа: но Имп Плюсу: именно то, что РЭП построил самолет, написал книгу,

- 2 Роберт Годдард (1882–1945) — американский ученый, один из пионеров современной ракетной техники.
- 3 Робер Эсно-Пелтри (1881–1957) — французский авиаконструктор, один из основателей современного ракетостроения и астронавтики.

произнес слово *астронавтика*, придумал ручку управления, почти завершил ракету, чтобы запустить приборы на высоту 60 миль, печатал на машинке на французском, но писал на немецком, используя то, что Имп Плюс не мог использовать лучше, чем ручку управления, и потому слышал, в передаче слабого эха, как дым: но видел, а не слышал: хотя видел не дым, а живое, которое тянулось к Имп Plusу сквозь дым, как будто дыхание табаком было дымом, чей распад мог содержать еще что-то, кроме углерода и горения. Но потом то сквозь дым стало самодельной долей себя, поддельной долей, которая была сообщением Имп Plusу, следовавшим за РЭП через другие данные и заглушенным тем, что поступило от слабого эха о французском спутнике Д-1А или Диапазоне. И эти данные, сначала лучистые, затем серые, ослабели, если не заменили то, что отсутствовало у живого, прикрепленного к въедливому голосу, которое въедливый голос протянул сквозь маскировку к Имп Plusу: данные практически подавили эту брешь данными о клетках: клетках для улавливания Солнца — Солнечных элементах-клетках — клетках на консолях, вмонтированных в откидные панели Диапазона, которые можно поворачивать, чтобы лучше использовать солнечный свет.

«Четыре», — произнесло сейчас на орбите слабое эхо, имея количество панелей Диапазона. Но чем было слабое эхо?

И «Четыре», сказал однажды Имп Plus, снабдив эту самодельную частицу, которую удержал въедливый голос: держал сквозь дым к нему. Однако теперь на отдаленной орбите Имп Plusу были без надобности слова, сказанные вместе с «Четыре».

Но он смотрел сейчас сквозь отсутствующее, один как палец — пальцы, он знал пальцы — четыре пальца, вырванные из поля зрения, — и смотрел сквозь рассеивания дыма на нездоровое желание, переданное лицом въедливого голоса. Имп Plus знал слово *лицо*. И видя это неведомое, но присутствующее нездоровое желание, он помнил, как готовился

его запоминать. Что было не более тем же, что и быть *инструктируемым*, чтобы запоминать, чем слово *кислород* словом *окислять*.

И сейчас в то же время деление известного Четыре на известное Четыре оставляло им неизвестное Один, о чем Имп Плюса не инструктировали в тех бледно-зеленых комнатах на Земле, и оно не было деловитым, информированным слабым эхом здесь с ним на орбите, которое, кажется, знало все, что Имп Плюс раньше знал, и потому, похоже, даже когда-то был им. Кислород был О.

Опрокидывая операцию, посредством которой известные Четыре панели над известными Четырьмя отсутствующими пальцами давали неизвестное Одно, Имп Плюс чувствовал, как повсюду вокруг него неизвестные вываливания делились на неизвестные вваливания, давали сейчас пространство, как расширение, словно то, что, как ему сейчас стало понятно, он утратил; известное так же, как четыре французских пальца, утраченные в работе Ров-бери Э-П с ракетным топливом, знакомое, как собственные утраченные пальцы Имп Плюса и его слова въедливому лицу: «Откуда тебе знать, что РЭП все четыре пальца потерял на одной руке?» — и знакомое, как собственная рука Имп Плюса и длинная въедливая рука, что дотянулась сквозь дым, завихрив его вещество, поступила посредством кольца дыма, разогнавшего завихрения и сама сплющилась — въедливая рука прошла сквозь, словно чтобы пожать руку Имп Плюсу, лишь для того, чтобы затем превратиться не во въедливый сигнал дыма, а в грубый знак вздетого большого пальца, шутивно торчащего вверх, как напоминание, что Имп Плюс потеряет позвоночник, пальцы, лицо и руки, лодыжки, локти, шея разлетятся излучениями радиусов без центра, колени, череп, минеральные зубы, и не забудь о коже, она больше не наблюдается, как раньше. Коже, чувствующей наперед, как почувствуется ладонь въедливого смехача в рукопожатии, которую потом удержал.

у великого Годдарда тогда случилось неизлечимо больное горло, и Имп Плюс ему сочувствовал, потому что помимо кулаков и других частей, что ему назначили утратить при операции, которая должна предшествовать Операции ПС, он утратит еще и горло.

Но вот к чему он шел: что пока все тело было слишком нездорово, чтобы выздороветь, горло еще не болело. Не заболело от дыма въедливого голоса ни на раннем инструктаже в мае, ни на конференции менее целого года спустя в большой бледно-зеленой комнате, когда въедливый голос решил, что Имп Плюс предал затаенную надежду, будто Операция ПС продлится долго — но от въедливого лица: вот к чему теперь подходил Имп Плюс — деля неизвестные расстояния от известных к известным — к этому: мысль, что чрезвычайный план на случай распада орбиты можно испробовать на нем, ослабла, и сменилась въедливым лицом, чье нездоровое желание, считал он, видна сквозь дым; нездоровое желание, сказавшее: «Подумай, что ты потеряешь: в интересах Операции ПС: подумай об этом».

От чего Имп Плюс отвернулся посмотреть в объектив, потому что не мог вынести вида въедливого голоса. Но увидел лишь свой ускоренный распад. Хотя сейчас в разгаре Операции ПС — на орбите, синхронной с Земной, поскольку так Центр мог надеяться сохранить свою радиоцепь с Имп Плюсом исключительно для себя, — шанс выпал вокруг него в новых решетчатых градиентах яркости, не похожих ни на какую градиентную сетку, к которым его подготовили старые плохие инструктажи, сила, поступившая оттуда, где хлорелла и хлоропласты, что, как он сам обнаружил, осознавая — или видя, — и поступили из раскладывающейся карты Солнца и на переборке его каюты, птиц и форм, что их отбрасывали, но еще и поступила и от его собственных перемещений.

И это новое воспоминание получило затем с наслаждением то, что произошло в конце зимнего дня, в бреши четы-

рех пальцев, выхваченных из поля зрения, словно их срезали в костяшках на въедливой руке. Да, нездоровое тело Импа Плюса разделилось этим нездоровым желанием, разделилось.

В большой зеленой комнате, выделявшей углерод и двуокись углерода, и не бывшей тем зеленым, что выделяло кислород, хороший голос сказал: «У нас потери», — и спросил все ли ладно, Импа Плюс. Поскольку он побледнел. Потому что кровь, которую он скоро должен пролить, отхлынула от его лица. И это внезапное падение (причина или следствие громоздящейся головной боли) вызвало вдоль середины крови обратный отток — ткань веретен, запруженный бревнами поток, к какому-то месту, безопасному среди клеток того, что останется, когда у него отнимут его останки. Он этого так боялся, что думал лишь о том, что дышит двуокисью углерода въедливого голоса, но опасался он, что, получая CO_2 , ничего не выделяет взамен.

И все ж веретена. Ось на оси. Не бескрылые фюзеляжи, и гораздо больше, чем бревна в реке, да и не впервые или бледно-зеленая комната. Но каскады носились челноками из плазм к свету слишком быстро для ионизированных слов, как хромосомы, чтобы выделять страх перед тем, что они именовали не больше, чем ради одной его части, которая осталась бы, когда слова операции его вычли. Ось на оси. Электромагнитный каскад. Части, раздробленные на самое свежее движение, не распавшуюся двуокись — в этом и был замысел. Или самое оно. Или его желание или желанная память. Также страх. Стать растением, продаваемым как Дополнение, торговцем, который сумел зацепиться. Поскольку Импа Плюс попал бы в новости.

Но он застрял между знанием. Он измыслил электромагнитный каскад. Это не было неправильно. И было гораздо больше, чем бревен в реке, но в мыслях он видел те бревна твердыми. Но сейчас Земной взгляд был затемнен годами, да это и к лучшему.

Тот взгляд, такой же далекий теперь, как и весенний день, когда к нему прикоснулись — он не мог отбросить прикосновение — другим смехом, поднимавшимся вверх по сетке его спины, и он отвернулся от карбюратора под поднятым капотом автомобиля, который не заводился, и увидел первые просторы морских гребней, срезаемые тремя ширококрылыми буревестниками.

А ближе увидел легкий смех и рот. И чтобы сохранить лицо, начал говорить, что причина неполадки между контактами и карбюратором. Но рот произнес: «Не стоит о машине», — и говорил слова, свернувшие мягкий смех внутрь, в слова, которые сказали: «Хорошо, что я не собрала сумку».

Что-то лежало между теми словами и следующими. Это CO_2 или это Кислород?

Что бы то ни было, оно поступило не из въедливого рта, выдвухшего сплющивающийся эллипс, а из другого рта — словами, всех значений которых этот другой рот не знал. И эти следующие слова были «Путешествую по свету налегке».

Между которыми теперь должно поступить слабое эхо, передающее правильные скорости. Но правильные ли? К тому же Имп Плюс не знал, это передачи Центру или ему. Казалось, он передавал внутри самого себя. СЛАБОЕ ЭХО. ВЪЕДЛИВЫЙ ГОЛОС. ХОРОШИЙ ГОЛОС.

Он должен учитывать вваливания, он должен учитывать вываливания, на формы вокруг — внемлют они ему или нет?

Вокруг было больше, и еще больше вокруг присоединялось к Имп Плюсу.

Но тогда Имп Плюс не подготовился вспомнить, что потерял все части тела. Ему не следовало готовиться.

Затем Операция ПС вот-вот должна была начаться с ним. И вместо желанного воспоминания, чтобы помочь ему войти в то, что может ждать впереди, его отбросило назад во вспомнившееся желание.

Запах тех глаз на морском побережье пришел лишь теперь, когда Земля далеко позади. Глаз над приоткрытым ртом.

Что их принесло? Тот же рот, чей смех спиралью взбирался вверх по сетке его позвоночника и развернул его.

Рот тогда произнес слова. Этот рот, который Имп Плюс не был готов вспомнить, вмешался в его собственные слова, разделяя их. Он появился. И затем проник внутрь Имп Плюса, когда тот закрыл глаза.

Какие глаза?

Глаза, что у него раньше были.

Поскольку он своими собственными глазами удерживал те глаза, что были не его, а также рот, пока в тех глазах не расплылось, и они не перестали быть там, и глаза Имп Плюса закрылись, а другой рот на самом деле не утратился, а нашелся поверх его. Так как у него он раньше тоже был.

Но чей был рот, нашедшийся поверх его?

Ее рот. Он не готов был запоминать рот или слово ее. Он склонился во все свои слова. Те были решеткой до того глубокой, что не звучали. Поскольку он изменился. Он погрузился сквозь их шансы к неизвестному.

Имп Плюс раньше был готов помнить, что глаза появляются из нужды в питании. Но сейчас вместо этого он обнаружил, что глаза будут его питать. Обнаружил это в аромате тех глаз над ее ртом. Сладком, поскольку в камерах этих глаз был сахар. Не заряд для выстрела в Имп Плюса. Наоборот — медленное движение внутри. Медленное переливание за растяжку волокон, вцепившихся в объектив. Вот что.

Но то было не сейчас на орбите, а тогда на Земле, с его телом, разламывающимся на все более мелкие части, которые стали такими маленькими, что он думал, будто они сами по себе, а не он. Штука в том, что думал он так тогда на Земле, но только теперь узнал, что думал. Словно его неизвестная мысль тогда на Земле была самими частями. Чья суть была в том, чтобы о них узнали позже. Части, выворачивающиеся наизнанку. Но лишь теперь на орбите Имп Плюс увидел то, что видел. Он смотрел в глаза, которых здесь не было, и видел сахар их потока.

И сахар не такой сладкий, как сам поток, видимый вдоль северной радуги, слегка разомкнувшейся перед объективом. Он знал радугу, но то, что он был готов вспомнить, была радужка. Радуга северная, потому что синяя. Синее, но и дальше зеленой. Зеленее долгих длин волн крови, которую Имп Плюс видел красной.

И волны цвета были пульсацией радуги. Закрывали ее и открывали. И кольца мышц, что были в клетках, могли изменять размер. Но здесь — или там — в глазах на Земле, кольца сократились, чтобы сжать концы радуги друг с другом через зияние зрачка, который уменьшился, и Земной рот сказал Имп Плюсу: «Хорошо, что я не собрала сумку».

Он стал счастлив.

Имп Плюс не знал рот или ее.

Но тот аромат сладости из ее глаз, чьи точки теперь вновь раскрылись, когда кольца расслабились, и радуга разомкнулась, и сладость потекла из камеры в вену слаще, чем уровни глюкозы Центра или Слабого Эха, был мучнистым младенческим запахом, подобным дыханию птицы, которая выпала из гнезда, и ее кормили из пипетки.

«С уровнями глюкозы можно дойти лишь до некоторого предела», — подумал Имп Плюс, и Центр ответил: ОТКАЗ ИМП ПЛЮС ОТКАЗ. УРОВНИ ГЛЮКОЗЫ ВЫСОКИЕ И ВЫ ДАЛЕКО ПОЙДЕТЕ. КАК ОНИ СЛЫШАТ ТАМ, ИМП ПЛЮС?

Слабое Эхо передало глюкозу обратно Центру: Имп Плюс позволил этому случиться. Глюкоза была не просто высокой. Она была настолько высокой, что Центр запросил повтор. Глюкоза, казалось, была настолько обратна низкому уровню, что, возможно, сбиол вывод измерителя.

Имп Плюс отпустил Слабое Эхо, и когда оно пропало, почувствовал как прикосновение то, чем было для него это Слабое Эхо.

Имп Плюс видел больше зеленого. Видел больше, чем то, что у него были глаза. И раньше наблюдал за преобразованиями формы зеленого без нужды их называть так, как называешь океан, в котором содержится зона посадки космического корабля. Имп Плюс помнил, что готовился помнить: глаза возникли из нужды в питании. Но он не готовился помнить энергетические станции клеток, поименованные так Въедливым Голосом, который добавил: «Для тебя — митохондрия», — словно митохондрия была бы понятнее Имп Плюсу, чем энергетические станции. Еще Имп Плюс не готовился помнить, однако сейчас не мог не помнить, Посредник Священного Мира Высокой Энергии, слов Въедливого Голоса, добавившего: «Для тебя — АТФ», — словно Имп Плюс знал. В этих обратностях нездоровое желание Въедливого Голоса

выросло, подобно эластичному дыханию защитного покрытия, сквозь которое Имп Плюс не мог пробраться. Нездоровое желание упорствовало, словно форма его крови после того, как ее спустили в чистый мешочек. Имп Плюс обнаружил много слов, которые знал.

«Лучше вызубри», — сказал Въедливый Голос.

Но для Операции ПС Имп Плюс должен был много узнать и настолько подготовился еще, что те обратности могли командовать им не больше, чем то, что Въедливый Голос сказал Хорошему Голосу в зеленой комнате побольше в конце всего. Хороший Голос тогда рассказал о полуавтоматической природе Чрезвычайной Маскировки, как она защищала от чужого исследователя. Хороший Голос добавил, с тем знаменательным беспокойством, оставляемом на долю Имп Плюса, что у Имп Плюса, конечно, будет более чем достаточно для наблюдения, к тому же без какой-либо ответственности за Чрезвычайную Маскировку.

Въедливый Голос сказал: «После того, как эти механики с ним разберутся, что у него останется для исследования?»

Ни рук, ни локтей, ни ступней, ни шеи, ни копчика, ни селезенки, потовых, поджелудочной желез, ни тех беспроточных Островков Лангерганса, вырабатывающих инсулин, среди клеток поджелудочной. А не будет ли слепого пятна там, где сетчатка дает оптическому нерву вход, или выход, или шанс на жизнь?

Что в таком случае станет делать Имп Плюс?

Исследовать эхо. Эхо, продолжавшее передавать известные известными. Поскольку тут снова появилось Слабое Эхо, сообщая, что синхронизированные культуры теперь не синхронизированы, и передавая Центру числа, соответствующие числам Центра. Показания азотной реакции в тесте питательного вещества и оживленных скачков уровней глюкозы. Дилатометр, измеритель емкости — он знал емкость — показания расширения жидкости. Гальваномет-

рические показания активности в популяциях хлореллы и поверхности коры.

Центр запросил повторить еще, насколько снизился уровень глюкозы до того, как вырос до новой, но кратковременной высоты. Центр запросил проверить культуры хлореллы еще, они все по-прежнему должны быть синхронизированы. Центр сказал: **ПОВТОРИТЕ ПОЖАЛУЙСТА ПЕРЕДАЧА СЛИШКОМ БЫСТРАЯ СЛИШКОМ СЛАБАЯ СЛОЖНО СКАЗАТЬ КАКАЯ**, а слабое, но близкое Слабое Эхо так продолжало о росте и падении глюкозы, что Слабое Эхо не слышало запроса Центра передавать медленнее.

Но когда Имп Плюс услышал, что теперь Центр сообщает об электрической активности в предлобных участках 9 и 12, затем вмешался в свои собственные участки, чтобы спросить, отвечает ли в предлобной доле Слабое Эхо (называемое здесь **ИМП ПЛЮС**) на какие-то толчки, получаемые от Центра в височную долю, — и кстати, сказал Центр, какое удовольствие он ощутил в 9 и 12 прямо сейчас? — Имп Плюсу не нужно было слышать раскладывающийся ответ Слабого Эха о схожих примерах выступающей на поверхность активности — 50% удовольствия, 50% нет — сенсоров источников в долях, которые теперь сложно распознать.

Поскольку Имп Плюс обнаружил во всех складках, чьи волокна охватили каждый объектив тех глаз, что он раньше держал своими утраченными глазами, сладкую влагу из сахара и крови, которая, раскладываясь, текла поверх него.

Это было флюидное основание, уложенное поверх борозд, трещин, гребней, перекаатов.

Оно текло по телу Имп Плюса, вот только тела у него сейчас не имелось. Затекало на складки, что были его так же точно, как и то, что одна из них сейчас приоткрылась, заставив его взглянуть на то, что он не знал, хочет ли видеть.

И то, что он увидел, было ее. Или должно быть ее, потому что питательный запах был тем запахом из ее глаз. Та медлен-

ная сыворотка, замешанная на сладком цвете и зернах или глобулах детского питания.

Но затем запах ослабел, словно его отвергла чужеродная пульсация вдалеке. Однако запах исчезал как след, который вернется.

А Имп Плюс видел лишь тонкую путаницу света, венами пронизывающую тонкую темноту. Венами застывшими, как карта, но повсюду мерцавшими.

Оно тоже гасло, но с нарастанием: то есть, расплываясь все ярче и ярче. Подобно свету, которого желал Имп Плюс при темном цикле, где не было хорошего Солнца. Яркий мазок был от путаницы света и одной из вен, и он быстро смыкался на нем, как на одном из все более и более мелких кусков, на какие разделило его утраченное тело, словно для того, чтобы взвесить все по отдельности.

Имп Плюс вошел. Он прошел сквозь яркость. И было слышно, что Слабое Эхо уже давно завершило отвечать, что эти нервы в радужке того глаза выступают из своей темной мембраны из-за того, что вещество передатчика норадреналин светится в нейронах.

Но темнота, в которую вошел Имп Плюс сквозь вену яркого мазка, не могла быть ее темнотой. Действительно, участок водянистой влаги был ее. Поскольку она поступила из складок, где волокна укрепляли объективы ее глаз. Она вытекла и отделилась, заполнила и открыла новую складку среди трещин и гребней.

Но, подобно трещинам и гребням, седловинам и перекатам, что были его, эта новая складка тоже была его. Она была частью всего, на что распространила свое поле сыворотка сладких частиц.

Что было телом. И было его. Хоть и не его телом. Большая часть которого утрачена. И поэтому не могло реагировать.

Запах ее глаз на морском побережье также теперь исчез, как и следовая паутина света нерва радужки, сквозь которую

Имп Плюс проник в темноту, которая, как он теперь слышал, вваливалась к нему.

Темнота, что была его, знал он.

Поскольку в том, что было его.

Что было одной складкой из множества складок, из многих седловин, расщелин, трещин.

Темнота была его, потому что разламывалась. Она обвалилась и разломилась на части, которых, как он обнаружил, ему хотелось. Но разлом был настолько огромным, что его клетки, заслышав его, также разломались; и его клетки, завидев это, были глазами, втиснутыми во впадины, пока мешочки не лопнули, и водянистая влага не пролилась; так что глаза остались утопленными, а это и случилось в том, как он теперь знал, что он подготовился не помнить, но все равно помнил, хоть и не слово для этого. Это было как то, что он ощущал прежде, что оно тоже было здесь. Для него он также не мог найти слово.

Он знал лишь, что оно спрашивает. Вне того, какое он раньше чувствовал, он выяснил, что в свою очередь было вне слов, которые уже нашел. Клетки, заслышав и завидев разламывание, были иными, нежели само разламывание. Разлом был мягким, как клей. Клейкое единство разваливалось на множество губчатых единств, что потом становились намного, намного больше, а затем снова превращались в единства клея. Но десять к одному, что это и был клей. Десять клея к одному грёю. Но клей должен быть белым, а этот был темнее. И здесь звучало глубокое похрустывание, неслышное, словно бы предвосхищающее.

Ему хотелось слово для того, что раньше чувствовал: слово, какое больше было бы вопросом. Он хотел остановиться, пожалуйста. Но теперь обнаружил, что по темноте может сам разместить и снова разместить то, что поблекло или выключили: сладкий запах и нервы, полные света. Потому вот они снова, припомненные тут. Он думал, что может такое

сделать, и без слов. Что не то другое, какое он чувствовал, и то было слово, которое больше вопрос.

Но сейчас от центра разламывающаяся темнота начинала разламываться.

На все больше и больше углов, но обратно, чтобы указать на точку растущего центра, из которого все углы ускользали прочь, как звезда темноты, вывернутая снаружи внутрь, углами. И расступавшаяся темнота забрала с собой сети нерва радужки, которые он заставил возникнуть вновь, и забрала сладкий запах ее глаз на берегу.

Поскольку перестать он не мог, и не мог перестать хотеть, и не мог вспомнить слово для того, какое он здесь чувствовал, что заставило его хотеть перестать, он тогда хотел быть не здесь. Но то, что вывалилось из хрустнувшей темноты, тоже было здесь, хоть и в расстояниях, что делились на все больше и больше все меньших и меньших расстояний. Поэтому, заглядывая внутрь складки, что была его, поскольку была она частью того, что было его, он также смотрел внутрь зеленой и сине-зеленой грядок светящихся ярких водорослей, ярких еще и потому, что мокрых. Видя больше зелень, чем сине-зеленое. Хотя обнаружил больше того и другого.

Больше, чем что?

Больше, чем до этого.

Он видел больше зелени, но теперь также видел меньше разного в большем. Он видел сферы до того маленькие и отделенные, как моргание глаза, и они двигались и были во множестве движений. Менее маленькие из этих сфер дышали быстрее, более маленькие так медленно, что другие движения внутри этих сфер были яснее. Зеленые сферы были хлореллой, потому что он подготовился припомнить хлореллу. Но сейчас здесь было немного больше, пока он смотрел, как будто некоторые члены зеленой популяции уже сбились в кучу за пределами видимости и теперь выступали, отталкивая в сторону других.

Это еще происходило.

Но чем больше становилась популяция хлореллы, тем больше Имп Плюс мог разделить их на взгляд, и потому зрение Имп Плюса находило все меньших и меньших.

И меньшие, которых он видел в каждой сфере хлореллы, — это диски или яйца сплюснутые и, что важнее, склоненные так, что, когда они двигались по клетке, их края улавливали свет. Имп Плюс мог это определить, потому что яркость, которая была повсюду, даже в тенях вдоль стен, что были стенками капсулы еще больше, чем стенками складки, была не одной, а многими, бегавшими в настолько маленьких индивидуальных пакетах, что в них имелось больше света, чем формы, и диски и яйца поворачивали свои края, чтобы получать эти выводки света.

Диски и яйца были просто зелеными, пока Имп Плюс не посмотрел на еще больше маленьких выводков света, прилетевших столкнуться с дисками и яйцами, а потом диски и яйца стали еще и оранжевыми, как внутренняя часть сырой моркови на срезе, и такой же желтой, как то, что он не мог припомнить, но тут же все зеленое, и он мог видеть оранжевое и желтое или же этого не видеть.

Что, как думал Имп Плюс, он такое мог.

Он призвал обратно сладкий аромат глаз и с ним карту нервного света. Но знал: что бы он ни мог сделать — никогда не сможет сделать то, что уже сделано.

Здесь, то есть.

То есть, чтобы поместить в одну из его складок не только грядки зеленой хлореллы и сине-зеленых водорослей-анабен, но также и то, что можно увидеть в глубине сквозь скользкий шар мембраны, которая заставила темноту расступиться перед собой. Поскольку то, что можно было увидеть далеко внизу сквозь большую мембрану за изгибами, которые Имп Плюс никогда вокруг не видел глазами, однако видел вокруг некой изгибающей силой, которая притягивала его к тому, что, как он

знал, ему захочется, было медленно покачивающейся материей слоев. Там было шесть — и бледные связки, как провода, размягченные в волокна, спускались со стены тропы, чтобы соединиться со слоями.

Но сквозь эти шесть слоев Имп Плюс обнаружил, что его зрение разделено подобно субстанции, которой нужны дыры, чтобы пройти сквозь блок; и гораздо ниже шести слоев свечение уходило, как расстояние, и ближе всего к его распространению были спрессованные волокна аркой, излучающие — уносящиеся затем к дальнему месту, где память обещала карты древесной коры и карты космоса, которые были единой картой движения, — к месту, однако, как говорила память, что было слишком далеко для него, чтобы хотеть или быть.

Ниже этого желтый участок распространялся с той силой, что, как он видел, некогда текла через его машину. Подумать только, стало быть, что содержится в одной этой складке; подумать только, как далеко он ушел. Но он не мог дышать. Его притянуло туда, где он не знал, как подумать о том, чтоб дышать. Он хотел, чтобы его отсекло отсюда; и, не понимая, мог ли он быть, он вновь обнаружил то плохое, слово для чего не мог припомнить, разве что как вопрос, а теперь понял — он не знает вопроса.

Он видел разделенный свет в глубине вдоль тропы. Раньше он вышел из своей складки на тропу, которая тянулась во много сторон. Дальше вверх обвал увеличивался, а в стенах и над головой были вырезы, как ступеньки. Вниз — или, по крайней мере, в другую сторону — к шести слоям света было меньше. Но сейчас он видел, как подволок, и стены, пульсируя, выдавливают длинный обвал наружу, чтобы стало больше пространства.

Пульсация эта исходила не от стен и подволока, а от того, что на них: гладких, натянутых волокон. Именно они в конце внизу у шести слоев тянулись с плеч длинного обвала, чтобы воткнуться в слои, так как Имп Плюс смотрел в обе стороны.

Он проследил волокна вниз к слоям, мигающим в тех точках, куда достали волокна.

Но Имп Плюс реагировал, он хотел быть не здесь: поскольку с ним что-то случится, что не должно, но слово не явится с этим вопросом, который, возможно, и не поможет, а волокна пульсировали вовнутрь, словно они тоже, пусть и воткнутые в слои внизу, хотели выбраться.

Из чего? Его складки. Из того, что было телом и, как темнота, сброшенная величественной поблескивающей мембраной, было его?

Было телом; было его; но не его телом, хоть и видимым взглядом, что, казалось, клетки смотрят сами, что вернуло его туда, идти куда он не хотел, тело из кусков все меньше и меньше, измышляющих себя.

Пока что он не мог зайти за эти слои внизу к сияющим участкам, выгнутым дугой прочь на красное и фиолетовое двойное расстояние. Но он мог быть во многих местах, и он знал это лучше, чем знал красное и фиолетовое там внизу с их чужим обещанием зеленого, если Имп Плюс быстро отведет взгляд, а потом вновь на них посмотрит. Однако обнаружил он удивительное слепое пятно. Новым шансом для него стало быть сразу больше, чем одним местом. Ниже вдоль этого зрительного тракта пересечение вело к слоям; он видел (затем больше не видел, разве что припоминая) не одно тело, а два из слоев внизу.

Они были связаны точка за точкой, как столбики кода с волокнами, спускающимися по тракту. Ему следовало куда-то вернуться и нарисовать эту карту, чтобы другие могли ею пользоваться. Быстрый взгляд на нее был как моргание другим глазом, если бы у Имп Плюса прежде имелись глаза, и, глянув, он увидел, что, пока мог быть и видеть два и более мест сразу, у него могло появиться слепое пятно, если созерцать два отдельных места, которые случайно оказались одним и тем же.

Но нет, когда он снова посмотрел вверх теперь уже из этого перекрестья, который, как он сейчас видел, был бесцветен в отличие от бледно-оливковых волокон, то увидел два тракта, а не один. Тракты были одним и тем же, с яркой дырой в конце каждого, а за дырой цвета Солнца, наполнявшего блестящую зеленую и сине-зеленую грядки водорослей; и видно их было с расстояния, отличного от вблизи, откуда Имп Плюс раньше поддерживал хлореллу и анабену прямо здесь, в этой одной из множества складок, хоть и не в точке перекрестья, от чьего обесцвечивания пришлось увидеть, что остальные волокна — бледнейшего оливкового цвета.

Складка была его. Заплетенные волокна выстилала этот ее охват, или тракт, в который выводила складка. Или волокна, прилипшие к сторонам и к подволоку. В то же время от перекрестья вверх было два тракта волокон. С дырой в конце, и каждый тракт обрезан перед дырой. Волокна пульсировали. Обвал не становился больше. Появились тени сборок, и какая-то часть волокон под прямым углом тыкалась в обвал или стенку тракта: какая-то часть волоконной субстанции отпрядывала струями или отростками.

Волокна дышали или пульсировали: они ерзали, как спящие животные; но волокна работали; но сбоку через точки вдоль своей длины, как разбрызгиватели над головой в зеленой комнате на Земле. И Имп Плюс не хотел здесь быть, и он чуял аромат сладких глаз и следовал за запахом водянистой влаги туда, где волокна обрезали у входа или выхода сквозь дыру или две дыры из двух трактов. Но аромат глаз усиливал то, что он чувствовал, то, слово для чего было вопросом, но он уже утратил вопрос, но сейчас знал слово, и это не помогло, разве что заставляло его двигаться против уплотненных, дышащих волокон, каждое пучок волокон, и добраться туда, где боковые побеги склонялись к бытию.

Блок света взорвал его. Он поглотил все вокруг, охватив его. Он создал ему новый нерв за дыханием.

Но нейротело, взорвавшее его, было не просто вне его. Он грохотал и лопался в себя; слово было боль, и вопрос, каким бы он ни был, был утрачен, как то дерево — дерево где-то, — чья брешь подвигла мох на нем расти. Боль, что скрутила кровь, скрутила ее вокруг сахара, если тот придавал течению сладости, как та, что была сложена в камерах ее глаз, поскольку та водянистая влага, чьи формы чужала его память с усиленным вниманием, никогда не возможным на Земле, была так похожа на запах флюида где-то здесь неподалеку, что он почти сам мог бы выделить жидкость из желания. Что не было болью. Это боль ужасна. Он знал ужасно. Это слово. Взрыв нейробласта возле него сделал его одним, и тот раздулся и расщепился. Но деление появилось из его нехватки. И открытие этого оказалось самим по себе делением. Нейробласты случались, но еще они были чем-то, и поступали издалека и скакали вдоль клеток, и прекращались или не прекращались. А затем он узнал кое-что еще из боли передвижения по стольким точкам: он думал, что это липкая, неопрятная мысль: и Слабый Голос говорил так близко, что Слабый Голос был в Имп Плюсе, говоря: «Нефункциональный отсеченный оптический нерв отступил в стенку оптического тракта».

Но слово из Центра было слишком слабым, чтобы заглушить побережье. Там были буревестники, скопа с открытым клювом собиралась нырнуть, и ее глаза, той, что коснулась тогда его смехом со слепой стороны и повернула его, и говорила, и вставляла язык с открытыми глазами между слов, которые сказала, разделяя их — между «Хорошо, что я не собрала сумку», а после того так тихо и мягко, что крик морской птицы и стремительный нырок скопы содержали ее слова: «Путешествую по свету налегке». И он встал на колени, встал на колени — это как локоть, на колени под ее глазами и ртом, вдали от них. И сделал то, от чего теперь для него могла начаться боль, если попробует забыть.

Поскольку все точки этих оптических волокон слепо пробивались сбоку наружу в его боли. Но боль, которая не убивала и была всем, что у него есть, но делала его больше.

То, в чем он был, с таким же успехом могло быть не чем иным, как он.

Даже если он утратил свое тело.

Имп Плюс думал, что не прекратит боль тем, что будет в другом месте, или пожелает быть. Но он будет реагировать. И тянуться к тому, чего бы ни захотел.

Он был среди движения разных размеров; он видел, что раньше хотел этого. С одной стороны, он проник сквозь безмолвный белый клей или бесчисленные клеи. И каждый выпускал языки на стебли с длинными корнями и короткими усиками, а стебли вспыхивали и получали множество проблесков связей другим стеблям или от них. Однако там, где клетки клея липли языками к стеблям, этих сверкающих проблесков не было. Вместо них — тонкий чехол спиральных слоев. В оболочке была брешь там, где Имп Плюс мог заглянуть внутрь стебля. И внутри стебля плавали знакомые ему очертания. Они имели форму печеного картофеля или эллипсоидов с двумя кожурой, гладкой и внутренней кожурой или мембраной с вросшими пучками, сборочками и складками, а поэтому с гораздо большим пространством поверхности. И он ждал, чтобы Слабое Эхо уточнило, поскольку Слабое Эхо присутствовало.

Размеры миновали его, приходя и уходя. Однако он и не просто оставался, пока они уходили. И они не казались его.

Имп Плюс двигался в этих размерах. Он летел сквозь стебли, где ничего не происходило, ни искр на усиках, хребтах и прутиках, ни проблесков, брызжущих из корней. Принуждаемый говорить, он вместо этого наблюдал за увеличением приспособы. Приспособы говорить. В этих стеблях или в нем. Приспособы молчать, что было раствором, где эти растущие стебли, словно бы вдыхая, но затем не выдыхая, разделялись.

Имп Плюс двигался наружу, но сквозь новую складку.

Он не мог себя видеть, но знал, что морщина складки расширилась, видел яркость и знал, что видеть ее никогда не переставал.

Он продолжал видеть шкуру и мех Солнца еще до того, как выбрался наружу.

Но снаружи, сквозь более привольные воды, словно сладкая влага вокруг радуги в ее глазах, Имп Плюса еще сдерживали клеевые клетки снизу и внутри. Поскольку они были не только морем для стеблей; эти клеевые клетки что-то делали.

Если Имп Плюс им позволял.

Хотя они, казалось, не всегда его.

«Наверху уже смотрите сами, — сказал тогда голос в большой зеленой комнате на Земле. — На каждое действие есть противодействие, не забывайте».

Ну, если Имп Плюс позволил клейким клеткам затянуть его обратно в свою медленную вязкость, значит, он этого хотел.

Он был снаружи на свету, где Солнце вытягивало из питающих растения опытных грядок дрожащий вдох. Но его держало с одного края себя внутри среди стеблей. И тех, что выстреливали, и тех, что были спокойны. Внутри также среди мягкого мешающего другого, клейких клеток.

Но только, если он позволит себе.

Поскольку, хоть и мешали, они не были такими липкими, как раньше казалось. Они плавали и подкармливали веточки, щупальца, побеги и нити соседних с ними клеток.

Имп Плюс пристально смотрел сквозь щупальца, побеги, ворсинки соседних ствольных клеток, и движение его взгляда шевелило слабые жилы в уголках всех его глаз, жилы шевелились, думал он, зрением, пряди ослабевали и натягивались, пряди упругости — и его взгляд также шевелил звук среди ворсинок, словно он заставлял некоторые подергиваться огнем, но звук был не от ее речи, поскольку среди некоторых стеблей и клеев была лишь приспособа говорить; звук был

ветра, как лучи Солнца на морском берегу, разметывающие крупницы соленой воды в воздух и на песок. И видя не так как раньше в миг прохождения сквозь эту сферу наружу и затем — как будто он был картой — частью себя втянутый назад, обремененный гладкими клейкими клетками, некоторые распространились, он затем обрел свою Земную речь и говорил ей, что волосы у нее сухие, хватит ими трясти, у него от этого болит голова; и смех, взбирающийся по спирали, как ребра, до самого верха не по его слепой стороне, а по его открытому переду, обнаружил он, был не ее смех, а его. И пристально глядя опять на клеи или гели, он видел, как вспыхивают эти клетки.

Словно сквозь Имп Плюса, тянувшегося снаружи внутрь, Солнце вспыхнуло вниз сквозь складку. Раньше он знал *вниз*, но думал, что сейчас не знает.

Вспышка зажгла новый поток. Золотое волокно ослабло или растворилось, и снова в уголках всех его глаз, подумалось ему, он заметил, как пряди упругости ослабевают и натягиваются, но не знал, что это. Клеевые клетки снова стали пружинящим морем белого, но теперь их было больше, вот в чем дело, и они стали несвязаннее, так что соседние стебли склонились в нежный гель, словно палец в плоть.

Он не говорил когда, но хотел и пожелал бы. Но, скользя назад по складке, он смотрел на массы стеблей и больше — на белые морские клетки, настолько более многочисленные, и видел теперь, как одно поступает перед другим.

Вспышки поступали от стеблей, но не всех. От ворсистых или с прутиками на конце. И каждая вспышка разбухала, истончалась и распыляла клейкую клетку, а затем — чтобы Имп Плюс думал, будто его бытие снаружи и изнутри ударило его сопротивлением двоения в глазах, поскольку клеевая клетка вдыхала и выдыхала одновременно, и делала это со взрывом, что отзывал Имп Плюса на Землю и к Земному слову *боль*, и со взрывом, что отправлял волны уменьшения вверх по Имп

Плюсу и наружу, чтобы яркие тени на капсульных переборках повернулись и растянулись, так что он вновь увидел в вышине кричащих буревестников, разглядывая теперь кожу двух обнаженных вертикальных форм на пляже, — то, что вспышка из стволового конца запустила в клейкой клетке, открыло здесь расщелину, которая развернулась, но развернула деление.

Чтобы меньшая зеленая комната на Земле и зеленая комната побольше были поначалу дальше друг от друга. Затем они явились, их стало больше. Что стиснуло их и превратило в сообщающиеся комнаты.

«Ты вступаешь в новую жизнь», — сказал Хороший Голос, указывая на зеленую стену с белыми трещинами, нарисованными на ней, которые распространились теперь до частиц морской раковины, какой Имп Плюс раньше не знал, если бы Слабое Эхо не знало, из чего сделаны морские раковины, — но каких Имп Плюс не мог раньше видеть сам, чувствовал он, как и прочее новое, что ощущал или видел внизу в складках и трактах, без того, что с ним происходило. Происходило где? В уголках всех его глаз? в ослабевающих и натягивающихся прядях?

И то ли клеем или его растворением, припомненных зеленых комнат стало больше. Он вспомнил, что слышал, как Въедливый Голос сказал: «Нипочем не скажешь, что там наверху сделает Солнце, никак не скажешь; поэтому не слушай ничего, что тебе скажут по соседству». Вспомнил, что слышал это, но думал, что далеко в другом месте на Земле слепой продавец газет мог иметь что-то; поскольку он сказал Имп Плюсу: «Я мог стать растением, но зацепился; печень у меня хорошая; я вернул себе то, что утратил; думаю, я иногда вижу тени, понимаешь, о чем я; но что это, все кончено, вот, что я чувствую, и поэтому вот, что я решил».

Зеленая хлорелла и сине-зеленая анабена не были раньше в складке, он лишь думал тогда, что они там есть. Они там где-то были. Однако он видел там складки, одну, через которую

проник, рожденную ее водянистой влагой, которая стала его, и другую, через которую вышел. А между складками, Имп Плюс видел где, как тогда сказало Слабое Эхо, или если нет, то следовало бы сказать, каждый оптический нерв был обрезан, и каждая дыра в начале тракта была тем диском ничего, слепым пятном. Клей притянул его к ней. Он как-то сказал, что у него нет слепых пятен, и она тогда рассмеялась, но подобно Въедливому Голосу, а потом она уже не смеялась, но затем что-то ему сделала, за что он потом в своем воспоминании не смог зацепиться.

Но сейчас у него не было слепого места, несомненно.

Потому что у него не было впадины для глаза, чтобы у того имелась сетчатка. Не было слепого места для исследования следовательно.

Ему не особо чем было заняться. В этом ли дело? Потому Центр дал ему тогда видеть эти мелочи. Но некоторых не было здесь на орбите. Они были на Земле.

Центр раньше говорил: ПОВТОРЯЮ ОТВЕТЬТЕ ИМП ПЛЮС. ОТВЕТЬТЕ ОТВЕТЬТЕ.

Передача пересекала длину, которая, как теперь видел Имп Плюс, была его. И с точки на этой длине Слабое Эхо появилось, как нужда в питании: ВАС СЛЫШУ, ЦЕНТР.

КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ. МЫ УЖЕ СОБИРАЛИСЬ ВЫСЫЛАТЬ РЕМОНТНИКА.

Имп Плюс мог ощущать Слабое Эхо как затаенное дыхание, что распространилось, развеялось и поглотилось, но так и не испустилось. Слабое Эхо сказало: ИМП ПЛЮС ЦЕНТРУ. АКТИВНОСТЬ В ОПТИЧЕСКОМ ТРАКТЕ. (Но затем Имп Плюс обнаружил, что утаил следующие слова Слабого Эха, которые были *Обесцвечивание в перекресте зрительных нервов.*)

Это было пересечение, где бледно-оливковое волокон потускнело до никакого цвета; Слабое Эхо сохранило слово *перекрест*, и Имп Плюс подготовился запомнить перекрест зрительных нервов, где перекрещиваются глазные нервы.

Он пытался представить почему, но видел лишь, что Слабое Эхо было из него, и в то же время между ним и Центром. То, что перекрещивает, пересекает с одной стороны на другую. Значит, там есть стороны.

ИМП ПЛЮС У ВАС СБОЙ, — говорил Центр Слабому Эху. В ЗРИТЕЛЬНОМ ТРАКТЕ НЕТ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ. ВОЗМОЖНО ВЫ ИМЕЛИ ВВИДУ ДАННЫЕ ВОДОРΟΣЛЕЙ ИЛИ ЭТО ДИЛАТОМЕТР, ИМП ПЛЮС?

Имп Плюс растянулся увидеть, как тени на стенках капсулы задвигались крупнее.

Центр сказал: **ИМП ПЛЮС МЫ ХОТИМ ВЕРНУТЬСЯ ТУДА, ГДЕ БЫЛИ, КОГДА ВЫ СООБЩИЛИ ЧТО ИСТОЧНИКИ УДОВОЛЬСТВИЯ В ДОЛЕ И ДРУГИЕ РЕАКЦИИ СЛОЖНО РАЗЛИЧАТЬ. ЧТО ПРОИЗОШЛО МЕЖДУ ТОГДА И ТЕПЕРЬ ИМП ПЛЮС? ДАВНО НЕ СЛЫШАЛИ.**

Имп Плюс растянулся. Сама боль растянулась, и это был распад, как дыхание вдохнутое, но не выдохнутое. Но возможно ли, что он тянется и растягивается, чтобы увидеть тени? Тени случались именно в тот миг, когда он растягивался.

Центр сказал *где и когда* слитно. Жажда заржавела. Распад хрустнул. Это было больше и гораздо больше реакции *иной, нежели удовольствие*. Имп Плюс видел, что тени двинулись немного крупнее, очень немного, что было так мало, как то, что он видел, когда раньше был внизу сквозь складки, где Центр сейчас сказал, напротив, что нет исследователя.

ИМП ПЛЮС МЫ СЛЫШИМ ИНАЯ НЕЖЕЛИ НО ПОСЛЕ ЭТОГО НЕ СЛЫШИМ. ПОВТОРИТЕ ЕЩЕ.

Тени стали больше, но также ближе. Этот рост теней был не после того, как он растянулся, и не до. Когда он был?

Центр сказал *где и когда* слитно. Вместе им не место. Тени случились в одно время с растягивавшейся жгучей болью, но не в том же месте. Тени крупнее были от боли крупнее. Боль не стала вполне хуже; она была крупнее, она больше удерживала. Въедливый Голос и слепой продавец газет со

своими испорченными за годы зубами, оба на Земле, но не вместе. Почему Имп Плюс раньше об этом не подумал? Ответ был, что думал; но он тогда перестал об этом думать.

Когда?

Боль не выдала ответ. Торговец продал сегодняшние газеты со вчерашними новостями. Боль была иной, нежели растягивавшаяся, жгучая боль, что и дальше похрустывала. Слепой мужчина сказал: «Я мог стать растением, кочаном капусты, гниющим на земле, жил бы на пособие по инвалидности». Он ухмыльнулся влажно, как проснувшееся животное, и затем впился в какое-то питание, которое выудил из-под слоев газет, и, может, он не обращал внимания на свои редкие зубы, бурые, желтые, черные, синие, серые, зеленые, твердая кремевая эмаль, потому что не мог их видеть. Это случилось раньше, что сильно отличалось от того времени, когда Въедливый Голос нарисовал цифры на обрамленной зеленой стене грифельной доски, которые сообщали, что будет, было бы, а также может длиться дальше на грядках водорослей на орбите. Поскольку если там не нужно будет наблюдать за склоненными коленями, голодной шеей, потеющей поджелудочной, там все равно останутся хлорелла и другие реакции; и Возможно, сказал Въедливый Голос — кашляя настолько сильно, что вываливалось и вставывало — возможно, ты позеленеешь.

Имп Плюс ощущал, что ужасное растягивание было теперь между слепыми плохими зубами и Въедливым Голосом, но радовался.

Что именно он ощущал между? Брешь того, чего, как сказал раньше Въедливый Голос, не останется у Имп Плюса после того, как с ним покончат механики: селезенки, печени, железы, сердца.

Что они были?

Видны когда-либо, тогда или теперь?

Никогда, возможно. Однако затем, возможно, никогда не больше, чем он когда-либо перестал их исследовать, там они

или не там. Но они, похоже, никогда и не были его собственными. Он особо не видел даже своих костей.

На Земле он думал об отростках. Его внутренности вываливались, они трещали, как костные пряди. Он видел, как она смеется, и ему приходилось желать боли, если он хотел видеть. Он подступил так близко к ее смеху, что тот поглотился ее лицом, которое он утратил; и в похрустывании новых очень маленьких частей он обнаружил, что вмешалось между ее двумя наборами слов, и сначала это было похожим звуком и словом, и слово было *поцелуй*, но затем бессловесное зияние, где плоть и даже кость встретились и двигались, будто делая слова. Ассоциация захватила его неподвижно. Словно он был предметом, изумленным яркостью.

«Нипочем не скажешь, что там наверху сделает Солнце», — сказал тогда Хороший или не-Въедливый Голос. «Наверху уже смотрите сами».

Но позже и в меньших зеленых комнатах на Земле, «Нипочем не скажешь, что там наверху сделает Солнце, — вот слова, сказанные Въедливым Голосом, — поэтому не слушайте ничего, что вам скажут по соседству».

Поэтому сейчас, неподвижно, нездоровое желание, которое почти год до боевого пуска Имп Плюс чуял в дыму Въедливого Голоса, разбредающего в складках носовых пазух Имп Плюса, так что он не стал ждать ответа Въедливого Голоса на просьбу «Повторите еще» и вместо этого выпалил: «Я нездоров», — нездоровое желание, по которому, да, Имп Плюс понял, что его нездоровое тело делят, как одну из тех меловых цифр на зеленой грифельной доске, это нездоровое желание, казалось, нацеливается на следующую комнату и Хороший Голос; и как в тот миг здесь, когда он сказал: «Я нездоров», — Имп Плюс ощутил себя втянутым в подобие своей, а не Въедливого Голоса, досягаемости нездорового желания через взаимный вращающий момент. Под бледным солнцем северной Калифорнии Хороший Голос

сказал бы: «Посмотрим правде в глаза, там вверху сила, ожидающая, когда ее подоят».

Поэтому Имп Плюс подготовился запомнить то, чему учил Въедливый Голос.

Но через цифры мелом Имп Плюс видел то, что он тоже был готов запомнить. Голодные отростки с головными фарами, взбирающиеся по темным изгибам к разветвленным пересечениям. Опасность оказаться отделенным. Шкура, и жаждущий мех, и лицо света — их касаются, о них заботятся, их стригут, делят на жизнь. Больше. Он не знал *лицо*.

Вспоминание однажды повернулось к худшему. Именно, так, поворот к худшему. Все, кроме одной частицы чего-то, прекратились. Много светов и поочередно много темнот разделили его на неизвестное без веса. Между круговыми движениями света и темноты он провалился в дыру и стал чуть больше Слабого Эха, чьи слова и познания уделяли безраздельное внимание частоте Центра.

Затем, как дыра в неизвестном, каким он стал, Имп Плюс пожелал вспомнить, чего хотел. *Лицо* могло быть той дырой. Была плохая фаза темноты, и под конец одного темного цикла запасенные сахара проскользнули мимо него. Он тогда не спал, когда ему велели спать. Была ли какая-то часть, которая спала, а он не знал? Он сунул вверх руки, которых у него не было, как мысли у неходячего раненого, и нажимал на ясный изогнутый череп, которого у него не было, пока тот не взлетел; цикл света настал снова, и с ним зеленое, что теперь было как идея. И со всем этим и обваливание — и влага, и желание складок, глазных троп, расщепления и огромной влажной мембраны.

Раскалывающееся жжение было сейчас, стало быть, кристаллической кишкой, постоянно продергиваемой сквозь его части. У него не было черепа. Это он знал, но не мог подумать о том, что делает. Складка, в которой он только что был, открылась, когда он вышел, и теперь уже не была расщелиной;

он чувствовал, что видел ее с нескольких точек. Что такое несколько? Четыре, сперва подумал он.

Слабое Эхо сообщило о растягивании. Море утратило некоторые морщинки и стало плотно натянутым, поэтому в нем можно было увидеть высоких птиц и глубоких рыб. Имп Плюс обошел вокруг, но двигался дальше, или вверх, или вниз и уже не мог сказать: хорошее это движение или же его собственный спиральный смех над Слабым Эхом где-то поглощен.

Центр говорил: СБОЙ В ГЛЮКОЗЕ. ИМП ПЛЮС ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ ПЕРЕГРУЗКУ? Ровный голос был родителем.

Имп Плюс желал, чтобы Слабое Эхо не отвечало.

Имп Плюс должен был что-то сделать.

Имп Плюс посмотрел.

ОТВЕТЬТЕ ИМП ПЛЮС.

Две щепки отбились в диапазоне. Но что было его диапазоном? Имп Плюс не видел, как они появились. Они парили. Он мог видеть сквозь них. Каждая была кристальной и серебряной. Он не знал щепки.

ОТВЕТЬТЕ ИМП ПЛЮС.

Имп Плюс смотрел за странные щепки, высматривал побережье, нашел его крупинка за крупинкой, разрубленным на мокрые грани топором плоти. Крупинку за крупинкой солинка за солинкой навещали волны пены. Он видел пальцы в воде, но затем свою собственную хлореллу, которая, как раньше говорил Въедливый Голос, была всего лишь морской водорослью. Имп Плюс искал морской берег и видел четыре длинных пальца, размягченных водой, видел один как палец, пальцы, что как зубы, которые, насколько он знал, были пальцами на ногах, гребущими мимо пальцев, что были больше в воде. И подводные пальцы тянулись к пальцам на ногах, тоже разбухшим в воде. Но пальцы на ногах двигались дальше за пальцы и за то, что отрастало от пальцев, что были ее, и что росло еще дальше назад глубже на морских отмелях. Но нашел

он не ее, а солнечную плазму, словно готовую раствориться. Неделена была она, но мазком зеленой, синей, оранжевой, и желтой, и золотой плазмы, меньше там, чем его собственные грядки хлореллы были здесь, мигая под его безглазым взглядом здесь на орбите.

У грядок тоже было свое золотое мерцание и фигура цифры, внедренная в мерцание. Прежде он не видел эту фигуру. Его боль была вольна повернуть сюда или туда. На расстоянии от двух щепок крупная, ясная, наклоненная раковина плыла подле теней на переборке, словно ее однажды привязали. Он знал, что это за раковина. То было полушарие.

Имп Плюс искал морской берег, и ее пальцы, и остальную ее, бездельничающую под водой. Он теперь не видел солнечную плазму. Он видел дышащие водоросли и ясный, продолговатый чехол, прилаженный над ними, что отражал золотое, с которым он должен встретиться.

Губы гребней, складки как плоть, переливающиеся из подмышки.

Весь изгиб его ограничения.

Но затем больше.

Он видел все это целиком вокруг; то есть, он видел это с нескольких сторон. И если даже еще не понял, как он видел это со многих сторон, он знал, что впервые увиденное в отражении пластикового кожуха над водорослями было той частицей, которая была им самим.

Движение прогудело сквозь него волной. То была боль, а не обваливание. То была такая боль, что не жгла или ломала; то была другая боль, чужая, хоть и некогда известная. Пальцы ног под водой терлись об нее в том месте, что было таким же мягким, как крепка была ее кожа. Ее голова у его ног откатилась назад, и влажное лицо не говорило, а вытянувшийся рот, сказавший: «Путешествуй по свету налегке», — выглядел напряженным от его изогнутой дугой назад шеи. Он был тронут, и глаза их соединились связью, что была телесна. Волна

этой однажды познанной боли спала в свою ось расстояния, и ее гул рассеялся в перепонки и пакеты теплого Солнца, летящего к водорослям: поскольку это его собственный мозг видел он в отражении прозрачного кожуха над водорослями. То, о чём он думал, но никогда не видел.

Но затем больше. Он увидел себя с нескольких сторон; но больше того, виден был его взор; он видел свое видение; то есть его взор приобрел плотную форму, что тянулась к его мозгу. В уголках появились те пряди, какие он встречал раньше, пряди упругости, ослабевающие и натягивающиеся.

Какая-то тень была не так далека, как стенка капсулы. Стены она не достигала. То не была тень. Он видел ее со многих сторон и, когда думал, со скольких именно, у него вокруг возникло больше обваливаний, и он пытался не желать быть где-то еще. Вдали у него были сотрясения нейробластов. Он не знал, что это они делают. Но ему и не нужно было знать. Он искал сплетенные пряди упругости. Он помнил перекрест, поскольку хотел попытаться пересечь, если в последний миг его разделят так, что его стороны окажутся отрезаны одна от другой. Но смотри — у него было больше двух сторон, и он расходился повсюду.

Вена малинового цвета светилась из тени, что не была тенью, затем перешла в другое место, и новый ожог вырвал Имп Плюса наружу.

Он тщетно искал спиральное переплетение прядей, прядей упругости, что разваливались, затем снова стремились сойтись.

Боли обваливания шли с малиновыми свечениями.

И Имп Плюс знал, что большее, какое повсюду его окружало, поступало из него.

Но те две щепки.

Имп Плюс не думал, что щепки вышли из него; но до этого думал, что возможность была.

Щепки вынесло наверх до того, как он их увидел. Они висели рядом. Но не могли они выйти из рядок водорослей поблизости, не пройдя сквозь продолговатый пластик, укрывавший рядки. Если щепки предназначались ему, он должен был увидеть. Хороший Голос сказал: «Наверху уже смотрите сами».

Имп Плюс их видел, но сейчас его взгляд на них не следовало видеть. То есть, не следовало видеть, как его взгляд двигался к ним так, как он двигался к доле, которая была им. То есть тот не принимал формы, как формы зрения, которые, как он мог видеть, тянулись к его мозгу. Меж тем как между его зрением и щепками не было ничего, кроме воздуха.

И щепки не выглядели как кусочки тех других форм зрения. Его взор развернул щепки так, что они испустили свой серо-золотой свет. Сквозь какой-то остаток тангажа или отклонения, туго удерживаемый теперь разными расстояниями, щепки склонились. Но сами по себе — не двигались.

Щепки были настолько неподвижны, что, возможно, были уместны.

Они чему-то соответствовали. Никаких отходов. Однако вот они, щепки, здесь в середине капсулы, без всякой поддержки, как нечто на орбите.

Имп Плюс не ответил Центру.

Щепки были настолько малы, что под некоторыми углами их нити накала сияли больше, чем они сами. Однако они не были долями, думал Имп Плюс. Не так, как наклоненное полушарие, подплывающее возле переборки со свисающим вниз лоскутом.

Но равные щепки выглядели samozавершенными. Отвесные булавки. Ясные иглы. С параллелями прозрачности по всей длине в каждой цельной прозрачности.

Пропорционально длинные, по размеру щепки были маленькими. Когда он смотрел на них, то мог выпустить из виду все остальное вокруг себя. Поэтому когда он перефокусировался на остальном вокруг себя, или затем перефокусировался на щепки, чтобы увидеть серебряные точки на каждом конце, его долго щекотало болью, полярная ось пыталась в нем провернуться.

Центр передавал сообщения из пронумерованных районов. Но поскольку Имп Плюс желал, чтобы Слабое Эхо не отвечало, он чувствовал, что эти передачи могли быть спазмами, вызванными в нем, когда он переводил взгляд взад-вперед с щепок на остальное вокруг.

У спазмов была длина, но длинными они не были. То же можно было сказать и о малиновых венах, тлевших наподобие света в обвалах, кратко видимого.

Сейчас у одного конца каждой щепки громоздились изменения, которые было трудно увидеть. Птичьи колени, как локти кузнечика, въезжали миллионами, сложенные до серебряной точки на каждой щепке. Появились волны.

Были и другие места, где быть.

Имп Плюс был здесь.

И все же, в зеленом и золотом солнечном свете грядок водорослей и их стекловидного кожуха обрел мысль, что он становится каким-то другим местом. Поскольку он видел этот свой мозг с точек и сторон, что были снаружи его. Поэтому на

секунду, что растянула ожог обваливаний в некогда известную другую боль, кроме этого жжения, гудевшего волнами по оси расстояния, он решил, что он во сне на Земле. Тот ему уже снился в нескольких местах до начала Операции ПС. Ему снилось, что он смотрит на то, что осталось; и когда он пытался сделать вдох, то легкого не было. Но этот сон тогда сделал его голый мозг освещенным, бесчешуйным образцом из фотообъектива. А вот то, что у него было здесь, отличалось.

Он упал к своему мозгу или прочь от него. Это изменило размер того. Он переходил от спице к спице своего зора, двигаясь вокруг мозга так, что, казалось, тот вращается. А больше всего тот был открыт для нахлывов люменов, Солнечных потоков следящих самородков, каждый настолько целиком точен, что изгибал дополнительный, завершающий Солнечный свет вдоль фланга его интенсивности, настолько затмевающе большей, чем интенсивность, что было это измерением, которое могло оказаться самой частотой.

Центр не спрашивал про отличия; Центр не спрашивал, испытывает ли Имп Плюс напряжение. Центр запрашивал показатели, и Имп Плюс позволял Слабому Эху ответить. Но Слабое Эхо не отвечало. И Имп Плюсу приходилось передавать показатели.

Но какие различия? Между Земным сном и тем, что было тут на орбите. Различия из более, чем сна.

Какие они были?

Имп Плюс информировал себя. Нахлыв ослепительных излучений направлялся через мозг, однако оставался. Это заставило море клеток нейроглии сиять до снега, укладывая всплески нейронного огня, нейротела, выстреливающие мысль, которую он видел, но мог лишь знать, что она была его. Имп Плюс вспоминал плоть в плотном луче фонарика. И здесь в четырех животах мозга Солнечный поток разбухал, так что животы касались и раздували свой свет в единственное наполнение. Но кроме желудочков — это

были желудочки, животы — Имп Плюс обнаружил во всем белом калении еще и завитки расщелин и запечатанные берега трактов, как свет, наложенный на световое поле. Видел их, пока теперь увидел дальше фонтанирующую корону оптических излучений линию за линией. Но под ними, куда Имп Плюс во время своего предыдущего путешествия не был готов идти, он думал, что видит, где Солнечный поток свивается до пламенной железы.

Имп Плюс был готов видеть эти внутренности, содержащие Солнечное течение. Снаружи своего мозга он смотрел в него сквозь серо-янтарную плоть, сквозь зияющие окислы шафрановой цитоплазмы, сквозь окаленные платиной чехлы клейких клеток, до самого края той золотой железы пламени. Слой за слоем кишел теми овалами, каждый — клеточная энергостанция, каждый со своей тропой частиц, выдохнутых сквозь очищающие кровь шлюзы фермента. Скорее уж Имп Плюс пустит на эти овалы печеной картошки припасенное Слабым Эхом, и неточное, и (как он видел) сейчас угасающее слово *митохондрия*, как запах сквозь него, во въедливом нездоровом желании, что теперь всего лишь вспоминалось: или увидит чужой эллипсоид, питающий Земной огонь.

Хотя не так скоро, возможно. Поскольку Земной огонь далеко. И память не подготовлена.

Однако частота, что продолжала смешивать свой сигнал кустарника и колючек, пока пряди потрескивающего костра не распались, и он услышал сигнал.

Или увидел: поскольку Земной огонь был в ночи и в Мексике, в отличие от Солнечного потока, бегущего через мозг, и в отличие от малиновых вен, мерцающих жизнью в хвостах теней.

Или чуял запах: поскольку картофельные формы, что ни питали далекий огонь, ни питались, пахли так долгие годы.

Но по мере того, как они чернели до ротовых углей, сквозь них было видно: поскольку в середине долгой картофельной

формы — картофелины? митохондрии! — было окно дневного света; и маленькая птица, черно-бело-серая с крапиной красного на боку и хвостом-ножницами в три раза больше ее тела, пронеслась над линией, болтавшейся между шестами на фоне плато неба: так что голос мог сказать слова о мешочке, свисавшем с темной линии: то было гнездо, свитое родственницей птицы с хвостом-ножницами, и обе птицы назывались мухоловки.

Слова были вслух. Голос тогда хотел сделать передышку в Операции ПС, сбежать из Калифорнии на пару дней и ночей. Голос был его, и он говорил. Окно машины с дневным светом сдвинулось, как бардачок с книжками калифорнийских спичек, в ночной костер, где пеклась не одна, а две картофельные формы.

Поскольку был другой голос. Он поступил не из Калифорнии. Он не смеялся и не был тем же, что прежде лежал в воде, и он был сухой, но не въедливый. Она тогда видела мухоловку с хвостом-ножницами из автомобильного окна. И сейчас ждала свою картофелину среди колючек и кустарника *tierras templadas*⁴. И этот голос сказал, что это хорошо — о, ей бы хотелось сбежать на Солнце.

Но Земля с костром отвернулась от Солнца. И голос с другой стороны костра с закрытыми глазами уплыл бы, а Операция ПС нет. Поэтому Имп Плюс склонился над землей и задвигался вокруг костра. Голос, ее, не говорил; он пел: он услышал *templado*, не *templadas* и не *tierras*.

Имп Плюс достиг ее. Только он тогда еще не был Имп Плюсом. С началом Операции ПС он уже никогда не будет тем, кем был раньше, и, возможно, поэтому он двигался вокруг костра к голосу, который пел с закрытыми глазами.

4 Умеренные земли (исп.) «Тьерра темплада» — средний высотный лесной пояс (вертикальная зона) в горах Центральной Америки и в низких широтах Южной Америки.

Закончив, она их открыла. Он касался ее синих джинсов, и она держала серебристый фонарик, светивший в костер.

Он все думал, что произойдет, и вспоминал, кем ему предстоит стать через четыре недели. Это мышление было четким и его касалось желание; поэтому и пришло к нему сейчас на орбите. Но он мог передвигаться от спицы к спице своего зрения вокруг сияющего мозга. Поскольку это было новым, оно не воспоминание. Или спицы были новыми. Так как они были его зрением, каждая тверда. Однако где свет был тусклее, их можно было видеть насквозь, и все же его зрение, возможно, ненадежно.

Зрение его, однако, было твердым. Но было не только спицами.

Больше крыльев или шей.

Он не знал, откуда они пришли, но знал, что они шли в мозг.

Зная это, он видел в мозге, как возник синий дротик, словно до этого малиновые вены в тенях. Это синее было линией, а потом — радиусом. Но радиус стал местоположением ширины. Вот так радиус и пропахал борозду вкось к боку. Он знал местоположение.

Знание и видение этих вещей приходило и уходило, с разрывающей скруткой боли. Она туго скручивала, но не раскручивалась. Поскольку вместо этого находила в своей тугой спирали новые пространства, которыми затем врывается внутрь. И была навыворот разорванной. Толстая новая мембрана. Он сделал шаг назад, чтобы рассмотреть ее облачный шелк, что был ближе к нему на пути к мозгу вдоль его твердого, но ненадежного зрения.

Но у него не было того, чем шагнуть.

Однако теперь перешел он прямо через мембрану вдоль спиц к мозгу. Вблизи он увидел синюю линию, пропахавшую или смывшую вкось между пещеристым трактом и бесконечно малой тягой или засосом, которые он не мог понять, почему

может видеть. Но смыв затих, и его слабый след угас на фоне Солнечного потока, заряжающего мозг.

Имп Плюс миновал, не задумываясь, от одной спицы к другой; он увидит, если сможет увидеть, синий след. Но его там не было, а в этом поле бреши другая, некогда известная боль, которая не была жгущим скручивающим обваливанием, пришла к нему вдоль своей оси расстояния.

У костра стояли ботинки из желтой кожи. На них были отметины, что служили картой того, как вернуться назад. В Калифорнии ось сапожника провернулась у края подошвы, но сапожник ботинок не делал. Имп Плюс делал шаги сквозь ночь в Мексике, он следовал за голосом и фонариком, что покачивался впереди. Голос не пел или говорил, звук, который она издавала, сразу же разбивался между дыханием и мычанием.

Он наступил на колючки, которых не увидел. Ботинки остались у костра. Он вскрикнул: «Ой». Свет перестал прыгать, и луч развернулся, ударяя в машину, которая была где-то вдали. Свет прошел мимо бледного рядом с ней, а потом луч подступил к нему. Женщина теперь не издавала ни звука. Она сказала: «Я хотела лишь немного солнца». Он хотел рассказать ей о ПС, но она боялась, что ей нечего дать взамен. Пустые ботинки из желтой кожи оставались еще у костра возле пекшейся картошки. Он хотел лизнуть медовую сладость, но та была в нем самом. Он жаждал, но того, что уже было в нем. Одно желание замещало другое; нечто сжималось на нем, как ботинки.

Ступни поступили к нему по оси другой боли, та не была сокрушающей, обваливающей болью и едва звучала вслух. Но тогда то были его ступни при дневном свете. Пальцы ног погладили горло, и они спустились дальше под калифорнийскую воду до массы с похожей на сосок выпуклостью, которую он сдавил. Пальцы под пропитанным Солнцем облаком воды были его. Он стоял по голень в воде и не в Мексике.

Сдавившие пальцы ног были под водой где-то и под греющей на солнце женщиной. Палец побольше, насколько он знал, имел овальную рогоподобную пластину, вправленную в его конец. Рядом с ним более тонкий и длинный палец имел маленькую квадратную пластину. Долгие выходные — вот что было впереди у мужчины и женщины. Однако она путешествовала по свету налегке, как сама сказала, словно зная что-то об Операции ПС. Или была рада, что они наедине. Теперь она отдыхала, паря лицом вниз на морском мелководье. Он ущипнул, несильно. Она перевернула голову из воды и спросила: «Чего ты хочешь».

То было лицо, что перевернулось обратно. Он знал *лицо*? То бледное, что прошел луч фонарика в Мексике и четырех недель не миновало, также было лицом. Лицом другой женщины. Бледное и не Калифорния. Хотя если присмотреться вблизи, такое же закапанное. Хоть не настолько закапанное. Заплаканное. Влажное от слез.

Но эта женщина, наполовину погруженная в Тихое море, позволяла воде омыwać широко посаженные глаза своей откинутой назад головы. Они были голубыми, а его карими, он мог их видеть. И ее белки были ясно белыми с голубым.

Его взор на нее поступил к нему сквозь сосок, скрытый от глаз между двумя его пальцами на ноге. Его взор на нее тогда поднялся к нему по спирали. Прошел тогда сквозь те его части, что он потеряет в конце долгих выходных и их ему уже начинало не хватать.

Парящие буревестники и хлопающие гнутыми крыльями ныряльщики-скопы с крючковатыми клювами уже улетели в воздух открытого моря. Женщина перевернулась на спину.

Он тогда видел завихрения пены и ощущал, как извивы нездорового желанья клубятся во въедливом дыму, и сделал долгий глубокий вдох. Такой долгий, что поймал тонкую пленку брызг, и его перед раздулся наружу, а она сказала: «Суета». Она засмеялась, и сине-зеленая вода затекла ей

в рот и была ее цвета. Она закашлялась, села на мелководье и обняла его. Ее дыхание разбудило колено. Ниже ее плеча, что было прохладно, ее нежная железа, обернутая наружу, прижалась к стволу его голени. Кость ее руки увлажнила испод его коленей, и конец ее руки обвил вокруг спереди, дотягиваясь выше.

Все это хорошее к нему пришло. А она закашлялась еще, и многие провалы в его внезапной и громоздящейся головной боли помчались независимо туда и сюда, принося вьедливую маскировку дыма — и когда она поднялась на ноги, то воздела ту ось расстояния, что была некогда известной болью, которая не была крабьим изгибом обваливания. Что пришло к нему из воздуха и отдаленного блеска его машины, из жестких стекловидных частиц в песке дюн — это тела ее сосков, а затем темнокровные поры ее сосков и все ее лицо. И не успел он этого понять, как уже последовал за изгибом ее нижней губы вверх над яркими от моря обветрившимися морщинами, высохшими и разрезанными тонкими вздутиями, и внутрь за мясистую кожу во вросшее тело, а сияющее лоно рта говорило, что Солнце было теплым.

Что поступило к нему тогда, поступило теперь, на крыле или спице его взгляда. И с ним поступил перемалывающий хруст, что превратил его в новую прожженную взрывом дыру, и с ним поступил синий дротик. И над всем этим Слабое Эхо говорило: «Гипоталамус активен». Синий дротик на этот раз был настолько в мозге, что синяя линия была непосредственно над пламенной железой, у которой он прежде останавливался. И настолько глубоко, что дротик сам мог оказаться тем, что вонзилось в него обваливающим разрезом ожога-боли. Но Имп Плюс знал, что в этот раз боль была на следующей спице дальше. Где, как видно, был и он сам. Хотя следующая спица или перешеек зрения стоял внизу и тянулся от другого полюса.

Но возникло тогда вот что: под Солнцем того весеннего побережья он увидел тогда вросшее тело ее рта: видел, как

лежали края, кончики, бороздки и арки языка, которые он заметил лишь теперь, с бархатом конусов или сосочков, маленьких, как клетки световых приемников, что сами собой мигали: и в этом была суть, суть, что здесь не причиняла боль, разве что удаленным гулом, но сейчас, с другой болью, мгновенно перемалывала и скручивала его: суть была в том, что он заглянул ей в рот, чтобы найти образовавшуюся пустоту, которая была вросшим телом, и он знал тогда, что не боялся неизвестной и мозгопродирающей потери, которая произойдет на операционном столе на следующей неделе: и наоборот у него возникло новое желание. Там были слова, которые он не был готов помнить, поскольку суть желания он теперь увидел.

Но пространство желания тем днем на побережье Земли было, как он теперь видел, так же ему неизвестно, как и освоение языка с бархатными сосками было незнакомо его глазам. Отличие (и вновь боль примчалась вслед за синим дротиком) в том, что здесь сейчас на орбите желание было тем, что не утрачено. Это не та бледная полоса через поры на ее спине, и борозда ее позвоночника, и это не тонкий дымок регидрированного пота из подмышки, что далеко внизу его тела волосы на икре его гладили, пока она сидела в море, и что потом поднялся к нему по той оси расстояния. Нет. Теперь на орбите он понял лишь, что цель желания тогда была неизвестна. И там, где его теперешний микровзор поступил к нему деление за делением, это неизвестное желание, занимавшее место страха, разделило свой длительный пропуск на необжигающую боль волн, которые даже тогда вечно гудели осью расстояния.

И как мозг из нескольких — скольких? — спиц, крыльев, шей или путей, словно у него не было масштаба — или, если уж на то пошло, мысль о нем — поступил к нему и вернулся, поступил крупнее и вернулся к меньшему, он получил результат этого многочисленного деления.

Результат был иной болью обваливания.

Но как только он получил этот результат, тот изменился.

Поскольку синий разряд показал свой дротик сразу и потом неоднократно не только в той точке, какую Слабое Эхо могло называть гипоталамусом, прямо над свернутым пламенем, сейчас свернутым еще туже. В этот раз разряд линии или дротика продолжался дольше или сильнее на фоне Солнечного потока.

Но это не перемена. Перемена была в том, что из вываливания, вваливания, разлома, подобного промежутку, когда подушечки крови выстреливали в связки, которые все уже и уже скручивались в мгновения, подобные излучениям, но боли не было.

Хотя боль там была. Но сдерживаемая внутри его знания: и знание было о том, что взрывы в обваливании — коэффициенты, полученные из деления старой необжигающей боли расстояния на желание-с-неизвестной-целью.

Машина у края пляжа была той же, что проехала из Калифорнии в Мексику и обратно. Она не была новой, но стала неизвестной величиной. Это вынудило женщину, когда она стояла тогда позади него, рассмеяться так, что смех поспиральи взобрался по его позвоночнику. «Пошли поплаваем, — сказала она, а потом, — у тебя глаза налились кровью». Он собирался бросить машину, но не сейчас.

Им пришлось убраться с пляжа в другие места, куда собирались. Но в конце долгих выходных, когда должна была произойти операция, он был бы рад бросить машину. Но не над этим она смеялась. Но если ее слова *Путешествую по свету належке* означали, что она знала о проекте, то, возможно, он знала, что он бросал машину. Но это не то, над чем бы она смеялась. Он ее знал. Но что он знал? Машина не новая, но спицы были новыми. На них не было роговых пластин, как у пальцев ног. Спиц было несколько, и он их все видел. Спица облачной мембраны сдвинулась, но то

же сделала и другая, но он не мог сказать, сдвинулась она вверх, вниз или вовне.

Он должен был изменить свое мышление.

Эта мысль восстановила рваную жгучую боль, разрыв обваливания. Но так быстро, что он не заметил синий дротик. Поскольку Солнечный поток был теперь меньше. Пламенная железа, куда он не осмелился добраться, свернулась тогда еще туже и тоньше.

Но он помнил запуск. И что он сейчас невесом. Однако ощущал такой вес, какого раньше не знал.

Возможно, это был радар слепого продавца газет. Мужчина сказал: «Я зацепился, и теперь у меня есть настоящий радар».

Имп Плюс сказал тогда, что радар он ощущает.

Слепой сказал: «Я вижу больше, чем ты думаешь».

Имп Плюс спросил его, что было больше, чего он видел своим радаром. Имп Плюс ощущал всю тяжесть запуска и утратил хватку той хватки, что у него была раньше, чье присутствие, насколько он знал, ему тогда не требовало называть радару.

Он раньше слышал тусклый отблеск металлического лязга в воронку перед кипой газет. Воронка была жестяной, а упало в жестянку серебро, его четвертак, но ронял его не он. «Сколько ты мне даешь?» — спросил слепой торговец газетами. «Кто-то другой бросил, верно?»

«Верно!» — сказал другой голос.

Там было больше, чем лишь Имп Плюс у газетного ларька. Здесь был другой, кого тогда видел слепой. Видел? Не своими холодными впадинами глаз, прикрытыми неплотными повязками. Имп Плюс не знал *верно*. Но он знал высокий голос. Но затем другой голос сказал непохожие слова, какие трудно знать, и именно слово *tiempo*⁵ Имп Плюс уловил и запомнил. Этот новый голос был тише, чем тот, который крикнул «Вер-

5 Время (исп.)

но», и слепой торговец говорил: «С тобой твой ребенок». И причмокнул губами.

И Имп Плюс видел не более тихий голос, что произнес *tiempo* и двинулся дальше, укутанный в меха, а кого-то поблизости от мексиканского костра и печеной картошки. Поскольку это была не Калифорния.

Она шла по тротуару, поскольку это была не Мексика. Хотя в Мексике есть тротуары, но не вокруг костра на плато. У газетного ларька было холодно. Когда кто-то подошел, кто-то поменьше двинулся к ней, что было прочь от Имп Плюса, и напоминало поднятие с самого низа размаха кверху. Продавец газет сказал что-то по-мексикански голосу, который миновал, и теперь другой голос, который тоже был продавцом газет, сказал: «Как тебя зовут? Любишь жвачку?»

А Имп Плюс теперь соскользнул прочь, затем к маленькой, затем большой короне, голове, парику, автомобилю своего собственного не бесчешуйного, однако теперь менее тяжело освещенного мозга. Склонившись и спотыкаясь вокруг мозга от спицы к перешейку, к схожему с конечностью стабилизатору того, что должно быть его твердым взором, который видел расщелины, мерцания, кратеры и полный потенциал пульсирующих плоскостей, в котором сейчас или раньше были расщелины. Но он не мог оторваться от зябкой оси этого расстояния-боли, пока к нему не поступили слова. Слова, однажды сказанные слепому продавцу газет: «Ее здесь нет, она побежала навстречу матери».

Поскольку перед тем, как увидеть, что она поднимается с нижнего обода до верхушки какого-то его размаха, да, Имп Плюс держал руку своего ребенка, его ребенка. И хотя он еще не был Имп Плюсом, он думал о том, чтобы им стать. Поскольку вскоре он тогда опять был в Калифорнии, видя раздавленные оболочки, которые переделали в трубки, палки, как штифты мела рисуют углы, что сияли, как фонарик прямо на изгиб плоского кольца. Сияли из одного

центра на зеленой доске Въедливого Голоса. Но у плоского кольца было два центра. И у второго был озноб космоса, а Въедливый Голос назвал его *пустым*. Но из первого центра он нарисовал те угловые сегменты, что становились все шире и шире, и, как луч прожектора, били в край плоского кольца — эллипса, он знал эллипс, — и тот первый центр был Солнцем, а Въедливый Голос показывал Имп Плюсу дуги Земной орбиты вокруг Солнца.

И сейчас словно бы со всех четырех спиц своего твердого взора — поскольку он выяснил, что *несколько* это *четыре*, — Имп Плюс обнаружил, что видит будто те белые сегментные лучи изогнуты углом движущимся гнездом Въедливой руки на зеленой грифельной доске. То есть видел с равностью распространения вниз с крыши того мозга, о котором почти перестал думать как о своем, вниз-вниз к мембранам вдоль твердой конечности его взора прямо сюда ближе и к нему до самого края того, куда бы ни смотрел он на четырех разнонаправленных конечностях, с которых смотрел, но затем, возможно, видел насквозь в крапинах, поскольку его зрение ненадежно. И он помнил, как измыслил свой путь через все формы и данные на той доске, поскольку то была карта, по которой вернуться. Однако вместо этого он видел себя, отступающего от своего ребенка, снова его ребенок бежал навстречу ее матери: чтобы выяснить, какая надежда подвела, он должен был выяснять это из пустого центра этого эллипса: то есть видеть из центра, не используемого Въедливым Голосом.

Покуда Хороший Голос не рассказывал в другое время о неизвестной силе солнечного света, о добродетели проекта, несмотря на его странное дополнение, а также из-за него, рассказывал также о будущем и его добродетели, пока выводил Имп Плюса, который еще не был Имп Плюсом, из большой бледно-зеленой комнаты на Земле, хоть и не в меньшую зеленую комнату, а туда, где ему следовало растянуться.

Чем Имп Плюс — с птицами, двумя женщинами, картошкой, ступнями и ребенком уже позади — сейчас и занимался. Растягивался.

Или же он не мог не видеть, где расщелина теперь расширялась, показывая серебряную шпильку, как точки на тех двух плавающих щепках, и не мог еще раз войти в то, что считал своим мозгом. Высматривая малиновую вену, он не обнаружил ни малинового, ни теней. Он обнаружил, что, как он тогда думал, создало эти тени. Он припомнил морщину или расщелину, о которой полудумал, на которую полунадеялся. Слабое Эхо вновь просило, чтоб над ним посмеялись. Оно сообщило о 50% росте активности в равной степени во всем Имп Плюсе, что могло бы включать колебания между гипоталамусом и неизвестными участками. Слабое Эхо сообщило о снижении температуры в капсуле.

Центр ответил: **МЫ УЖЕ ДАВНО ЭТО ПОЛУЧАЕМ, ИМП ПЛЮС.**

Имп Плюс пошевелился.

Он обернулся вокруг четырех перешейков своего главным образом твердого зрения: и поскольку в то же самое время он постоянно открывал и закрывал направленный в мозг угол своего размаха от низа до верха, он сделал спираль. Не ту спираль смеха голубоглазой женщины вверх по его тяжелому позвоночнику, что отвернула его от двигателя его автомобиля; нет, не ту спираль, а спираль его собственных колебаний. Она была, во-первых, повсюду. И поле, более равное, чем сладкая влага ее крови и сахара, некогда разложенное на его гребнях, его трещинах.

Но его спираль сейчас вот что делала — хоть и не с тем полярным спазмом перефокусировки, как тычок в смешную косточку — она скручивалась внутрь на передней морщине, которая, как он полунадеялся, полудумал, может стать вместо кратера или богатой плоскости; и с сужающимся контуром спирали, но тем самым с увеличенной силой спираль затем

погладила и распрямила ту переднюю морщину, открыла ее намного дальше.

Выскочила вспышка, как мысль отдельно от него.

Еще щепка, серебристая. Как те щепки, что висели в свете, опускавшемся возле водорослей. Гнукоткрылые волны сложили в нее долгое расстояние. (Свет опускался повсюду.)

Щепка, которую выскочил Имп Плюс, плыла дальше. Она двигалась под наклоном.

Фигура, сияющая сквозь небеса под углом.

Гордая нить, запущенная Имп Плюсом, ее движение — долгое-долгое втянутое дыхание.

Потому ли она и двигалась, почему и продолжала двигаться?

«Суета», — сказала женщина в воде. Лежа там, она тогда не видела всего, что видел он. Но пока она не знала, что его гнев на Въедливое нездоровое желание, а тем паче на его досягаемость, куда Имп Плюса затянуло каким-то взаимным вращающим моментом, она видела, как его раздуло долгим глубоким вдохом. Это проступило у него на лице. (Он знал лицо.) Она тогда сказала: «Суета», — когда он сделал свой глубокий вдох; но еще он ощутил, как растянулось его лицо и выросла плоть. (Суета?) Рост был ртом. Он надумал улыбнуться — потому что опять был уязвлен. (Куда шло время?) Частицы дневной дюны поблескивали ближе.

Одна стеклянная грань сдвинулась в сотне метров от машины. То были чьи-то темные очки. Имп Плюс не хотел, чтобы женщина знала. (Он хотел ее такой, какой она была.) Ее фигура сложилась, и она склонилась в его тень. Выпрямившись, она села. Ее грудь прижалась к стволу его голени. Рот ее придвинулся. (Время шло.) Солнечный свет поступал сквозь его едва подернутые сединой волосы; он ничего не делал, просто неподвижно стоял; но не тщетно, поскольку в ее медленном подъеме по оси расстояния он тоже был в движении.

Он сказал: «Сегодня утром» — но ему захотелось тишины между ним и ей, поэтому он остановил свои слова: хотя

они уже запустили его мысль: тем утром она висела между улыбкой Хорошего Голоса и улыбкой Въедливого Голоса. Имп Плюс тогда думал между: вот в чем дело: думал между этими двумя: потому думать было как с завязанными глазами, думать как пустота, которой не так уж много и существовало, пустота внимания: в эти последние выходные он хотел отдохнуть, но замаскировал свое желание (вот в чем дело) как стремление узнать: узнать все, что они в бледно-зеленых комнатах могли рассказать: о дне и ночи, об уровне глюкозы, концентрационной цепи, электродных исследователях («Но смотри, наверху столько зависит от тебя», — просиял Хороший Голос), перегрузке во время запуска, гирокольцах в инерционной системе управления: «А, инерция», — сказала Хорошая широкая усмешка (зная много из того, что было неизвестно Имп Плюсу); но Въедливый Голос сказал: «Инерция — всего лишь самосохранение». (Его улыбка была кратка.) Впервые за долгое время Имп Плюс этим утром не чувствовал себя больным. Он хотел сбежать из зеленых комнат и от всех глаз, полнившихся изумлением. Хотя позже на пляже ему было наплевать, видят ли глаза в темных очках.

Если суета была инерцией, инерция могла быть суетой.

Если инерция была самосохранением, самосохранение могло быть суетой.

«Суета», — сказала она в его рот.

Но не имело значения, видят ли его темные очки, не имело и значения, видит ли и он их.

Приближающаяся щепка Имп Плюса замедлилась и зависла. Она не продолжала движение, как свет, который опускался.

Но остановившись, щепка образовала длину тени на млечной мембране под ней. Теперь Имп Плюс видел действительную или бóльшую длину щепки не от места тени, над которым практически вертикальная щепка, как тень, была немного длиннее точки; нет, Имп Плюс видел действительную или бóльшую длину с другого места, будто уголки глаза, откуда

он часто видел, как пряди упругости, ослабляющиеся и затягивающиеся, смотрят на него в ответ.

Что бы он сделал?

Это был вопрос, но правильный ли?

Одно, что мог сделать, он выяснил, сделав это.

Это было слышать передачи Центра как тишину. Хотя когда и как — уверенности не было.

Центр спросил, что значило *Сегодня утром*, но вместо ответа Имп Плюс глазел на новую щепку.

Он видел бóльшую длину щепки с лучом мозга позади. Однако затем он сразу же увидел еще бóльшую длину с высоты нового угла, так что фоном его зрительного поля служила дуга капсульной переборки и прохладный тенистый конец одной из спиц, на котором сейчас и там, и здесь не показывалась малиновая вена. Но этого было недостаточно. Желание, что когда-то было частью его самого, а теперь действовало само по себе для него, принесло еще один взгляд, маленький и совсем без уклона, и меньше, чем был на самом деле, так как взгляд разрежала спица, чья длина была неясной из-за угла зрения, который, казалось, исходил из дальней и нижней стороны мозга. Однако сейчас это сочетание из четырех взглядов соединилось в один, с болью вываливания, которая теперь была не такой острой, хотя и более болезненной, нежели то другое расстояние-боль, что, возможно, и не ранило. И с болью пришло мерцание. Это была пульсация и новая яркость дымки, и поэтому менее ясная, однако нового размера, который был не больше и не меньше. То была целая щепка, всесторонняя, то в млечной дымке, то кристально ясная, но целая, как память, которую он не вполне мог определить. Он знал *память*, но видел, что это не одно и то же, что и *помнить*.

Но новая целая щепка не была сейчас ни одним из четырех со-взглядов.

А была их суммой. Их результатом. Их домом. Их фигурой.

Тут боль, хуже, чем обвал-обрушение, насадила его на

цилиндр, которого он не видел. Цилиндр и боль были осью, тонкой, как лезвие, какое, будучи местоположением, одновременно являлось и кривой стенки цилиндра. Боль такая сильная. Боль как расщепление скорости света, где светом был он, а она была безмолвной — какой? — и настолько сильной, что казалась последней: но не была. И когда она с дрожью вернулась по оси расстояния, он запомнил оттенки того, что помнил в бесконечной точке той боли: то был свет, называемый когерентным, совместный, разделенный, переделанный, в темной комнате не так далеко от газетного ларька, как были Калифорния, а потом Мексика. И он, каким он тогда был, был за главного. Не Хороший Голос, который планировал. И не Въедливый Голос, который рисовал мелом. Не смуглая женщина с золотым кольцом, принесшая длинную щепку к его руке, когда он страдал от боли. Боль пришла так быстро после дня на пляже с буревестниками, что он не мог понять, как его тело, чья болезнь была началом Операции ПС, могло так быстро измениться.

Но что он мог поделать?

Слышать слова из Центра: СЕГОДНЯ УТРОМ ЧТО, ИМП ПЛЮС. ВЫ СКАЗАЛИ СЕГОДНЯ УТРОМ. СЕГОДНЯ УТРОМ ЧТО? ОТВЕЬТЕ ИМП ПЛЮС.

У него (кто был тобой) снова был растягивающий обвал ожога повсюду и мысль, которая не была зеленой, поступила к нему, что со спиц-конечностей его твердое зрение в мозг обнаружило больше, чем можно обнаружить отсюда в мозгу наружу. Здесь он смотрел со случайных наклонов и углов. Крепость настолько живучая, что не знаешь, где появится возможность выглянуть из нее в следующий раз. Отверделости спиц бесцельного взора имели замечательные цвета насыщенности. Он подумал, что они от него удаляются. Хребты мембраны, хребты утолщающиеся. Он чувствовал, что видит шевеление в одном, а затем во втором. Будто что-то внутри. Пихнуло другое. Но дальше — больше. Или он подумал, что видит это,

и решил, что может быть там в них яснее, чем мог бы иметь их, глядя наружу из мозга и его настраивающих изменений.

Центр задал новый вопрос: Неужели он столько не помнит?

Волна ощущалась как воротник, проходящий сквозь него, и от нее его осталось меньше. И голос, бывший Слабым Эхом, сказал: «Замечательно, замечательно. Повторите».

Но волна была мыслью. Мыслью, что у него отнимут все. Ощущение отнимут у его плоти, как уже отняли плоть у ощущения. Рука отнята у его руки, мексиканская песня отнята у его уха. Язычок соска цвета лососины извлечен из развилки его ног.

Центр спрашивал, все ли ладно с Имп Плюсом.

Центр добавил: ЧЕСТНО ГОВОРЯ ИМП ПЛЮС МЫ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЕМ ИЗ ОПРЕДЕЛЕННЫХ УЧАСТКОВ. ВЫ ИНТЕГРИРУЕТЕ СЕНСОРНЫЙ ВХОД?

Посреди конечности поднялась бледно-зеленая зыбь. Он не очень понял, пытается ли Слабое Эхо говорить.

Но зыбь — не совсем движение. Скорее градиент. Костлявый градиент, наложившийся на что-то, но еще и бывший этим чем-то.

И соответствовал повсюду на удаленной спице посредством другой такой же живой градиентной формы, но в этот раз темнейше-красной. Которая растягивалась, словно собравшийся открыться рот.

Млечная мембрана была чрезвычайно скользкая и толстая между этими двумя участками.

Темно-синее и бледно-бурое были на смежной спице или крыле. (Или он всего лишь помнил?) И на ней лежала длинная точка или краткая перекладина, тени, отбрасываемой сквозь пустое пространство капсулы, теперь еще больше наклоненной щепкой, которую выпустил Имп Плюс.

Перекладина. Он не знал *перекладина*. Но с отбрасываемой ею тенью это была идея. Однако не такая, как зеленое, водоросль.

Хотя как зеленое — идея кого-то другого. Но переключи-на или нет, Имп Плюс когда-то ощущал ту тень через свое видение: и сейчас он знал, что уже знал, что мембраны — то, чем он видел. Хоть и не глазами.

Иногда он видел насквозь; иногда нет.

Если продавец газет держал рот открытым, потому что видел своими зубами, возможно, разноцветные, обесцвеченные, шатающиеся и выпавшие зубы приходили, уходили и приходили вновь.

За участками зыби ткань мембраны начинала тускнеть.

Конечности были не полностью мембраной. Их липкое сияние было иногда твердым, как облицовка.

Одна из спиц, казалось, уходит прочь от него, он не был уверен. Что он мог сделать? Но центральный участок между зеленой и темно-красной зыбью теперь стал больше.

Он ощущал под мембраной уровни и расслоения, которые намеревался увидеть и мог ощущать до самых растительных и животных полюсов одной клетки, которым повезло быть частью того, частью чего становилась мембрана.

Растительный не было растением торговца газетами. Имп Плюс не знал *животный*, но лишь его припомнил. Что он мог сделать?

«Не забудь выжить, конечно». Именно это сказал Въедливый Голос в меловую зеленую доску в бледно-зеленой комнате, словно и не Имп Плюсу. Но что не забыть?

Женщина на пляже в Калифорнии была вся из плоти. Она стояла прямо подле него, и он забыл о своем больном теле. Забыл о мексиканской колючке, разрезавшей ему ногу (возле цветка с серебристыми листьями, выпрыгнувшего в свете фонарика), — и пальцах, выскользнувших из его руки у зимнего газетного ларька, в котором у продавца в капюшоне со всегда открытым полусмеющимся ртом и гнилыми зубами, были повязки, такие неплотные, что можно было увидеть бледно-розовую выемку в одной впадине, как дыру в теле. Все сошлось, неплотно

установленное силой. Оно было там и тронуло Имп Плюса, который мог ощутить, но не мог дотянуться.

То было как идея, другие идеи, помимо упругости: как упругость, чьими были пряди — пряди в уголках всех глаз, расслабляющихся или неплотно сжимающихся, ослабевающих и (теперь он думал с полной близостью своего прежнего взгляда) слабо теряющих процесс прядения перед натяжением обратно. Грядка хлореллы уже давно казалась ему идеей. Но затем он попытался остановить себя, так как не знал *идея*. Он припоминал ее; но ее не знал. Он знал зеленую хлореллу, знал, что она дает ему часть его воздуха. Разве это не все? И теперь еще знал, что у спиц есть мембраны со зрением. Но он упорствовал, ощущая, что распространение, и полюса, и открытые возможности этого зрения были больше, чем зрением, и больше того, на что они ощущались похожими.

Здесь на орбите Земли он отклонился на всех осях своих позвоночников к той силе, что имела его, но он не научился к ней прикасаться. Сила была рассеяна в удаленных частях. Она была как идея, если бы только Имп Плюс знал, что такое *идея*. То была идея его зрения. Или сила того места, где зрение росло. Или случайность места, которое склонялась найти сила. Он склонился по одной оси расстояния. Но затем не смог. Поскольку раньше он видел, как соскользнул к затаенному, которое от себя скрывал, к секретному пинку, который получил бы от себя, припоминая влажное прикосновение женщины вокруг него всего телом, которое однажды у него было, а сейчас не было. Этот затаенный наклон видел себя, мозг и конечности сливались во взаимной наклонности зрения, или изменения случая: так что первый наклон сменялся вторым наклоном: этот второй наклон был не одним осевым наклоном, но распространялся из одного из нескольких возможных центров, и распространение боли-обваливания, от какой он смеялся в ответ и шевелил четыремя удаленными

конечностями или шеями, усеянными мембранами и их ростом, и с тем лежащим в основе предложением нащупывая свой путь через их плазму. Прежде, снаружи, его мозг был, как он сейчас видел, маленьким или потом огромным лишь потому, что движение в его мембране-зрении таким его сделало. И то, что, как он думал, является зрением, проецировало твердо к освещенному сосуду мозга, на самом деле было твердым, к тому же так вышло, что оно имело и зрение. И бегающий взгляд мозгового вещества, когда Имп Плюс склонялся вновь и вновь вокруг мозга, и был реальным изменением в поверхности мозга.

Но что он мог сделать? Что со светом? Он уменьшился. Он все еще сворачивал во все части, как дым в пазуху. Но свет уменьшился.

Он не знал. Но чувствовал, как раскручивался губа складки, которую мог бы увидеть, лишь если выдвинет себя на удаленную мембрану конечности. А ему не хотелось этого делать. Поскольку опускающийся Солнечный свет, все еще теплый в нахлыве, давал ему ощущение, что это не только движение Солнца, но и его тоже. Ощущение многих ртов, открывающихся, чего не было ранее.

Имп Плюс рассмеялся в улыбающийся рот, который сказал: «Суэта».

Поскольку тогда он видел сквозь поблескивающего наблюдателя дюны: то был теневой исследователь, человек из Проекта: значит, возможно, они не посадили наблюдателя ему в машину, а затем извлекли в конце песчаной дороги.

Но в том-то все и дело! Его щепки были электродами! Он знал их давно. Хоть и не знал, где их установили.

На миг конечности, или шеи, или крылья, кажется, знали. Знали что?

Центр сказал, что Имп Плюсу следует задуматься о подготовке к некоторой отключке, но не будет ли Имп Плюс любезен сообщить последние показания глюкозы. И Имп

Плюс удивился, что Центр такое говорит, когда Центр никогда прежде для таких данных в Имп Плюсе не нуждался.

Или не нуждался до настоящего момента, с выскакивающими электродами.

Щепка, которую смуглая женщина поднесла к его руке в Калифорнии, была большой, а не маленькой, как здешние щепки. Не электрод. Хоть и с иглой на одном конце.

Сейчас конечности или крылья, шеи или спицы пульсировали млечным мерцанием, так что циклирование позднего света получило салют.

Имп Плюс знал, что большее, окружавшее повсюду и бывшее из него, выросло из его мозга.

К нему не приходило. От него уходило. Он не мог прекратить знать, что у него отберут.

Если все должно от него уйти, возможно, оно уйдет после прихода темноты. Сквозь уменьшавшийся свет он различил, что в спицах мембраны нет изменения. Если не считать того, что начало быть изгибом в одной.

Он видел, что его взор теперь так часто не перемещается от широко раскинувшейся дымки до ясного и обратно. И видел, что, пока способен вдумывать свое зрение в удаленные конечности, он этого не делает.

Потому что хотел не делать. И желание уже превосходило память о том, почему он хотел не делать.

Эта мысль превратилась в обваливание и жгла его изнутри наружу. Не на удаленной мембране, а ближе к дому, хоть и с тем же ощущением независимости от него.

Раньше он хотел располагаться в центре, а не быть рассеянным до дальних пределов себя, которые были неизвестным местоположением спиц. Эта мысль снова запустила растущую боль. Хотя теперь она зыбила наружу нутро, что ему теперь показалось любопытным.

Поэтому он должен был это видеть. Как видел распад глиальных клеевых бластных клеток на независимые блоки губки, которые разламывались и были больше клеевыми бластными клетками, чем раньше. Подобным же образом волокна раньше

пульсировали вкось в старых глазных трактах, у чьей головки волокна блокировались пустотой там, где их отделили.

Вместо этого они пульсировали вкось: в височную долю, думал он.

Где Центр давал пинки, как он говорил.

Которые Имп Плюс, по словам Центра, возвращал в обмен на префронтальных участках 9 и 12. Принимались в одном месте, возвращались в другом.

Поскольку света стало меньше, ему не нужно было видеть столько же. Поэтому, возможно, он больше думал.

Что его остановило? Был ли он теперь собственным зрением? Да, если мог согласиться стать рассеянным. Он мог бы свободно течь среди спиц вечно. Или получать пульсацию от Центра, как три сброшенные щепки, полученные из Центральных волн пульсации, подобного движению локтей кузнечика, приходящий на частоте, как брешь в преграде.

Смуглая женщина, поднесшая большую щепку к его руке, сначала пришла и проверила его пульс. Учащенная боль, вот что у него было, а она проверила пульс и ушла.

Обратно принесла она не его пульс, а щепку, крупную, которая вошла в его руку на изгибе.

Но где же его пульс? Он спросил об этом смуглую медсестру. Он припомнил ее и припомнил медсестра.

И сейчас на орбите свитые оптические волокна уже перенацелили себя, пульсируя вкось наружу через стенку тракта, составляя карту с кодированной сеткой того места, куда они направлялись, уходя. Имп Плюсу было интересно, не Земля ли возвращала ему его пульс. И вот его зрение снаружи мозга. Взор перемещался между тонкой дымкой и одиночной ясностью контуров, нарисованных на черной доске, которая была зеленой. Но суть была в том, что он перемещался пульсацией. Пульс исходил из какого-то места.

Имп Плюс выискивал волны, сворачивающиеся в щепки. Но видел лишь щепки. Имп Плюс думал ответить Центру, но не

развернул свою Концентрационную Цепь на согласованный размер и лишь выговорил: ГЛЮКОЗА ХОРОШО. ГЛЮКОЗА ПРЕКРАСНО.

Имп Плюса интересовало, знал ли он по-прежнему, как активировать до определенного размера Концентрационную Цепь. Слабое Эхо знало, но Имп Плюс отпустил Слабое Эхо.

Имп Плюс обнаружил, внутри фонаря своего мозга, волоски, как морские нити, бьющиеся вместе. Но вместе, как отдельные комплекты. То есть один комплект стучал медленно, другой быстро, следующий беспокойно, однако в собственном потоке туда и сюда. Потому Имп Плюс выделил линию Земли, и это теперь было труднее, чем сосредоточиться на линии датчика глюкозы, но затем он прекратил хотеть сообщать Центру о волосках. Раньше он видел волоски не такими длинными, но заметил их лишь сейчас в нижнем свете, когда они не росли. Он отпустил линию Земли, хотя Центр мог бы ответить на его *хорошо* и его *прекрасно*. Ему хотелось смотреть. Но когда он смотрел, стучания вновь, вновь и вновь разделялись на ощущение большее, чем то, на какое могли рассчитывать Центр и Слабое Эхо, и большее, чем темнота.

Когда он сразу осознал присутствие многих комплектов волосков, каждый постоянен в своем медленном, быстром, ровном или неизменно рваном ритме, оказалось, что здесь больше. Он прошел от одного конца своего ощущения до другого, так что некоторые комплекты образовали линию. Затем переместился назад на разряд или разрядом выше. Когда перекладки казались параллельными друг другу, углы начали поворачиваться. Поэтому лестница стала круглой лестницей. Но округлость куда-то свернула и была больше сеткой. Сетка распростерла свои комплекты или узлы крохотных волосков так, что, когда он смотрел, это движение было пробегом пространства, искривленного вдоль вечно заново открывающейся возможности градиентов.

Которые, высматривая, чтобы увидеть больше, он умножил.

Он высматривал, откуда шла пульсация многочисленных пульсаций.

Внизу — словно бы далеко внизу — дротика видно не было, там, где синий разряд сопровождал последний доклад Слабого Эха (*Гипоталамус активен*).

Ниже этого была пламенная железа, от которой он держал расстояние свернутым. Пламя сейчас было менее свернутым, однако гораздо менее ярким. Но со светом не только низким, но более другим.

Поля раскачивающихся бьющихся пучков морских волосков расходились повсюду. А Имп Плюс не расходился.

Он не смотрел наружу в поисках конечностей и щепок. Не проверял водоросли и окно, на котором не было прицельной сетки для измерения положения. Не видел, может ли он сейчас выработать линии к датчикам. Или к Земле.

Он собрал себя хваткой. Он был на мягко-сером и клеево-белом.

Как-то не так давно он спускался по одной стороне и поднимался наружу по другой. Но сейчас тянулся к носу и корме. Сердце, пульсирующее пульсами, было, думал он, мозгом. Должно быть им.

Он один знал. Потом расскажет Центру. Посмотреть, что скажет Центр. Однако ему хотелось не рассказывать Центру.

Поля многоволнистых пучков касались Имп Плюса, когда он раскрыл хватку на продольной оси. Он не знал, где на нем волоски его касались, что были частью его. Мягко-серые и клеево-белые по-прежнему содержали янтарные люмены Солнца. Эти люмены сейчас были не пакетами. Они повсюду были одним засасыванием. Рука Солнца удалялась, но оставила то, чем стал его свет в хранилище мозга.

Его хватка взялась вести его зрение. Он не знал, что вело что, хотя и соображал. И сейчас волнообразные поля собранного пучками сетчатого пространства, выросшего открытием от лестничной конструкции, сначала прямой, потом круглой,

потом повсеместной, теперь выделились на каждом конце изогнутого каверномера его хватки в крестообразной перекладине силы, похожей на борозду.

Да. Перекладина, планка. Но пространство. Короткое оживленное пространство. Между полюсами более оживленными, чем отдельные луковицы электрического глаза. Полюса, питаемые зарядом процесса, обращающего каждый постоянно от отрицательного или положительного к обоим.

Перекладина или планка, насаженная на каждый из зубьев желая, пропахивала безмолвно борозду вниз и внутрь. Перекладина, планка или отделенный радиус.

А далеко внизу под ним, ниже волокнистой головки мембраны, грызущей длинную брешь, также ниже точки розового желудочка, мерцающего между двумя внешними желудочками, что нынче с убыванием Солнца казались далекими, отдельными, равными формами рыб стоймя или охвостившихся дельфинов, выгнувшихся в танце, — и ниже и перед некогда обесцвеченным, теперь затененным перекрестьем глазных трактов была разворачивающаяся и более совместная пламенная железа, которая все еще нагревала до коричневых, бордовых и янтарных пределов четыре тела, бывших одним и там, где некогда ярко вспорол синий дротик.

В той точке боли от синего дротика, как раньше сказало Слабое Эхо, какая-то часть была активной. Если те тела или островки внизу над пламенем были там, где Слабое Эхо подразумевало, слово для этой части не имело значения. Вокруг прямой линии данных Слабого Эха Имп Плюс мог завернуть спираль, даже если не мог рассмеяться. Рука калифорнийской женщины взбежала по спиральной лестнице его позвоночника. Позже она поднесла маленькую смуглость своих сосков к нему, чтобы превратиться в одно сплошное лицо, затем в лоно его открытого рта, затем в многочисленные сосочки ее бархатного языка: и все принесли с собой это желание, растворившее в собственном неизвестном страхе того, что

должно было наступить: раскладной операционный стол, что загибался вверх от стола к стулу и обратно к столу в конце, и ранее смуглолицая медсестра, запустившая иглу в изгиб его руки, словно чтобы вытянуть из него то, что в нем было и не позволяло уйти со всем остальным.

У него было много изгибов — он видел их, — но не было руки. И если часть, которую Слабое Эхо назвало, была тем, в чем был синий дротик, эти тела внизу над пламенной железой — не одна часть, а четыре. И притом кластеры. Покамест.

Из этих семейств, изо всех поворотных углублений и окрашенных движений, как видел Имп Плюс, Солнечный луч удалялся. Имп Плюс припомнил, что белесый и пепельно-рыжий, зеленый с позолотой или посеребренно-желтый не относились к плоскостям и камерам, к веретенам, брешам, мешочкам, каплям и пористым кожам, которые содержали их, как миллионы Солнечных кровей. Но некоторые морские волоски толстели, затем сужались в узел, не такой, как их раскачивание, и становились гуще в объективоподобной прозрачности, словно бы качая цвет где-то еще лишь с одной целью — сократиться в цвет снова. И цвет здесь или ниже по плоскостям, или набухание капель могли показать оранжевый или сине-зеленый с точки внизу, но потом стать мелово-бурым или розовым с подпалиной с высоты — скажем, десяти часов. Десять часов поступило к нему. Слово для места, откуда смотреть. Принадлежали ли все цвета этим частям? Части и их колонии, чей цвет менялся в зависимости от того, откуда на них смотреть, знали, как удержать свой цвет или если не их цвет, то их привязки к нему и к бегущим ветрам Солнца.

А к Имп Плюсу?

Образовалась его хватка. Именно этого он хотел. С носа и кормы. Направляясь наружу, вниз, внутрь. Ведя к носу и вслед за перекладинами, которые выгибались дугой и дальше через холмы, сделанные, как и раньше, из тех же прутиков, колючек и усиков, и тех же клеевых клеток, липнущих языка-

ми к стеблям, как и раньше, когда Имп Плюс передвигался сквозь стороны мозга.

Света становилось все меньше и меньше; поэтому искры, вспыхивающие от прутика до ветки, давали большее свечение. Но перевалив за противоположные холмы, он хотел дотянуться и вернуть перекладки назад. Поскольку дотянулся он до той маленькой руки издалека, которую не мог использовать. Той руки он и достиг, маленькой руки, что сидела на огромном, поющем колесе, вращавшемся рядом с морем. Маленькая рука, которой он дотянулся, сидела на падавшей спице на сиденье, которое он не мог теперь использовать.

Перекладки выгибались дугами наружу, вниз и внутрь. Носовая перекладка опускалась медленнее и не настолько глубоко, как кормовая. Это было похоже на неравный рост. Но его собственный. Но от того, что произошло теперь, Имп Плюс вынужден был припомнить усталость, потому что он, должно быть, сейчас устал от сумерек, укрывших тракты фонаря, и колоний, словно они не знали о том, что он занимается их работой, чье сумеречное потребление он хотел бы ощутить без мощи той боли, сейчас отсутствующей. Поскольку, когда обе перекладки достигли глубокой пропасти, строго разделяющей надвое все серое, белое, сине-зеленое и янтарно-красное — а лежавшее внизу не было мозгом, — перекладки оседлали раздел. Но продолжили двигаться. Теперь внутрь. Работая, как мосты на роликах, по рельсам вдоль берегов пропасти, и то, что притаилось внизу и не было мозгом, по-прежнему можно было увидеть с передней перекладки, но теперь не с задней. Но вот чему случилось утомить Имп Плюса — ощущению, что он не в двух местах сразу. Вот только это не утомляло, а наоборот предлагало. Тогда как он видел, что должно утомлять было перекладками. Которые мостом соединяли раздел, как он теперь видел внизу, насквозь, только проходя через клетки,

где две стороны трещины смыкались. Но хуже утомления было тогда не вполне различие между носом и кормой; не между тем же нервом и клеевыми клетками впереди, и теми и новыми клеевыми клетками позади; или между новыми, длинными конечностями, луковицеобразными на кончиках подковы внутри, по которым сейчас проходила носовая переკладина — и восходящие волокна и мшистые волокна, излучающие звезды, корзинки и камертоны водорослей посреди, чьи частые прямые углы задняя переკладина проходила, как воздух в листве. (Он не знал *листа*.) А кроме утомления еще были перекладыны, продумывающие свой путь совершенно независимо от него.

Или утомляла нужда быть в двух точках, когда он чувствовал себя в одной. Равно как и то, что это было ему не по силам. Но они в своем росте или движении не были равны друг другу.

Эти две. Носовая и кормовая, сквозь которые две руки, концы или щипцы двигались сейчас навстречу друг другу. И отсутствующе: поскольку для чего он получил это желание хватать? Или чего это касалось или что делало среди запутанных направленных назад щупалец, расщепленных из подковных конечностей, которые, как он думал (и знал, что думает), были прежними нервами обоняния; и то, чего это хватание касалось или делало там, среди плоскостей листвы с ветвей деревьев, плоскостей, как разглаженные листья, и среди складок таких многочисленных, таких уплотненных, таких тонких, что их замедленные циклы и бесконечно пальпируемые особые тела были готовы к досягаемости многими движениями одновременно и стать исследователем, или равновесием, или единством всего этого.

Но перекладыны его хватки также предвкушали что-то сделать и замкнулись друг к дружке, направленная назад передняя переკладина была чуть выше, чем обращенная вперед задняя. Но они замедлились.

Они приближались к пламенной железе. Она распространилась сейчас вокруг, питая островки выше. Могучая мысль, по ощущению Имп Плюса, была не только светом.

Однако он знал, что вовсе не из-за страха перед той накопленной силой концы перекалдин его каверномерной хватки здесь застопорились. Их скорее тянуло наружу. Тянуло утомлением и ее противоположностью. Тянуло видом щупалец обоняния в передней части мозга, возвращающегося из подковы с луковичеобразными кончиками к другим щупальцам, идущим сбоку из усеченных глазных трактов. Тянуло также совместным наклоном, который вблизи был тончайшим движением вверх к тем плавучим островкам и наружу к расширяющимся расщелинам сумерек в капсуле. Тянуло также памятью, наново растущей в перекалдинах через достижение предпринятого дыхательного движения, вдохнув, использовав и выдохнув с желанием действовать, тогда же вдохнутым.

Каждая перекалдина теперь была старым радиусом, обратившимся веретеном: вращающимся вне незавершенного эллипса его щипцовой хватки, чтобы вращаться сквозь вечерние пространства мозга.

Пока сама хватка не повернулась и не стала размашистой дугой этого овального полушария: местом, где, по его ощущению, он находился, когда мог себя ощущать в одном месте, а не в двух.

Несколько глазных щупалец присоединились к нескольким щупальцам обоняния. Некоторые разделились на морские волоски, а другие покачивались прочь от паузы, словно чтобы медленно удивиться тому, о чем подумали бы, — и через фланги мозга дотянулись, чтобы склониться параллелями у теснины определенных более активных расщелин. Новые полости склонялись не к свету, который практически исчез, а друг к дружке.

Размашистая дуга была полушарием в движении.

Местоположение, накрывшее его дом.

Укрыв кожухом в процессе, если не в истинном полусфере, той целой вспышке связей, протекающих через все расстояния, какой могла бы достичь мысль прикоснуться, протекающих, как все стороны его взора. Из этого центра он теперь видел бы яснее, чем любой импульс из Центра мог ему сообщить о том, что происходило тогда в большой зеленой комнате на Земле, где Хороший Голос и другие договорились о неизвестных, и в маленькой зеленой комнате, где Въедливый Голос выкашлял известное. Видел бы теперь яснее, чем Въедливая рука, кружащая вниз и внутрь по нижней части, чтобы завершить меловой эллипс.

Имп Плюс из своего нового центра с его слоями деревьев и мотков света, идущих сквозь резервуары желудочков, видел, что женщина делала с его пульсом. Она измерила его и ушла, вместо этого вернувшись со шприцем. Одноразовым шприцем.

Для чего?

Имп Плюс ощутил вращение, которое не было поворотом этого местоположения. Он не знал, где оно. Оно не подходило. Оно появилось с тем, что он знал как боль роста; но было не больно. Он найдет Слабое Эхо. Он найдет слова в Слабом Эхе, которые расскажут, что делал шприц калифорнийской женщины. Он знал, что знал это раньше. Но не знал, почему не знает сейчас. Он знал, что было две женщины из Калифорнии, одна на пляже и другая медсестра. Он их терял. Или скорее путь между ними.

Он размышлял о том, что железа ниже острова сделала со своим пламенем. Он пытался узнать, что делало сейчас ясный кластер тусклых граней, превращаясь в линию для наклона к новому обороту — этому новому обороту, — который он только что ощутил, но не мог определить.

Однако он мог бы попытаться узнать, что делало кластер, кластер, вылившийся в линию, знало, что делать, думал он. Все же это было какой-то его частью, знал он, — кластер,

линия и действие. Он смотрел в кластер, превратившийся в эту линию, и видел крохотное засасывание, уже раз виданное, или его процесс, или скольжение, и возле него он видел овалы. Они предназначались для питания и имели имя, которое он не мог определить, и мелочи, происходящие внутри, где до этого их было не так уж и много. Его взор уловил сахар и в том же ряду то, что было результатом его бреши. Сеть сузилась и протянулась сквозь него, как тот цилиндр или та кишка. Протянулась сквозь него к дальнему повороту или изгибу, который уже был тут не больше, чем сам он был центром. Он позволил вытащить себя, оглядываясь на тем не менее ближние овальные формы и засасывание мембраны, само по себе невидимое, но не потому что Имп Плюсу не удавалось, а потому что он был событием градиента. Он качал против градиентного потока, это засасывание, словно нұжды в каком-то количестве потенциальной крови, припомненные по Солнцу, желали открыть постоянно некое чудесное неравенство между тем, что внутри клетки, и тем, что снаружи в море около нее. Таким образом засасывание выпустило свои заряды сквозь кожуры клеток. Запах сахара и жжения поступили с Имп Плюсом, который был не дома и знал, что не потерялся, но не понимал мозг или свое видение множества размеров.

Кроме одного — как Центр, спрашивая, что значит ГЛЮКОЗА ПРЕКРАСНО, запрашивал другие данные, поскольку глюкоза была слишком высокой: Имп Плюс знал одно — они не дали бы ему его видение множества размеров, если бы даже оно у них было на отдачу.

Вниз сквозь огромную толщу импульсов Имп Плюс оглянулся на пропасть, которую мостом соединили перекладки, и теперь обнаружил в ней движение, которое не было его, и на миг пропасть его разделила на страх, что не был ни сломанным, разделенным операционным столом, превращавшимся в стул, ни отламыванием его тела от того, что будет оставлено, а отделением его самого от себя. Он думал, что

обрадовался бы присутствию Слабого Эха. Он слышал, как Центр говорит про сон, и не мог приложить ума, так как не знал, что такое ум.

Но даже еще до того, как его подтянуло, почти как рукой Солнца, в то, что сейчас Слабое Эхо называло, на разных переменных расстояниях, «Премоторной корой», Имп Плюс знал о разбрызгивании многих центров, не одного.

Эта расщелина была еще узкой, но Имп Плюс ощущал на себе перепончатую выпуклость, дотянувшись до края капсульной темноты. В стороне у переборки он разглядел склон полушария, где оно ранее парило подвешенным. Бледный свет коснулся окна. Первое окно, вообще встроенное в ИМП. Но никакой прицельной сетки на окно не нанесли, потому что не предполагалось, что кто-нибудь будет — приземляться, сказали слова — нет — определять положение. Но окно думало само по себе; он это помнил; но не мог понять, думает ли оно о нем.

Сквозь окно проходил свет. Имп Плюс не знал, был ли этот свет звездами или (и слово поступило по старой оси расстояния) Луной.

Он не мог сейчас нигде разглядеть щепки или вспомнить то, что женщина сделала со шприцем. Но поворот, какой он раньше ощутил в освещенной сердцевине мозга, он видел сейчас: изгиб, замеченный еще раньше там на одной спицевой или достигнутой, вырос вокруг и так далеко, что теперь почти касался прилегающей конечности. Или он передвинулся, а не вырос в действительности?

Но, словно подтверждая, что Имп Плюс наблюдает, изгиб передвинулся. И Слабое Эхо в непосредственной близости сказало Центру: Ладно.

Поскольку Центр приказал Имп Плюсу спать.

Но Имп Плюс не спал. Он позволил Слабому Эху спать за него, в этом дело? К тому же Имп Плюс не знал спать. Слово для этого из Центра чувствовалось как линии по середине между сторон. Но он не знал спать. Он видел крупное и малое. Новым тут было то, что он знал, что это уже делает множество оборотов дня и ночи, поэтому ему хотелось слов, чтобы посчитать эти повороты, и он думал притянуть эти слова к себе вдоль оси расстояния.

Но куда?

Он был у узкой расщелины. То была расщелина мозга. Внизу в глубине расщелины, когда он наблюдал как слабые грани, выстроившиеся в линию, отклонились в сторону и отступили, чтобы вновь стать кластером.

Но теперь кластер с сиянием пыльцы и ярким блеском сети.

Которых не видели, когда этот кластер качающихся, овальных и других мелких движений превратился в линию, как раз когда Имп Плюс, стало быть, позволил вытянуть себя к узкой расщелине в том, что Слабое Эхо называло префронтальной корой.

Где же увидеть Слабое Эхо?

Имп Плюс посмотрел, и кластеры граней склонились вновь к расщелине, куда его притянуло. Другие кластеры повсюду тоже притянулись, разъединяясь до коротких линий

в его сторону. Они потянулись к нему, и он мог быть Солнцем, невидимым за углом, и они вдыхали, чтобы вытащить из ночи мозга тот свет, что остался.

Но затем эти линии оттока отбросили свои длины назад и стали кластерами. Имп Плюс мог предпочесть увидеть линии из разных точек, и точекдвигающихся и недвигающихся. Он предпочел. Но не знал, были ли те линии, сейчас отступившие в кластеры, такой же длины, насколько продолжались.

Все это происходило без его участия. Хотя были они им.

Поступило касание. Сообщение, словно игла медсестры. Точка силы растеклась по нему, становясь экраном. Экран и плоскость тогда развернулись у расщелины, вот только Имп Плюс и не видел, как. Поскольку мимо теней прядей, вялых или натягивающихся в уголках его глаз, он мог выглядывать наружу сквозь расщелину, как и прежде, смотреть на переборки капсулы и мерцание своего роста. Но где бы ни была плоскость или поле, через которое однажды сила растеклась, она заставила его — или заставила его хотеть — водить глазами из стороны в сторону и обратно.

Что заставляло его хотеть иметь глаза, чтоб с этим справиться. Или хотеть думать, что они у него есть. Поскольку он знал, что их не было.

Не глаза, как те, что он утратил, похожие на глаза другого цвета той женщины, чей запах он чувствовал на калифорнийском берегу.

Или видел, любил и хотел. Хоть и не чуял, или не знал, что чует, пока здесь сейчас натянутый или вялый сквозь сахара, скользящие из камеры в вену.

Не камеры и вены глаз. Хотя и сахара. Молочные. Молочные сахара.

Он уже куда-то почти попал.

И вдвойне. Поскольку он принес обратно и мгновенно вернулся на миг к ней, ту заднюю часть мозга, сквозь которую прошла кормовая ножка каверномера воли: часть, которой

спящее поблизости Слабое Эхо могло дать имя, и где тонкие складки мышц — *мышцы* вот как это называется — должны ожидать и хотеть пока пройдут размашистые движения или двигательные нервы, ищущие себя. Не кольца клеток, мышцами смыкающие концы радужной оболочки глаза через брешь зрачка калифорнийской женщины в его памяти, или в той, что, как он думал, была его. Наоборот, других мышц, которых он не мог найти, но мог хотеть, лишь не мог дожждаться.

Ему почти удалось увидеть мысль. Которая тем временем, подобно постоянной карте его, за *ним* же наблюдала, как ему думалось, а не он за ней.

Затем касание миновало, и он увидел, что оно не похоже на иглу медсестры, от которой он перестал ее видеть. Он оглядывался, ища Слабое Эхо. Но обнаружил все ночные города мозга, словно его здесь не было. И он выглянул мимо короткого, серо-яркого блеска на губе расщелины, которая, как он думал, была мембраной, начинающейся перепончатой выпуклостью, на какой он сосредоточился, хоть и ощущал также повсюду. На неведомом расстоянии висел твердый изгиб сумеречной, синекрапчатой жемчужины. Он знал, что однажды видел на Земле, но видел настолько мельком, что не смог разглядеть сквозь переборку — а окно не было в эту сторону. За губой расщелины были крылья, шеи, спицы, органы, выходы или входы: которые могли и не быть ими вовсе, хотя в одном он был уверен — они ушли из мозга.

Но они сделали мозг тем, что ему нечем в себе было видеть: сделали мозг отличным от того, из чего они вышли. Карта того, как вернуться, изменилась.

Капсула потемнела. Центр, возможно, изменил позицию. Над грядками хлореллы и внутри них ощущение света постоянно отступало и было там. Внешний свет, который не был Солнцем, но может оказаться далекой млечностью звезд и, возможно, называвший себя Луной, сам по себе мог сдвигаться.

Удаленные части были там, но они были им больше, чем он мог их видеть. Однако он видел то, что видел. Изгиб свернулся внутрь еще сильнее. Поскольку в тонком свете себя изгибу хотелось присоединиться к близлежащей конечности или двигаться дальше и развернуться к мозгу.

Огоньки удаленных мембран были под мембранами. Каждый свет — слой длины, и дальше удерживающий Солнце, которого здесь теперь не было.

Расщелина, к которой, по ощущению Имп Плюса, его притянуло, сократилась, как только свернулась отдаленная конечность. Но оба остановились. У Имп Плюса была медлительность в отдаленных конечностях. Или он ощущал немного из того, что там происходило. Он был наедине с собой. Он думал, что это внутри. Слабое Эхо было близко и внутри, не где-то среди отдаленных плазм. Слабое Эхо спало. При свете. Спало, освещаемое перчаткой усиков, оставленной рукой ушедшего Солнца. Спали ли крылья? Какой свет тревожил их мембраны? Свет, который они излучали сами. Без глаз Слабое Эхо не тревожил свет. Здесь внутри мозга — или того, что было мозгом, из которого что бы ни выросло, свет, накопленный от Солнечного дня, был больше чем светом.

И все же свет помог Имп Плюсу это увидеть. Эти потоки.

В золотой тени над каждым бледно-красным потоком он видел — но не раньше чем, ему следовало захотеть — целую галактику красок. Именно их он увидел, когда впервые припомнил глаза женщины. Золотая тень была и снизу. Золотая тень была тем, что показывало другие цвета в бледно-красном. Он не мог определить, чужд ли он сладкий поток или припоминал его; он видел внутри внизу и впереди островков и железы. Видел то, что, насколько он знал, должно быть другого размера — щупальца, не только тлеющее из долей подковы, которые он и передняя переключатель считали его разломанным обонянием, но также отбрасывающие к этим затененным золотым розовым потокам движения как передачи.

Волны.

Которые, как он видел, делали то, что было вовсе не потоком, а множеством отдельных тел радужного красного, которые были даже больше потоком сквозь теневые провалы золота между. И каждое тело сейчас поворачивалось, но в меньшем размере и изогнутое, как единая мышца, сама по себе обрезанная до невесомого пространства, пока со сладким жжением, что не причиняло боли Импу Плюсу, каждое тело, принимающее волны, не стало двумя телами более густого, но бледного оттенка, но вскоре их оказалось трудно видеть, и они вернулись, как другие тела того разбавленного красного.

Свет накопился. Но там было больше и больше.

И словно бы он услышал Землю до того, как Земля сказала, он услышал: КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ ВАМ ТАМ ДОСТАТОЧНО ХОЛОДНО ИМП ПЛЮС?

Вновь пришло касание. То был спазм, укол сухости в его язык, и с ним — нужда перевести глаза, которых у него не было, из стороны в сторону и обратно, и так далее. И он перевел.

Но затем Импу Плюс устремил свой взгляд на тела и их поток, и на радужный диапазон, укрывший поверхность, как тень золота, и ему удалось остановить быстрое движение глаз, вызванное касанием. Но тел было так много, что его внимание вновь привлекла губа расщелины. Однако не только телами и неприятной силой, уколом принудившей его к движениям, каких, он знал, он не мог сделать сам, и не медленными словами Слабого Эха (которые Импу Плюс придержал для себя) СПАТЬ, СПАТЬ, ЛЕГКИЙ СОН ПРЕДШЕСТВУЕТ ГЛУБОКОМУ СНУ. ХОЛОД НАСТАНЕТ С ЦИКЛОМ ТЕМНОТЫ. Нет, губа расщелины вновь привлекла его внимание желанием иметь если не те глаза, что он утратил, то руку.

Хотя и не ту руку, на которую он смотрел — в последний раз, последний взгляд, поскольку та рука была утрачена на Земле. Нет, другую руку, о которой он мог лишь думать в долгий миг, когда шприц медсестры вошел ему в предплечье

у сгиба, разогнутого, чтобы его принять, и он отвернулся от точки к ладони с ее пергаментным глянец перекрестий и пальцев, загибающихся крупнее и крупнее, чем дальше они утопали за пределы. И он пытался удержать глаза, но не мог.

Но сейчас не было таких глаз. И он мог оттолкнуть колющее касание тем, что хотел этого. Или взглянув вниз на пуговичный блеск серого у губы его расщелины в префронтальной коре.

Видеть в то же время, как волны с Земли на своем пути входят в ту сияющую серым кристальную точку.

Потом он понял, что это было. То была другая щепка, вживленная сюда для касания к Имп Плюсу. Чтобы Земля к нему прикасалась. Волны остановились. Но серый кристалл теперь шевелился над расширяющейся выпуклостью.

Имп Плюс ожидал, не зная, как долго, а затем впал в быстрый сон, чтобы посмотреть, может ли он сделать это без побуждения электродом. Но он не мог припомнить, чем это было раньше, поскольку сейчас не мог перенести одну целую плоть и клин своего наблюдения отсюда туда, не замечая того, что он уже там, ждет себя. И все же, как его осенило, он подумал, что стал еще на один сдвиг другим. Он был постоянно не одинаковым; или если не он сам, то что было его мозгом.

Слабое Эхо, на которое Имп Плюс не мог взглянуть свысока, а мог лишь искать. Но больше.

Поскольку Имп Плюс ощущал где-то рядом с собой отверстие, как рост, излучающийся наружу. Он раньше удерживал его для себя, не давая ему выйти слишком далеко наружу.

У Имп Плюса были слова Слабого Эха, спящего или полубодряствующего, как накопленная работа Солнечной руки в мембранах.

Слова были: «Ладно, оптимальное тепло. Солнечный поток держится. Глюкоза стабильна. Глюкоза прекрасна. Холод настанет с циклом темноты. Спать». Имп Плюс не дал словам уйти на Землю.

Поэтому холод не настал.

Однако Слабое Эхо, которое, когда настал цикл темноты, одобрило приказ СПАТЬ, сейчас, кажется, не ведало, что настал цикл темноты. Имп Плюс попытался ответить. Слабое Эхо не знало о наступлении цикла темноты, потому что Слабое Эхо спало.

Потоки тоже не знали. Если там было что знать. Имп Плюс видел столько, сколько хотел или ожидал, хоть и не так мало. Он занимался сквозь цвета золотой тени делами тел внутри тел. Кожицы бóльших были экранами. Они пульсировали так ясно, что Имп Плюс вспомнил дыхание.

Они были мембранами, гнувшимися внутрь и наружу. Экранами, сквозь которые протискивались меньшие тела. Протискивались там, где не было дыр, пока их не увидел Имп Плюс. И тела эти для того, чтобы протиснуться, увеличивались, а не уменьшались.

Он видел, как тело, подобно космическому кораблю, кривобоко отскакивало от экрана и не проходило насквозь. Затем оно обнаружило и зацепилось, и удержалось тем, что стало носителем. Потом к нему присоединилось еще что-то. Оно едва было там. И не на или в, а вне. То была оторванная функция. Оторванная от очень маленького засасывания, накачивающего наклон, градиент, и он знал насос, но не мог его видеть, разве что в его идее по всей пульсирующей мембране. Тело, обхваченное пассивным носителем, и с присоединенным куском знакомого насоса смогло, значит, проскользнуть в кожу. Затем, попав внутрь, вспыхнуло и разъединилось. Будь двумя. И угасло до света, который был самим Имп Плюсом. И дышал сквозь и обратно сквозь снежные клеевые клетки и клетки, что искрились, и дальше длилось расщепление этих пылающих клеток на клетки, которые не стреляли, и это казалось вначале, но росли и затем делились, избегая попаданий дышащего тления тех других делений внутри мембран. А что касается тех — тела, носителя, куска насоса, их прохождения сквозь кожу и их объединенного

деления, — он думал, что знает то, что видит. Или чуял, или помнил запах. И, думая, будто видит происходящее с глюкозой, хоть и не знал клетки, которые не стреляли, он мог на миг заглянуть в само затухание. И то, что он видел, было большей частью дуги или арки.

Медленные сахара лили с нее. Их величественный мягкий свет очерчивался темнотой цикла. Некоторые из этих стреляющих клеток расщепились на клетки, которые не стреляли, а делились — что казалось обратным. ИмП Плюс быстро развернул свой взгляд туда и сюда, повернулся куда-то еще, чтобы подумать: подумать, что, если Слабое Эхо ошибается насчет темноты, возможно, неправо оно и насчет холода. ИмП Плюс не знал холод. Он хотел, чтобы Слабое Эхо рассказало, где его найти.

Центр заговорил вновь, и так, словно бы Земля отвернулась от Солнца, расстояние стало больше: КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ ОТВЕЬТЕ ЕСЛИ МОЖЕТЕ. ИМП ПЛЮС ВЫ УЖЕ В ЦИКЛЕ ТЕМНОТЫ НО МЫ СЛЫШИМ ЧТО ТЕМПЕРАТУРА СТАБИЛЬНА ЛИШЬ НА ЧЕТЫРЕ ГРАДУСА НИЖЕ ДНЕВНОЙ.

Имп Плюс придержал ответные слова Слабого Эха и не дал им уйти: холод настанет с циклом темноты.

ИМП ПЛЮС МЫ СЛЫШИМ НЕТ СНИЖЕНИЯ ЭНЕРГИИ НАКОПЛЕННОЙ В АККУМУЛЯТОРЕ. МЫ СЛЫШИМ О ВЫСОКОЙ АКТИВНОСТИ КОРЫ, ВЫГЛЯДИТ КАК ФАЗА БЫСТРОГО СНА ВО ВСЕХ НАБЛЮДАЕМЫХ НАМИ ЗОНАХ. НО ЭТО СТАДИЯ ЛЕГКОГО СНА ИМП ПЛЮС СЛИШКОМ РАНО ДЛЯ ФАЗЫ БЫСТРОГО СНА.

Имп Плюс зацепился за медленные ответные слова Слабого Эха и не дал им удалиться: холод настанет с темным циклом. Некрепкий сон предшествует фазе быстрого сна. Спать.

ВЫ СПИТЕ ИЛИ НЕТ, ИМП ПЛЮС. НЕ НАРУШАЙТЕ ЦИКЛ СНА, НО ЕСЛИ МОЖЕТЕ ОТВЕЬТЕ.

Имп Плюс не знал аккумулятор; но он не знал также и энергия. Однако она была в нем. При последних словах со-

общения стала на самом деле видна огромная дуга, которая была лишь частью дуги: бесчисленные дуги, каждая со своим направленным дождем сахаров. Знал ли он, как ему прежде удавалось удерживать Слабое Эхо от ответов Земле? Имп Плюс видел, что эти маленькие дуги были тем, что он видел ранее: у каждой был свой центр и спицы: однако спицы излучались не из каждого центра, а самой дуги, очерченной темным, словно каждая дуга могла являться центром местоположения в форме изогнутой линии.

Видя эти многие части дуг, также многих, он чуял сладкое жжение своей собственной боли — и соскользнул вниз по одному огромному циклу из бесчисленных малых, и увидел, что у него и те, и другие.

Тот, который огромный, был также всего лишь частью, не более целой, чем вытянутая окружность его желания, обходящая с носовой и кормовой перекаладиной каверномера, не встречаясь. Хотя, смыкаясь, возможно, ближе, чем концы этой одной огромной дуги. Множество образовывало одну. Одну огромную. Но также часть. Потому еще более огромную. Однако сделанную из горящих бесчисленных малых. Сделанную — он не мог этого сказать — он был в дымке золотой тени — ошеломляющими спектрами бесчисленных целых новых цветов, что как множество малых дуг, и золотой тенью, где они укрывались, была та самая огромная дуга — сделанная — он не мог сказать этого — не только потому, что это было не только им (он сказал), а тем, что ему было уже дано, накопленной золотой кровью из опоздавшей руки Солнца: но затем еще и сама для него, и здесь он заметил, что его сомнение раньше было золотым, он чувствовали его как накопленную плоть; и, не зная, как захотеть, чтобы Слабое Эхо не отвечало Центру, он получил свое желание. Которое было частью.

Частью, которую он должен постепенно узнать.

Его интересовало, что же это будет.

Слабое Эхо, которое не было таким уж и слабым, произнесло: «Холод настанет».

Но что такое *настанет*? Возможно, он когда-то знал.

Имп Плюс хотел бы спросить у Слабого Эха.

Как долго оно спало? Оно спало, когда сказало: «Холод настанет».

Настанет было *наставать*, но не сейчас. *Настанет* потом.

Сейчас было любой точкой золотисто-розовых скольжений сахара. *Сейчас* было серым сиянием головки щепки здесь в расщелине, одной из многих, на каких сосредоточился Имп Плюс.

Он сосредоточился на головке щепки, а потом увидел, что последнее сообщение с Земли утонуло в ночи, и прежде он чувствовал старое сладкое разрывающее жжение боли, а теперь его не было.

То было *потом*. Как обвал-обрушение жжения, что на время прекратилось или сейчас превратилось в ночную работу накопленного Солнечного света. Но не как сахара, что проскальзывали мимо него по одному из темных циклов; поскольку хотя это было и тогда тоже, сахара скользили и сейчас, они не были другими, хотя то, что он делал — если хоть что-то делал, — было другим: вот что он сделал тогда, когда сахара соскальзывали вниз цикла темноты, — он воздел руки, которых не было, и прижался к ясно изогнутому черепу, которого не было, пока тот не снялся.

Центр вновь его преследовал, но он должен быть здесь сейчас, и он вновь посмотрел на эту преоторную расщелину. Выпуклость на ее крае теперь стала больше. Расщелина и сама расширилась. Значит, *здесь* и *сейчас* — теперь не одно и то же.

Ему не на чем было стоять; выпуклость, на которой он находился, была им. Выпуклость была на крае расщелины, расщелина — в складке, складка была более открыта, а когда бы она открылась полностью, не была бы складкой. Он не мог не хотеть этого, но с каждым раскладыванием складка исчезала.

Центр знал, что капсула не настолько холодна, как ожидалось, и что не было спада энергии, накопленной в аккумуляторе, но Центр не знал другого. Имп Плюс мог удерживать ответы, чтобы не поступали в Центр, но не мог удержать женщину на морском берегу. Но не совсем так: он имел ввиду наоборот, что не мог удержать женщину на морском берегу от прихода по оси расстояния; не мог помочь ей не развернуть его, однако этого он раньше и хотел.

И всегда знал, что ось расстояния настанет.

Всегда было тогда. Однако и теперь тоже.

Хотя не прямо здесь, хоть он и был тут. Ночь ощущалась как множество ночей — ночами ночей. Ночь разделялась и длилась.

Он что-то не мог вытерпеть. Другую боль. Эта боль не была обвалом, или расщеплением роста, не была она и осью расстояния. Но ось расстояния была одной вращавшейся спицей ее. Новая боль была такой же маленькой, как тишина, но сейчас, как он видел, такой же большой — безмолвным промежутком, брешью сокрушения. Но еще больше: брешью вообще, но золотой и многоцветной.

Брешь, которую он обнаружил тогда, который заполнил: глядя со всех ночных дуг сахара в крови, чью идею он чуял; и глядя и тужась от них за одну огромную дугу-часть с ее кружащими падениями; уставившись неравномерно туда, откуда все эти круженья. Он чувствовал то, что видел — это было оно? Он обнаружил, что и смотрел со всех неравномерных расстояний своих мембран, и одновременно ожидал получить свое зрение. Оно — это оно? — ожидало само себя прежде, чем сюда попало: он был тем, что видел: так поэтому ли мог брать взгляды по нивелиру от лучей неравных расстояний мембран-конечностей и получать сборное вступление взгляда и (постояй) будучи тем, что он видел, и устремить свой взгляд в точку настолько малую, как (постояй) головка нерва, настолько малую как насос, оторванный самим взором от действия

своего засасывания в бесконечно малую функцию: и сквозь нее, в свою очередь, видеть также большую, потому что она оставалась невидимой внутри его видения, идеи увеличения. Видеть больше, чем большое — намного большее, чем расширяющийся крупномасштабный взор, который он ощущал даже в те мгновения, когда видел микро-мелкое.

Возможно, ему становилось теплее, но его взгляд или желание повернулось до того, как стало достаточно далеко.

Поскольку Центр спрашивал, спит ли Имп Плюс, и спрашивал опять, словно ребенок, пытающийся разбудить взрослого. Спрашивал, показывает ли датчик Имп Плюса снижение температуры, запрашивал температуру, но спрашивал так, что Имп Плюсу отчасти казалось, что он теперь припоминает. Или чувствует: поскольку разделяло его именно нездоровое желание; поскольку Центр сказал, что Имп Плюс может взять эти данные у себя во сне, и похрустывание, которое Имп Плюс думал, что узнал, в переданных словах было въедливым смехом снова: не влага, что некогда текла из голых глаз женщины в Калифорнии — нет, похрустывающая влага сейчас из Центра была тем, что Имп Плюс прежде чуял в большой зеленой комнате, когда Хороший Голос ответил Въедливому Голосу, и дал Имп Плюсу отгул в последние выходные, «провести вне банки для золотой рыбки», — сказал Хороший Голос; «не забудь про все сверхурочные впереди, изо дня в день, ловя Солнце. Небольшое личное восстановление необходимо». Поскольку Въедливый Голос сперва сказал, а вдруг Имп Плюс передумает, и теперь в ответ Хорошему Голосу Въедливый Голос сказал тогда, как слабое отражение: «Восстановление», — и дым вышел изо рта и носа. Поэтому теперь Имп Плюс ощущал Въедливое похрустывание, когда Центр сказал, что Имп Плюс мог замерять температуру даже во сне.

Тепло или холодно, вот что сообщали показатели. Но не было ли спада температуры как не было и спада заряда энергии в аккумуляторе?

Кап Ком сказал, что капсула не может быть настолько теплой, как показывает датчик Центра. Тепло, как думал Имп Плюс, было Солнцем. Так тогда сказала женщина на Калифорнийском побережье, когда поднялась из воды. Но Солнца сейчас здесь не было. Как не было и Центра.

Солнце приходило и уходило.

Но Центр всегда там был.

Солнце могло быть там, где был Центр, но не всегда. Было что-то большее, и Имп Плюс думал, что Слабое Эхо знает. Но Слабое Эхо спало.

Не Центр. Его сообщения продолжали поступать на частоте. Частота не могла быть волнами, направленными в щепки, что плавали, поскольку щепки сейчас не были вживленными в Имп Плюса.

ИМП ПЛЮС ИМП ПЛЮС КАК СЛЫШИТЕ КАК СЛЫШИТЕ?

Он не мог прервать получение, но не обязательно было отвечать.

КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ МЫ СЛЫШИМ МАКСИМАЛЬНЫЙ ЗАРЯД АККУМУЛЯТОРА. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ? ВЫ ЭКОНОМИТЕ ЭНЕРГИЮ?

Он думал, что ответит Центру. Но смог лишь искать эту другую боль, что предлагала. Поэтому он склонялся и дальше, чтобы проникнуть туда, откуда выкатывались все дуги потока. Для этого он должен растянуться через что-то внутри себя. Расстояние.

Однако он не видел расстояние, пока не растянулся. Мозг с его разбросанными центрами, казалось, нашел энергию рассеяться еще больше. Ему не стало лучше от расстояния внутри. Охваченное им расстояние продолжало разворачиваться в то, что, по его ощущению, было мозгом. Он защищался от расстояния; но расстояния не было больше — не там, — если только он не потянулся от боли.

Значит этим расщеплением он подумал себя надвое, подумал о том, как слово Центра СПАТЬ похоже на линию вдоль

середины, и пытался увидеть, на одной ли стороне Слабое Эхо. Чем больше он растягивался, тем больше охватывал, но, охватывая, он не был на двух сторонах наклона, над которым упорствовал быть, он был на многих. Когда он растянулся слишком далеко, он припомнил ноги. И когда припомнил — упал, и его обожгло на расстоянии той глубокой железой, что некогда сворачивала и разворачивала свое пламя. Железа была под телами или островками. Но, казалось, обогащала их и питала энергией, заполняя пространства между ними. Однако он не видел энергию теперь беспламенной железой, поскольку, тяясь к нему в его охватывающее падение, она поймала его в перевернутую вилку обнаженного его самого. Затем его растяжение рухнуло в себя, а с ним и расстояние, какое оно склонилось пересечь. Но при этом, а также думая сделать обратное и открыться, и протянуться вновь, он знал, что приблизил железу к себе.

Требованием времени.

И он знал, что прохладная мокрая женщина, поднимавшаяся вдоль его согретых Солнцем ног, была частью отгула, хоть она и не знала, что нашла на нем далеко не только Калифорнийское Солнце.

Поскольку яркий блеск где-то в дюне был больше, чем одним; его было два. И каждая линза темных очков наблюдателя в дюнах отражала больше, чем Солнце, и женщину, и Имп Плюса, каким он был: они отражали также большую зеленую комнату проекта и тень, отлитую по Имп Плюсу в те последние выходные, чтобы не дать ему то, что он хотел, — побыть одному.

Они ему тогда не доверяли.

Быть снаружи.

Боль, которая была не расщеплением и не простой осью расстояния, снова предложила себя.

Имп Плюс растянулся, чтобы встретить через пустоту.

Подобно доверию, то была пустота, какой он сопротивлялся, но привел к созданию.

Вдоль ее новых краев катились дуги-потоки. Он пока не мог следовать за ними туда, где они начинались, но должен посмотреть, чтобы пустота создалась просто потому, что он пошел против нее. Зная это, он не упал, в этот раз.

Снова, железа снизу опалила ему какую-то нижнюю часть.

Какую нижнюю часть? В ответ он вспомнил о замечательной чаше желания его самого. Она однажды была серединной точкой — теперь не больше серединой, чем точкой. Но все еще желания.

Что-то сделать.

Что и оказалось: сначала думать, чего оно некогда хотело и делало в то же самое время, когда было серединной грядкой тела.

Тело, по которому под Солнцем взбиралась женщина. Неся с собой всю соль моря. Замереть на той серединной части его на какое-то время: время, что, как эта ночь, все делилось и делилось на свое собственное измерение ее: ее покоя. Стало быть, время так запущенное блеском наблюдателя в дюнах, что, смотря вниз через оптическое перекрестье и сквозь нижние островки, поименованные Слабым Эхом, и теперь, позади лучистой железы, чья сила стреляла в него, к скошенному назад шву, вдоль которого поле клеток сияло желто-пропитанным, словно благодаря чему-то еще, Имп Плюс ощущал, как ее покой воздействует на него, и склонялся к мысли, что он спроецировал тот желтый своим зрением, и склонялся к тому, чтобы обнаружить свое зрение лишь как отражение теплой силы железы.

Но думал так из-за женщины. Потому что то, что она давала, — время, которое она давала, — что отбросило в сияющую дюну тень проекта на много световых лет, — заставило тогда его задуматься, что его желание — полностью ее.

Что было не так. Поскольку, как Солнце, полученное ей от его тела, желание, которое очки в дюнах вспышкой в нем зафиксировали, пришло издалека за теми очками. Оно

пришло от громового удара, прощупывающего бытующее в серединной части его тела в большой зеленой комнате, где он просил об отгуле. Прощупывая бытующие тем словом *восстановление* — как бы подготовка для человека, которому они не доверяли.

Где был Кап Ком?

В то же время слово *восстановление*, поступившее от Въедливого Голоса, лишь отражалось от Хорошего Голоса. Хотя еще раньше был именно Въедливый Голос: говоря: «Ты ведь не хочешь длиться вечно».

Говоря с нездоровым желанием.

Тогда как Хороший Голос, всегда такой уверенный, всегда по делу: Сверхурочные изо дня в день, ловить и доить Солнце. Это был проект. Захват.

При цикле темноты Имп Плюс припомнил силу Солнца и то, что он знал перед запуском.

Сейчас его стало больше, чем при запуске: его стало больше, чтобы вспоминать: однако помнил ли он сейчас меньше?

Но другими словами.

Проект был Солнце. Здесь было то, чего он искал, когда вмешался Центр: он искал, откуда выкатились все эти дуги деловитых люменов.

Центр говорил. Центр говорил. Считалось, что Имп Плюс частично бодрствует. Имп Плюса спрашивали, может ли он в этой бреши датчика углеродной реакции ощущать высокое поступление из каналов водорослей, поскольку была ничтожная вероятность попадания в систему Имп Плюса неочищенного азота из растений, поэтому Имп Плюс мог ощущать то, что ныряльщики называют глубинное опьянение.

Имп Плюс не отвечал и не чувствовал никакого движения в Слабом Эхе, чтобы ответить.

Центр спрашивал, не отвечал ли Имп Плюс, чтобы сбросить энергию; Центр сказал, что пробуждение и глубокий сон невозможны в одно и то же время, однако Центр слышал

быстрые волны низкого напряжения, которые пробуждались, и в то же время слышал залпы шипов высокого напряжения и эквивалентов фазы быстрого сна, что означало глубокий сон; и Центр, в странных, терпеливых подробностях подчеркнул, что аккумулятор, накапливающий электрическую энергию из элементов солнечных установок, продолжал работу на максимуме, но этого не могло быть, сказал Центр.

Имп Плюс не ответил.

ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ НАС, ИМП ПЛЮС? ЕСЛИ ПОЛУЧАЕТЕ, ВЫ ДОЛЖНЫ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЭНЕРГИЮ.

В темноте Имп Плюс видел лопасти, вращающие ветер, превращающие ветер в силу. Вот и все.

Но нет, там было отличие: между тем, что он видел, когда смотрел на части дуг, закливающих свет мозговой суши, и тем, что видел, когда видел огромные решетчатые панели, перемалывающие ветер снаружи в черную сушу космоса. Поскольку ветра не было. Там, где панели перемалывали солнечный ветер, не было воздуха.

И тут их не было, хотя они были частью Имп Плюса.

Они были не внутри мозга. Но не были они и внутри капсулы, чьи переборки находились снаружи мозга, или того, что он считал мозгом. Панели, принимающие солнечный ветер, который был не ветром, а дождем из лучей, принадлежали капсуле, но не в ней, и он лишь думал, что их видит.

Центр был снаружи капсулы, но он производил звуки, которые Имп Плюс получал внутри. Вот и все. Продолговатые клетки на панелях улавливали Центр и передавали Центр снаружи внутрь. Продолговатые клетки на панелях могли и не быть клетками Имп Плюса, но они были частью того, частью чего был и он сам.

Клетки были капсулы, но снаружи.

Продолговатые клетки, которые он видел, решетки клеток, панели решеток клеток, он припоминал картинки или другие модели других кораблей, возможно, не ИМП с лопастями

ветряных мельниц, несших на себе панели решеток клеток; но видел ли он их на самом деле? Он слышал их в смешанных голосах, Въедливого, Хорошего и другого.

Вообще-то он не видел клеток, потому что они были снаружи, а он был всегда внутри. Хотя на Земле, он однажды был снаружи их, и там были панели клеток, но без ветряной мельницы, мельница была в его голове, а проектный голос, ни Въедливый, ни Хороший, говорил тогда в голову, которой у Имп Плюса не было. Клетки получали Солнце и давали капсуле энергию принимать Центр.

Но сейчас была ночь — ночь ночей, разделяющая себя, однако повертывающаяся к концу. Снаружи не было Солнца, разве что очень далеко снаружи: вокруг изгиба, наподобие оси расстояния, но больше: поскольку кривизна эта двигалась.

Что значило, как он видел, что то Солнце, какое было здесь из солнечных элементов-клеток, накопилось тогда, когда здесь было Солнце. Накопилось как энергия.

С восторгом Хороший Голос сказал: «Солнце бьет в установки; оно не может сбежать. Мы его поймали».

Но было ли это попавшее в ловушку Солнце той же рукой Солнца, обнаруженной Имп Плюсом внутри себя?

Въедливый Голос примешал много других слов, но сказал то, что Имп Плюс сейчас мог лишь видеть: дождь безвоздушного ветра высекал свет сквозь ячейку, содранной с кожи Земли; каждая капля света выбивала частицу из того, что ударял свет, затем каждая крупинка отправлялась к дыре, но ее вынуждали направиться в ожидающий стебель. Он думал, что сам разделен между тем, что видел, и тем, что однажды всего лишь думал. Он видел, как некоторые крупинки соскальзывают в космос, подобно космическим кораблям, чей повторный подход под неверным углом не настолько неверен, чтобы врѣзаться в атмосферу Земли. Он видел, как свет превращался в движущиеся крупинки. Но тоже превращался в свет.

Да: свет превращался в свет. Происходило не то, что раньше говорил кто-то Вьедливый или Хороший, и потому Имп Плюс излучал волны сомнения, что поступали вдоль оси расстояния. Но излучал их из себя, сквозь и для себя. Он видел, что этот свет, подыспользованный или остановленный, превращался просто в движение: но сомневайся или нет, свет, ударявший в панели решетчатых клеток, превращался в свет. Имп Плюс пересек поле того, что считал своим мозгом, желая некоего вида, который, как он видел, был истинным. Не столько сам вид света, как что-то о нем. Но каждый оборот, вдоль которого он склонялся в поисках опоры для того, что он думал, проваливалось во внезапные дыры: он мог преследовать над внутренней кожицей века предел, который, как он знал, там лишь для того, чтобы получить свежую брешь; или склонялся отвесно в каждую подчиненную пустоту дыры, чтобы обнаружить потом, что ее нет — и нет с такой скоростью света, которую он видел вместо нее, когда думал сетевой решеткой вполне без скорости. Или за скоростью, так что решетка всегда выгибалась от предела. Постоянно сгибалась назад к тому, что он, возможно, считал собой, если только эта глубокая субстанция не была уже им повсюду во всех своих сетках и частицах. Его мысль склонилась за собой, но он увернулся. Не как ускользнула многопальцевая рука Солнца, поскольку то, что она оставляла, она оставила, и эти люмены — падать, течь, проходить, как и положено — по-прежнему оставались на месте. Ускользнуло лишь его движение себя. Потому самый мозг, если он все еще был мозгом, соскользнул по своим трактам грядок — или, если бы он мог зафиксироваться в одной точке, казалось, соскользнул и распределил свои тракты грядок — и лучистые слои измазанного искрами клеевого поля и янтарного склонения от себя и к какой-то цели, какую могло выслать вперед их близящееся присутствие.

Он стоял в одной точке.

И не гнался за тем, почему свет превратился в свет.

Поскольку Имп Плюса осенило, что до опоры рукой подать так, что нигде больше ее не было, а он уже был здесь раньше; или видел эти крупинки или доли, выбитые из клеток каплями света, потому что уже видел, что в его собственных клетках отсутствуют части или частицы, которые, когда бреши, возникшие в результате, нагоняли их, выглядели точно так же, как эти частицы или крупинки, хотя эти были выбиты каплями Солнца, а те другие в нем самом изгонялись излучением, которое, чего Центр не мог понять, было здесь повсюду, и поэтому не было никакой нужды на него охотиться.

Он не мог удержать загорелую женщину. Она исчезала в оглядывающих очках наблюдателя в дюнах, но еще и во всех загорелых территориях Земли со вживленными полями отражателей, преподносящими Солнце. Больше и больше отражателей, вычитающих территорию, так что будущее вмещало меньше и меньше личностей.

Пробавляющихся.

Но поля отражателей с их состязающимися черными телами ловили Солнце настолько медленно, что Хороший Голос вклинился с проектом между этими полями.

Последние «Аполлоны» давно уже покинули пляжи Луны.

Куда отправиться?

Залюднить Луну.

Только через мой труп, сказал Хороший Голос.

Въедливый Голос кашлял и кашлял, но ничего подобного не желал.

Солнце — вот что главное, всегда повторял Хороший Голос.

Прекрасной живой коровой с мощным зарядом, сказали Хороший Голос и Въедливый Голос, когда Имп Плюс притянул их слова воедино. Дои его, сказал один. Накорми его, сказал другой; и въедливый смех слился с нездоровым желанием, и Имп Плюс увидел, что нездоровое желание не было против него.

Видел тогда?

Увидел сейчас.

Но если они его не подоят, сказал Хороший Голос, откуда тогда поступит молоко? Из полей? Сияющих песков? Овалов, нарисованных умами на зеленой доске мелом?

Имп Плюс не знал ум. Но сейчас долгой ночью, чья долгота заключала в себе все остальные ночи, проведенные в космосе со Слабым Эхом, он знал ответ Въедливого Голоса: Дайте Солнцу ничтожный шанс.

Залюднить Солнце, сказал Хороший Голос.

Нет, закашлялся Въедливый Голос, просто пусть Солнце нам покажет.

Пусть оно нас поддержит, сказал Хороший Голос. Сделайте азотофиксацию в грядках, осадите на него солнечный ветер, приведите углерод в высокоэнергетическое реактивное состояние.

Пусть Солнце, сказал Въедливый Голос, измыслит систему жизнеобеспечения.

Время людских полетов вышло, сказал Хороший Голос.

Но куда вышло? думал сейчас Имп Плюс, желая увидеть: что он тотчас же и увидел: круг микронасосов, ставших одним прогоном, направляли себя туда, где было сердце, качавшее его ясную жизненную влагу.

Куда вышло? поступил его собственный вопрос — и неудавшийся прогон, вернувшийся в круги и круги крохотных насосов, начало которых он думал найти.

Куда вышло?

Поскольку чем же Имп Плюс был в конечном счете, если не нездоровым телом над нездоровым желанием? Стало быть разделенным, но на что? Разделенным на орбиты.

Он обогнал себя, но боялся, что остановился. И мысль о свете, чтобы догнать которую, он склонился в неизвестные наклонности, теперь свернулась и распростерлась от него прочь во все стороны, вот только он видел, что ею был. Его

осенило идеей, что сейчас на одну мысль приходится меньше оборота, но эта идея не изменила то, на что он смотрел.

Что должен был Имп Плюс совершить среди этих орбит?

Прослушивать радиосигналы, которые также слушала Земля. Получать сколько-то Солнца. Быть невесомым. Провисеть. Путешествовать по свету налегке. Он подобрал то, что можно видеть, и увидел крупное и малое, но он не мог иметь меньше, чем эта энергия, и какая в этом польза?

Женщина сказала тогда: «Путешествую по свету налегке», — но то не было Операцией ПС. Ее желания не касались Операции ПС.

А его?

От него ожидали лишь реакции. Как водоросли.

Но не совсем как водоросли, поскольку у водорослей не было Концентрационной Цепи, через которую говорить.

Это все для тебя, сказал Хороший Голос.

В темной капсуле были и другие проверки. Что было полусферическим на плаву?

Имп Плюс думал о том, как использовать Концентрационную Цепь, и думал, что, возможно, уже больше не знает.

Передачи с Земли удалились.

А тут было меньше движения на мысль; пусть Земля обернется на другую сторону, когда будет готова.

Все для тебя, сказал Хороший Голос.

Но все — что?

Смотри, сказал Въедливый Голос в другой комнате, это водоросли и другие опытные грядки — вот что это, — и ты им не нужен, они нужны тебе. Можешь стать зеленым, как брокколи.

Как пучок шпината. Скорее всего скрутиться в какую-то субстанцию, какую-то нечеловеческую субстанцию.

Концентрационная Цепь, с которой Въедливый Голос ознакомил Имп Плюса, должна стать его второй натурой; но была она для Земли: чтобы передавать реакции Имп Плюса частотными импульсами обратно на Землю.

Вот все, что ты от нее получишь, чисто и просто, сказал тогда голос, и Имп Плюс сопротивлялся той улыбке, поступившей с голосом, потому что он терпеть его не мог. Он тогда предвидел себя одиноким. Вот в чем дело.

Там в меньшей зеленой комнате и предстоящей капсуле, он предвидел себя одиноким. Поскольку голос, сказавший: «Вот все, что ты от нее получишь», — был Въедливым Голосом, который позже скажет: «Ты не можешь длиться вечно», — и Имп Плюс увидел лишь теперь, вращаясь на орбите в ночи, что повернулся к двери в большую зеленую комнату, где Хороший Голос строил планы — но Имп Плюс не прошел в ту дверь.

А Имп Плюс тогда знал кое-что кроме слов «Я нездоров», выкашлянных в ответ Въедливому Голосу. Он знал, что Въедливый Голос более одинок, чем Хороший, и сам сделал себя таким.

И это еще больше взбесило Имп Плюса, чем прощальная реплика Въедливого Голоса: о том, что Имп Плюс, возможно, найдет способ использования Концентрационной Цепи для общения с собой.

Желание показать им росло в Имп Плюсе, словно плавающая субстанция, которая, как он сейчас видел, как раз была тем, что он и желал показать. В отдаленных мембранах слои света были ниже, но распростерлись. Он хотел сказать то, что, как он думал, происходило всю ночь. Но он мог этого и не увидеть, пока не попытался бы сказать. Он хотел, чтобы у него было то, что было у Слабого Эха.

Он бы лучше рассказал, где было Слабое Эхо, когда Слабое Эхо перестало спать. Он думал, что, когда придет время, Центр притянет слово СПАТЬ, поскольку Имп Плюс однажды ощущал это как линию вдоль середины и видел, что по-прежнему не перестал это ощущать.

Но не хотел делать ничего наполовину.

И не видел половин, когда смотрел. Однако вообще не

видел Слабое Эхо. Однако на всю другую ночь видел, что некогда здесь не было никакого Слабого Эха.

Ночь с женщиной у мексиканского костра.

Не с той женщиной у Калифорнийского моря.

Той бледной на ночном плато.

Переспал с ней. Он сказал СПАТЬ. Что он имел в виду — мог бы спросить у Слабого Эха, но Слабого Эха там у костра не было, и именно Имп Плюс сказал прежде женщине, когда они вернулись из темноты, и он сел, согревая ногу, которая болела, и убирая прочь от ноги что-то болезненное, пока этого не захотела сделать женщина, и то, что она убрала со ступни были вовсе не пальцы, потому что пальцы были в том, что он ей рассказывал, пальцы тогда были его, но заячеенные и запутанные ребенком, которого не было там с ними в мексиканской ночи, и кто заставил его попытаться шевельнуть пальцем, на который она указала, и он шевельнул, но не тем, — и после того, как он рассказал об этом бледной женщине, он тогда произнес слова, от которых она рассмеялась, и она сказала, что почувствовала себя новоиспеченной вдовой, готовой начать все заново. Он сказал слова: «Переспи со мной».

Но он не мог вспомнить, что это раньше значило, если оно тогда подразумевало СПАТЬ.

Он тогда был очень близко к ней на земле у красок костра, и его желтые ботинки были подле ее темных волос. Были сдвиги субстанции.

Люмены дуг глюкозы распростерлись в ночи и выглядели бы ниже, как уровни света вдоль отдаленных мембран, но, более чем ниже, они были распростертыми. Но затем Имп Плюс понял.

Его свечения сейчас могли быть ниже, потому что им отвечали.

Но передача повсюду была не на частоте. Она была слишком медленной или слишком быстрой, чтобы ускоряться. Она

приходила больше, чем из ее собственных мест, и сперва она была иной темнотой, но была она больше чем-то вроде перемены, и не это делал сам Имп Плюс, но оно навещало и оставалось с субстанцией того, что сделано, и разделяло это не на два, а на все утра, что раньше знал Имп Плюс.

То было Солнце, и первая далекая мысль о дыхании Солнца.

Солнце возвращалось.

И Имп Плюс возвращался к Солнцу.

Это был его поступок? Он покажет Въедливому Голосу.

Он увидел, как тут же глубокая железа вспыхнула, и вдоль шва, скошенного вниз позади железы, пропитанное желтым поле клеток угасло. И за ним и глубоко под железой краткие отсеки полосы показались сквозь пропасть, через которую однажды проходила одна из перекладин его желаний. И, глядя сквозь расселину на эти отсеки полосы, — они были трубками, — он понял, что трубки не были им, а шли из него; и были той же самой системой трубок, какую он уже видел идущей к водорослям; понял, что, если водоросли, и анабена, и другие опытные грядки не имели Концентрационной Цепи для переговоров, у них были цепи к Имп Плюсу.

Он мог наблюдать сквозь расселину и все же, словно дыхание со всех сторон, ощущать, как волны субстанции проходят сквозь него, что также было припоминанием того, что происходило раньше в ночи.

Бросив взгляд на окно, которое, как он припоминал, могло думать само за себя, и где не было напечатано никакой решетки, поскольку никакой человек не станет здесь отображать через него положение, Имп Плюс едва ли мог сказать, что он видел в том, что когда-то видел как внешнее тело, растущее из того, что он считал своим мозгом.

Он хотел сказать.

Но не мог говорить с Центром, поскольку что бы Центр сделал? И ему нужно было получить что-то от Слабого Эха,

и он не собирался вливаться в Слабое Эхо во сне, чтобы получить, что бы там, как он обнаружил, он ни хотел.

Рассвет углубил цепи трубок. Там было то, что, уходя далеко назад к женщине на ночном плато или к его безумию и громоздящейся, выкручивающей головной боли при прощальных словах Вьедливого Голоса, было чудесным: дело в том, что потоки в трубках двигались в двух направлениях. Они питали его через опытные грядки. И также выходили из него.

И зная, что он почти что готов столкнуться с новым ростом, какой теперь следовало увидеть после этой ночи, которая иногда, казалось, заключает в себе много ночей, он был склоненным полем мчащихся независимых частей или зияний, желая сказать Вьедливому Голосу, что Солнце, несомненно, тоже выходило из него, из Имп Плюса, — так сильно желая, чтобы его отозвали от слов меньшей зеленой комнаты для того, чтобы он, возможно, отыскал способ использовать Концентрационную Цепь для общения с собой: но слова произнес не Вьедливый Голос; они были сказаны Имп Плюсом, а затем Вьедливый Голос тихо добавил: «Воля ваша», — точно так же менее года спустя он тихо отразил слово Хорошего Голоса *восстановление*.

Разрешение Хорошего Голоса прощупывало серединную грядку известного тела Имп Плюса, но, главным образом, через будущего наблюдателя в дюнах с его темными очками, отражавшими то, где один известный Имп Плюс встретил известную женщину с кожей, которая никогда не будет его, но, если он с достаточной силой захочет, может у него появиться.

Он ощущал, как в нем пробуждаются известные. Известные солнечные панели над известной потребностью энергии известного проекта.

Но известное, разделенное на известное, давало непредвиденный прирост.

Вызывала Земля, но Имп Плюс нащупывал пальцы Солнца, которые были и его пальцами тоже. Но не его старые, не те, что сошлись воедино из космоса, чтобы сделать пергаментный глянec перекрестий, поименованный ладонью его руки.

Новые пальцы Солнца и его самого. Тракты неизвестного начинались с лишения мозга.

Или что пришло к нему, как нездоровое тело над нездоровым желанием, известное над известным, о каком он думал, но не так: поскольку нездоровое желание была не просто в том, как Операция Проекта по солнечной энергетике «Путешествовать по свету налегке» раньше использовала его из доброты своего голоса — это нездоровое желание было и его тоже. Желание, чтобы весь этот дым впал обратно во Въедливый Голос, и тот им подавился, и только из-за того, что Въедливый Голос ему не улыбнулся, как Хороший Голос, к которому у Имп Плюса, должно быть, имелся другой и незнакомый огонь ненависти.

Желание уже встретило Солнце. Дуги люмена и люмен глюкозы выкатились не из Имп Плюса и не из Солнца, а из их смешения, что было глубже касания.

Возле переборки на плаву держалось смещенное полушарие. Когда он прежде увидел мерцание его сегмента в темной ночи капсулы, он припомнил картину Земли, и подумал, что видит то, о чем не думал раньше: полушарие ему не внимало.

Земля могла вызывать бесконечно.

Земля разбудила Слабое Эхо.

То, что сейчас видел Имп Плюс в свете зари, было больше, чем он видел раньше, и в спазме разворачивающейся преоторной расщелины он был рад, что Земля не знала.

Имп Плюс увидел себя.

Себя.

Он обнаружил это у себя на рту и в своем дыхании. Себя. Что-то в нем всем. Но сейчас он не был уверен. Он видел, что ощущал это себя в мозгу. Но где это сейчас? В слишком многих центрах.

И было сдвигание, как вычитание массы суши, так что два или больше морей, что прежде были разделены, слились вместе. Что произошло с этим себя?

Затем оно отвалилось во влажные мышцы света. Он видел их из этой расщелины-складки, которая была довольно сквозной. Видел с углами самой складки. Ее углы распростерлись, пока он ими смотрел.

Постой.

Он не стал.

То есть не стал бы. Если бы он не постоял, пошел бы он тогда?

Он был Имп Плюсом, и до Имп Плюса у него не было имени. Но он не был растением. По слову слепого продавца газет, который сказал, что не желал быть просто растением.

Имп Плюс давал свет, хотя и не был зарей. Его свет отвечал Солнцу и исходил от Солнца. Но больше, поскольку он направлялся и к Солнцу и был тем, что Имп Плюс делал. Он не был зарей, но существом, которое не похоже на зарю и в

то же время ею его называли. И более ранние тени его тела на переборках капсулы — он знал тело — раньше походили на зарядок. Крыльями и хвостами, не движением.

Но в тенях было движение. И больше чем красное свечение в точках вокруг тела, которыми он пользовался, чтобы смотреть на красное. Он помнил призраки красных клеток; не с зелено-белой доски, где Въедливый Голос чертил карты, что могла быть впереди, а из своей собственной мысли, — он думал тогда о призрачных клетках, где нет красного, поскольку красное дышало. Красное ли тлело тут в точках?

Морская звезда. Стоящая женщина тогда сложилась, чтобы наклониться и взять ее песчаные руки и ноги из-под воды, и он ощутил ее жесткую плоть и положил обратно в воду. Теперь морскую звезду было трудно разглядеть. Он мог бы разобраться в себе, если бы попытался не видеть движение в собственных конечностях перепончатых мембран; но морской звездой он не был.

Он притянул части своего взора из разных, свитых расстояний, думал он; но захотел лишь после того, как увидел, что они пришли сами по себе, хотя всегда были им самим, поэтому он и притянул. Притянул их так, что, используя их вместе, чтобы рассматривать окно, мышцами или расщелиной-складкой, он обнаружил, каждый из них был радиусом какого-то цвета: бриллиантово-бурым (от мембраны-костяшки согнутой к переборке), склонившихся оливок (изнутри мозга, где пересекались старые пути глаз), или голо красных (где сухожилие сокращения решало утреннее Солнце): поскольку радиус цвета не везде одинаков, видел он. Это стянуло определенные части его зрения воедино в точку, настолько краткую, насколько крупным было пространство, которое, как он однажды обнаружил, он мог сделать делением и делением, когда он пытался различить белый гель клеевых (или глиальных) клеток и клеток-прутиков, что время от времени выстреливали кончики своих почек через это делимое прост-

ранство, а иногда расщеплялись на другие клетки-прутики, которые не выстреливали, а только делились.

Эта кратная точка была яркой.

Миг в последовательности, последовательности настолько сжатой, что она походила на флюид. Настолько важный миг, что ради его фокусного времени разные расстояния поступили в ось одиночного видения со звуком: сложение, которое он не был готов помнить. Сонм флюидов удлинился в узы вибрации, что соскользнули так близко к телу, что он начал забывать, что не может отдохнуть в его музыке. Но остановился. Нет. Он не хотел там отдыхать и не станет.

Он обнаружил, что раньше знал музыку; но в этой музыке его видения голос Центра такой же слабый, как другая частота. Но то, что он видел, как он видел сейчас, он уже видел раньше. Видя сейчас кожу плоти, затем видя в какой-то губке белесый люмен крови, затем видя теперь ясно сквозь то, что он видел, уже решив, что оно прозрачное. Все это он видел, как прежде, но сейчас яснее и с грузом знания.

Где был этот груз? Он собирался.

Но собирался повсюду; то есть распространяясь.

Груз склонялся под всеми углами и скользил. Скольжения были субстанции, но груз был отдéлен. Субстанция могла состоять из гранул, со все бóльшим пространством между каждой, чем сильнее желал он видеть.

Гранулы, которые были скользкими катящимися масса-ми, смещались от внешнего ко внутреннему, думал он, и от внутреннего ко внешнему.

Он бы не стал останавливать движение для того, чтобы увидеть волнения хребтов, соединенных своими мягкими размытыми луковицами кончиков в углы, где образовалось крыло, чтобы проложить ветер космоса. Но если только он не остановит многие движения, он может и не увидеть это стеклянистое мясо, это воздушное действие, и всю эту чашу с медленными ручками, чьи острия крыльев — было это или

нет, когда они столкнулись с переборками — затем сплющились по бокам.

С уголками.

Что стали новыми кончиками, указывающими в стороны, словно бы чтобы сделать то, что потом они все-таки сделали.

Что было растягиванием и растягиванием субстанции конечности крыла, пока оно, по ощущению, не становилось не тоньше, а наоборот — толще — и было толще, и расщеплялось на два. Которые с двумя другими вокруг него склонялись над ним.

Чтобы сделать перепонки-складки никак не похожими на складки мозга, которые раньше раскладывались, пока мозг растил то, что растил.

Но он продолжал не видеть своего тела. В этом ли дело? Или продолжал не видеть его, поскольку считал, что должен. Затем темная прожилка, которую он мог видеть внизу насквозь, показала на своей поверхности широкую кляксу. Поэтому он подумал, что крыло прошло полосу ветра над прожилкой. Но крылья, которые не разделились на сложенные руки, помахивали столь мало, что выглядели достаточно неподвижными для того, чтоб быть их собственной мыслью.

Он был приколот на конце оси, которая была готова вернуться подобно радиусу, но сейчас чувствовал не ее боль, лишь брызги пенистых конечностей, заставляющих его желать быть не там, — что было тем же самым, что и ощущение боли, только теперь это не было болью. Ось застряла в нем в его серединной грядке: ось расстояния: ветряная мельница над ним перемешивала Солнце: ось выдвинулась вниз близко к океану: он целил в рыбу: он был животным наконечником оси, которая была радиусом; слышимые слова (не сейчас) говорили о чем-то одноклеточном, наслаивавшемся под морской поверхностью, образуя таким образом кляксу; ось была трубкой, подходящей к нему в его серединную грядку, подобно ветру, и океанский конец этой оси расстояния, на

которой он застрял, не имел никакого растительного торговца газетами, но имел растительное питание. Пока Имп Плюс не понял, что происходит. Затем ось — которая была расстоянием — выдвинулась в другую сторону на тысячи миль в слышимые слова не первого голоса, а второго, который не принадлежал ни женщине из мексиканской ночи или калифорнийского пляжа, ни смуглой женщине со шприцем, — и новый рассказывал, как из космоса рыбаки могут узнать то, что никогда не увидят вблизи, и могут бросить ось в целые зеленые классные комнаты планктона, но первый голос был и известен ему, и не тут или сейчас, и поразил неизвестным всего его, поскольку, если второй был прав, Земным концом оси расстояния был животный полюс, а конец Имп Плюса или сам Имп Плюс был растительным; поэтому он вновь сказал себя и сам.

Вследствие чего, со сдвигами скользящей субстанции, крупинки люмена и известные части мозга, преломляющего сейчас плавание, — словно рост был отделенным путешествием, — в том, что он прежде воспринимал как тело, выросшее отдельно от мозга, затруднили ему удержание того первого голоса, который поступил по оси расстояния. Но он держался достаточно долго, чтобы понять, что то был Въедливый Голос, тихо говоривший над океаном под мельницей, которая молола Солнце, что, как он видел сейчас, было подобием ветра, мелющимся его телом. Солнечным ветром.

Этот ветер в свою очередь нанес на темную прожилку широкую кляксу, что двигалась взад-вперед вокруг всего тела. Поскольку прожилки были того же тела, что мололо ветер, чтобы получить кляксу, сквозь которую, когда Имп Плюс смотрел, он видел движение, хоть и никакого движения. Также движение новых толп точек, ярких, но словно бы отраженных от яркости, возможно, растворение, что было тенью цельности где-то еще. И потому, что он видел синие дротики в конечностях теперь, он видел, что собрал несколько

расстояний в одно скручивание единственного взгляда — в натяжение собирались потоки, что надолго охватывали себя, затем отпускали, затем охватывали и охватывали вновь, пока все их песни едино не разрешались: собирание поворачивало этот сложенный мембранный взор сразу же обратно к неподвижной разворачивающейся голове роста, узлу узлов, венцу расщелин.

И это как раз вовремя, чтобы увидеть и почувствовать желание нужды видеть, как новая щепка поднимается из дольной грядки, расправляя локти или колени кузнечика в концентрированный поток Солнца. И видел сквозь сейчас почти открытую и сплюсненную Премоторную расщелину, как плот некогда отдаленных мембран согнулся через соединение руки в мозг и, попав внутрь, медленно пропахал борозду по борту к серо-янтарной коже-своду мозга, выталкиваясь, чтобы на нее выбраться.

Пока где-то еще в мозгу малиновый вспыхнул теплотой, которую Имп Плюс видел раньше только в отдаленных телах.

У него не было выбора, только продолжать понимать то, что происходит. Никакого выбора, как думал он, лишь быть в центре и выглядывать из центрального мозга, а потом заглядывать в узы тела; смотреть между тем из кругов изгибов щупалец вверх, в клетки возле открытой расщелины к тем кольцам сообщений, тесно сжатых в луковицеобразные кончики ответвлений у задней части мозга, к (тогда) тонкому повороту кончика конечности, нашедшей близлежащую конечность для присоединения или чтобы задеть сияния переборки. Он думал кусками — он не знал как, если не считать того, что куски, либо преломляясь к центру, который вряд ли еще у него был, либо стремясь двигаться каждая отдельно вдоль многосторонней ткани наклона, были им. Поэтому Имп Плюс пытался внимать, пытался думать — в этом ли дело?

Но данный фокус в своих спазмах собирания притягивал из различных расстояний лишь некоторые мембраны, не все.

И глядя иногда сквозь яркую работу мозга, он недоумевал, почему собирание взора в фокальную ось не включает все мембраны, все расстояния. Но он думал, что мозг — как тело в свою бытность, не всегда прозрачен.

Центр просил Имп Плюса ответить. Центр слышал максимальную мощность и максимальный уровень глюкозы, однако слышал и быструю активность в коре головного мозга. **ВЫ БОДРСТВУЕТЕ ИМП ПЛЮС? Быстрая активность в двигательной и сенсорной зонах. КАК СЛЫШИТЕ ИМП ПЛЮС? ОТВЕЬТЕ ИМП ПЛЮС. ВЫ ТАМ?**

Он припомнил руку, глаз, ногу. Вспомнил, что помнил помнить о глазах — именно так, — сидя со своими руками и ногами, сосредоточившись на глазах, пока не произошла одна подготовка, затем один глаз, один глаз внутри, за двумя глазами, что у него были и которые он утратит. Так к нему поступил сдвиг песка на берегу от ветра в каждом шлифующем трении грани о грань, так что если он хотел, он слышал крупинки пляжа как камни, поэтому со спазмом расстояния он мог ощущать, что рядом с шумом в его одном припомненном ухе был ломтик каменистой щепки вдоль его щеки. И он знал, что может рассказать Центру о спазме не больше, чем о движении его утраченного слуха между миллиардом отдельных песчинок, каждая с шумом камня и всего шуршащего сдвига тонкой поверхности пляжа, где он лежал рядом с ногами, у которых он стоял до этого на мелководе. Но если вместо объяснения Центру он хотел засосать, толкнуть или наоборот одну из отдаленных конечностей обратно в мозг, чтобы коснуться красных вспышек, что были в конечностях прежде, то вот почему он не хотел говорить Центру.

Не потому, что он не знал, был ли Центр Хорошим Голосом или Въедливым Голосом. Не потому что Хороший Голос раньше был плохим, послав дюнного наблюдателя, чтобы следить за Имп Плюсом в последние выходные. И не потому, что Въедливый Голос был въедливым и одиноким. Въедливый

Голос тогда сказал, что Имп Плюс, возможно, научиться использовать Концентрационную Цепь для общения с собой. Сейчас вдоль оси расстояния в спазме он не хотел, возле его утраченного уха было движение, и оно пошло вниз или вверх по его утраченной щеке, и, в конце концов, он увидел своими утраченными глазами, что любое движение в том месте было другой щекой, щекой Въедливого Голоса. Она открывалась и там была другая щека, которая тоже открывалась. А под ними было видно, как звук распространяется по рту во Въедливый смех вдаль и прочь от смеха женщины на пляже, но и в смех, и один на двоих. Но за расстояние, которое не было линией оси. Если ось когда-либо была линией. Но больше расстоянием, которое было формой. Но как только Имп Плюс подумал, что расстояние между смехом Въедливого Голоса и смехом женщины приняло в себя третье (что было его собственным — но тогда, не сейчас), расстояние выросло мимо трех до не менее чем четырехчастной формы, которая по-прежнему оставалась осью расстояния, потому что болевой стук, или вращение, или вновь спазмированный промежуток расстояния. Однако не совсем из-за Имп Плюса, а из него самого.

Но, хотя Въедливый Голос (который был не хорошим, но и не плохим) мог сказать, что Имп Плюс, возможно, научиться разговаривать с собой по Концентрационной Цепи, у него не было времени разговаривать с собой, он должен наблюдать за тем, что происходит. Вот в чем дело, он должен наблюдать за тем, что здесь происходит.

Плот из мембраны, который, как прежде видел Имп Плюс, вышел из конечности и согнулся вокруг соединения между мозгом и телом, затем протолкнулся вверх в мозг к верхушке мозга, врос теперь непосредственно в поверхность коры головного мозга, где и лежал, поблескивая еще более яркой точкой посередине, что заставила его увидеть все глаза, которые он когда-либо видел с их маленькими яркими точками посередине. Он видел мембрану — или мембрана была вид-

на — с концов листовидных отростков поднимающегося тела; но в то же время он видел их самих под углами, как спазмы. И, видя, что эта мембрана, которая уже перешла из тела в мозг, была мембраной глаза, он осознал, что видит посредством ее не только теперь затухающие концы листовидных отростков (некоторые из них сливали, как свет, плазму своих очертаний), но также изменяющиеся оттенки, и красное и синее мерцания, отбрасываемые потолком капсулы, которые она получала, и которые были теплом утра.

И он знал, но у него не было места, чтобы думать о том, что однажды видел эту капсулу снаружи и внутри. Не было также места и для того, чтобы держать в голове слова Хорошего Голоса: «Давай, осмотришь хорошенько, это все твое, загляни внутрь».

Не было места, разве что на то, что происходит.

Вот только то, что происходило, делало места еще меньше. Он кружил вверх и вниз, все деля и деля свое ощущение.

Он был свободен, а порой и от передач Центра.

Они были такими же, как то, где он только что был и откуда ушел. И то, что он должен был вот-вот найти — а может и нашел или нет, — было как железа света впереди, которую сложениями своего взора он видел не прямо впереди, а на траверзе, пока кружил вверх и вниз.

Он видел больше, чем использовал. Но не стал бы просить меньше. Его взоры перемещались, и было видно, как сплющивалась задняя луковица мозга, что должно было причинять боль, но не причиняло. Тем временем из и сквозь эту заднюю, сплющивающуюся луковицу он видел, что трубчатые отсеки внизу сквозь расщелину были не из него, а снаружи. И вслед за этим его крылья зрения стали лапать вокруг, пытаясь поймать трубки снаружи; его зрение изогнулось углом, словно бы из мембран тела на разных расстояниях, чтобы увидеть, что, как он видел, он видел однажды раньше, но без мысли. Затем, пока он видел — видел прозрачные продолговатые

подкожухи, где две трубчатые дорожки входили в мозг, — там к тому, что он видел, вдоль одной трубки в самую точку входа в кожу над грядками водорослей добавилось стремительное движение частей из мозга.

Некоторые из этих частей мозга были пакетами Солнца, и они поглядывали везде в поисках способа выбраться из проторенного пути в трубке. Или потом становились узлами, уставившимися сквозь громоздящуюся головную боль, которой он не ощущал. Узлы группировались во вращающиеся веретена. Которые, чем дальше он смотрел, были радиусами. Пакеты были прядями радиусов, охотившимися за новыми окружностями. Пакеты по-прежнему Солнца, но его Солнца и из него, бегущие вниз по ясному каналу, подвешенному сквозь холмы воздуха.

Вниз по каналу шли эти пакеты от одного вида к другому, поскольку он видел, что они изменились к тому времени, когда добрались до домов водорослей. И он подумал, что увидел, как мельчайшие орбиты внутри орбит хрустят и перестраиваются — так, как пряди упругости в уголках его глаз ослабевают, теряют куски и зияния и натягиваются вновь, — однако также хрустящие и перестраивающиеся орбиты внутри орбит разбивались при ударе другими Солнечными потоками от Солнца снаружи — не его собственного Солнца.

Вниз по каналу это были части его, которые он утрачивал, сдавая водорослям. Как видеть больше, чем он использовал. Но другие части возвращались вверх по другой трубке в подкожу мозга, внутри которого ясный диск качал взад-вперед всю длину кожуха, но, когда он склонился приглядеться поближе, движение, которого он полностью и не заметил, остановилось. Он сначала и не желал склоняться; склоняться было желанием, а он знал, что видел малое и крупное, потому что, будучи самым тем, что он видел, он и приколос свой взор к нервным головкам, и подорвал его в теле будущей идеи, какую в себе ощущал. И склонение к приглядыв-

ванию поближе с запинкой. Какая была запинкой среди мчащихся, крутящихся вещей и в трубке вверх, так что, хоть они и продолжали крутиться, но перестали двигаться по трубке в мозг. Однако запинка, сопутствовавшая приглядыванию поближе и с этой запинкой по трубке вверх, была еще и в другом движении: это движение (которое, когда запнулось, склоненный взор Имп Плюса мог видеть лишь припоминанием) было дыханием цикла, и его запинка заставила мозг и тело на миг выглядеть равными в субстанции и одновременными: и цикл, подобный дыханию, который немного подождал, когда Имп Плюс склонился к этому приглядыванию поближе и продолжил, когда он прекратил склоняться, был ладонью мозга, набухавшей, чтобы поднять пальцы тела, затем мозг, затухающий и распространяющийся, и тело, сливающее свои члены воедино и показывающее в прозрачностях плотности то, что Имп Плюс раньше продолжал знать: что все вокруг было сплавом субстанции. Сдвигом.

Изгибов, комков и связей. Таким образом в трех, четырех, пяти или больше телах конечностей, вытянутых из центра мозга, можно было сейчас увидеть то, что было только (думал он) в мозге раньше; снежные глиальные клетки, приклеивающиеся ртами к побегам, какие вырастали из веточек, стреляющих и не стреляющих, и прилипающих языком света, который извивался свободно, переплетая свое лоно свободы: тогда как в прежнем мозге теперь необходимо было увидеть то, что было в конечностях ранее: полосы облачных мембран, плавающих и покачивающихся возле оливковых волокон оптических путей. Затем вверху рядом с изогнутой и опускающейся крышей головного мозга (он знал слово — слово *крыша*? слово *изогнутый*? нет: *головной мозг* — это отозвалось в нем эхом) два полупрозрачных хребта, которые, как он знал, однажды были частью очертания отдаленной конечности, соскользнувшей вдоль мембраны зрения, как и тут в головном мозге, посещенном с конечностей — пока желоб или русло мембраны не

завились по всей длине, чтобы охватить или окутать хребет; и на миг желания он увидел этот хребет, такой цельный, что врос в мембрану. И таким образом окутанные, они свернули в сторону с опускающихся крыш мозга, пока не нашли и не склонились в щупальца, удлинявшиеся из луковиц обоняния, одна из которых была притянута с ее трактом в стороне от ее корня возле оптических трактов, и из того, что раньше было ядром мозга, к прощупыванию нового тела, приближающегося как пустая рука. И он видел, что это была конечность, конечность тела, идущая внутрь, выворачивая себя навыворот, оставляя внешние пределы капсулы и отслаивая открытый рот, и выворачивая себя наружу в боковую сторону мозга. И когда щепка выскочила из переднего участка, и Центр спросил, что это была за история, и спрашивал снова и снова, засек ли Имп Плюс внешнее влияние, он позволил Слабому Эху ответить, что исследовательский зонд уже вошел в нижнюю левую ассоциативную зону.

В этот миг у сердцевины возникла малиновая вспышка, и большой палец или головка вывернутой наружу конечности выбросила светящуюся пустоту, чтобы коснуться красного, и вместо этого потянула из сердцевины одно из тел маленьких островков, расположенных над пламенной железой, и втянула в себя это островное тело; и затем во внешний участок капсулы — поскольку конечность перестроилась и простерлась, крылом или спицей, к сияющим серым переборкам, где синекрапчатая жемчужина полушария зависла в свободном парении, и Имп Плюс желал, чтобы конечность так и поступила.

Раньше он желал, чтобы одно из его тел конечностей засосало себя в мозг, чтобы поймать малиновые вспышки, которые он привык видеть в отдаленных частях, и которые казались замененными оттуда синими дротиками, что когда-то были в теле мозга.

Красные и почти синие приблизились и отпали куда-то вниз, где плавали островки ядра, те, что остались после того, как

два засосало в длинные субстанции отдаленного тела, которое он уже не мог называть телом. То, что, как он думал, должно быть мыслью, поступало к нему. Оно также происходило из него. Еще это было зрение. Не то зрение, от которого, как он сейчас видел, он хотел выбраться в делание. Нет, не то зрение. В то же время такое зрение, которое он не станет обходить. Поэтому он думал, что перестанет прекращать попытки его избежать. Так он вроде бы сосредоточивался. Как — так? Он знал, но должен сказать. Чтобы сказать, он должен начать, но это никогда не могло быть началом, поскольку он никогда не мог увидеть или раньше не мог видеть начало. Он мог продолжать, только и по кускам, кускам, что делали для него, или, то есть, куски, которые сгодятся. Но делая, он ощущал себя разделенным и удвоенным на несколько мест себя самого, внутри и снаружи. Как он сосредоточился? Там был не один центр. Он собрал себя увидеть грядки водорослей и другие опытные растения, с которыми, он видел теперь, он раньше жил, но не думал об этом. И он собрал себя теперь увидеть радиусы-веретена его изменяющегося потока Солнца по трубке из того подкожуха, возле которого находился узелок или маленький мозг. Он собрал себя, словно чтобы внезапно увидеть зрительные мембраны, что уже ушли из конечностей в головной мозг и выросли или расположились до верхушки, и мембрану, у которой была серая поблескивавшая точка в середине. Собрался разглядеть себя среди тел конечностей, держащих теперь в руке части субстанции мозга, конечностей, склонившихся к фокусу.

И он собрал или подступил к ощущению, что собирание различных дистанций в фокус было как мышечные уколы спазмов-потоков заряда. Поэтому в каждый миг взора на каком-то кончике роста, его взор был бы центром, или не центром, или вел бы к чему-то видимому и притягивал другие мембраны-глаза после того, как все изогнулось к тому, что следовало увидеть, изогнулось ровно сквозь все тела внутри

того, что однажды было мозгом, поскольку они могли быть прозрачными или нет. По воле, хоть и не его. Он обнаружил, что многое сразу же было его — но чтобы думать или видеть. И когда доходило до говорения, почему он не мог сразу сказать многое. И если, как прежний утраченный центр, что он собрал, было ли это просто потому, что куски, некоторые из них, согласились?

Тело конечности, что уже отсосало два островка сверху пламенной железы и вернулось в свой рукав пространства капсулы, слилось сейчас на какое-то время с телами по обе стороны, и островков нельзя было увидеть. Мозг и то, что за его пределами, ощущались все более одним. Деление продолжалось, но он привык к боли, что была как старое чувство крови, бегущей по всему его телу.

Сейчас тело конечности добралось до окна, поскольку он думал, что хотел этого давно. Кончик отростка прощупывал густые воды стекла, сквозь которое, как он тем не менее также мог видеть, было так легко видеть, что оно было как брешь в преграде, так что касание Солнца к грядкам растений могло пробраться насквозь без смещающейся сети нечистоты. Но вода не была густой. Он знал воду. Здесь была вода, но не море.

Казалось, что его кончик отростка в мучительный миг перед тем, как удариться о стекло, свернулся внутрь, чтобы сделать засасывающий обвал. Из нескольких других расстояний (что были мембранами), из которых он видел это событие, листовидный отросток его самого раскачивался и, удлиняясь, направлял свой хоботок к окну.

Перемещая то, что уже было.

Но где-то удлиняясь, хотя и сквозь ткань его кожи, сквозь которую становилось все труднее видеть в утреннем свете.

Тот перемещался. Но также рос.

И то, и другое.

И в каком-то сложении, о котором он знал только то, что оно было его сложением.

Да, он раньше хотел сдвинуться к окну. Идущая часть, листовидный отросток или конечность, которую он начал видеть в своем тонком растущем свете очертания и его сдвигающейся субстанции, было свежим началом. Так и другие. В одиночку или когда соединялись, чтобы стать бортами чаши, выдохнутыми из пола, который было тем, что однажды было мозгом.

Но если некоторые из тех островков, каких теперь уже было больше двух, что (им самим) высосаны из ядра мозга, утекли прочь в то, что он когда-то считал новым телом или телами, и если щупальца и выстрелы нервных прутиков и снежных клеев, и другое вещество, и то, что было центрами, сместились от мозга к телам, пламенная железа наверняка осталась.

И рядом с ней блоки клеток, в которых были закупоренные волокна — размеченные цветом, думал он, хотя видел лишь оливковый; и под этими двумя блоками все те лучистые участки, что он оставил в одиночестве в двойном расстоянии красного и фиолетового, остался один, как пламенная железа или мерцание, пока так пристально смотрел на блок связей закупоренных волокон возле оптических трактов, которых ему не хватало, или он только желал этого, соленая сладость такой простой связи, что он пытался отвернуться от нее, чтобы увидеть, знает ли Слабое Эхо для нее нужные слова, поскольку каждый блок закупоренных волокон был слоистой глубиной того, что в других местах он замечал в чаше до того мембранно-тонкой, что сейчас он ее ощущал плоской картой. Но у него не было права, поскольку каждая из двух чаш, закупоренных поточечно к двум слоистым глубинам, не могла быть его собственной и должна была быть ее, женщины на пляже, и каждая разглаженная карта была изогнутой чашей тонкостью, которую часть его не могла назвать сетчаткой.

И обгоняя себя, он понял, что уже потребовал от Слабого Эха дать ему то слово, но обнаружил лишь само слово, сетчат-

ка, не Слабое Эхо, а никакого другого слова для блока закупоренных волокон, размеченных цветом он больше слышал, чем видел — и вновь слышал слова *Что происходит с мозговой трехмерной картой сетчатки, когда нет больше ретины, куда посылать?* И он чувствовал, как сидящие в нем рука и нога сложились так, что он мог сосредоточиться на вопросе сетчатки, сосредоточиться, пока не стало две сетчатки, вторая снаружи его и невидимая, и идея — приготовленная память, в этом ли дело? Так дело и было.

Но вопрос тогда предшествовал воспоминанию. Вопрос поступил с Земли, но не сейчас.

Кто его тогда задал?

Он смотрел из окна, к которому уже добралось тело его конечности. Поскольку в своих костях он чувствовал, что все, что он видел здесь в себе, было лишь тем, что он раньше был готов видеть.

Он воспользовался маленьким всосанным зацепом на кончике своего тела для присасывания кончика к стеклу и выгнул тело конечности туда, где переборка изгибалась в подволок. Делая это, он видел, что совершил движение, которое почувствовал, и почувствовал то, что раньше хотел чувствовать: вваливающийся рост, тот самый обваливающийся рост. Поэтому, когда он выглянул в окно, нацелив свою млечную мембрану, распространилась мысль, и он дал себе ощущение поворачивания, поскольку думал, будто хочет найти ту мысль во всех ее полных местах пребывания. Но вместо этого обнаружил, что хотел додышаться до сна, заснуть, — и обнаружил, что не равен мысли, которая случалась во всей его субстанции.

Потому из окна он видел, что внутри. Поскольку ему предстояло столкнуться с глазами. Глазами до зрения. Глазами не зрения, а красного и фиолетового: выстреливавшие в двойные глубины, излучающие под телами с закупоренными волокнами, но с каждым выстреливающим мигом, распространяя (думал

он) быстрые оттенки сквозь всю кору головного мозга. Глазами, с которыми он должен столкнуться, поскольку они были не ее, а его. Однако не его, а их брешью у него. О чем он все это время знал. Но не следуя за оптическими волокнами, где они отходили от неиспользовавшихся трактов, потому что не было глаз для того, чтобы на них наводиться.

Оглядываясь теперь из окна, Имп Плюс нашел больше Солнца. Оно плавало, как и в другие дни, и в другие недели, и в другие месяцы, плавало в себе, но больше не сквозь те же самые мозг и тело.

Сколько дней, Имп Плюс не знал, но знал, что один день был свет, другой — свет и темнота.

Он бы не спрашивал Центр, как долго продолжался проект. Центр не знал, как глюкоза держалась на максимуме.

Центр не мог видеть излучающиеся красный и фиолетовый ниже пробок волокон.

Центр забирал.

Имп Плюс видел, как субстанция в мозге и в отдаленных телах пожала плечами, и Имп Плюс уже припомнил, как говорили о плечах, но не рассказал, когда он раньше припоминал плечи, до или после большого пожатия субстанции. Вглядываясь пристально, он не мог видеть большого пожатия, а цикл дыхания завис недвижно, и в тот миг равенств между мозгом и телом, которые он уже не мог называть *мозг и тело*, Имп Плюс, обгоняя себя, знал, что Центр заберет излучения, назначит границы новообретенных оптических мембран, спишет привязанные к конечностям островки как утрату.

Островки конечностей, но как долго среди смещений субстанции истинные островки могут оставаться конечно-утраченными. *Лимбическими*, если сокращенно. Но Имп Плюс не придумал *лимбический*; это поступило к нему; и не от Центра.

Но сквозь части такие пустые, что он пытался глянуть на себя сверху так, что тем самым теперь припомнил. От головы

до пальцев ног, вниз по изгибам своего прежнего тела, по его изгибам, что пытались подступить к нему, но должны были сохранять дистанцию. Однако сейчас в воспоминаниях не было сути, и то, что здесь было от него, он видел из множества равных точек или скользящих мембраны, которые расширялись, когда он их использовал так, чтобы его прежнее тело вернулось к нему, но в форме увеличивающегося расстояния, для которого было слово *дискомфорт*, которое выступило к нему, но не от Центра. Слово поступило от голоса некогда его, теперь лишь пульсаций на частоте, что тянулись все дальше и дальше обратно к Земле, поскольку то был Центр, где было его тело, за исключением того куска, который он должен назвать *мозгом*, но был кусок тела, взорванный вверх по трубке, и оси, и расстоянию расстояния, где изгибы его груди к нему не вернутся, и волосы на его груди тоже, как пальцы, пальцы на Солнце, если б он только мог остановиться, но он не мог. Расстояние, где изгибы груди были так же свободны от него, как от медицинских швов, а изгибы живота такие плоские, что он практически не мог видеть его хорошей формы, хотя та не была хорошей, как Хороший Голос, и была даже плохой, потому что больной, хоть даже тогда разделявшейся на незнакомое. Расстояния, разделяющиеся по слабым сдвоенным желобкам живота, которые были не теми освещенными животами мозга, сейчас растянутыми, как конечности, стремящиеся стать источником. Животы, загнутые внутрь вдоль рядом внезапно намного бóльших волос, которые также были не пальцами, но затем стали пальцами с кроваво красным, которое его любило, чьими-то еще пальцами: и вверху у последнего вращающегося конца той взорванной оси, что стала затем закрепленной, как ось расстояния, он узнал голос; и голос был его, постоянно передавал информацию обратно, как навечно застрявший астронавт, к Центру, которому некое будущее ощущение, тогда слабо присутствующее, сказало, что это больше теперь

не его Центр: но там среди умножающихся расстояний запуск, запуск, то был его голос, докладывавший Центру *дискомфорт*, — голос, сейчас услышанный Имп Плюсом спустя световые года, сигналил внутри него *дискомфорт*, поэтому в ответ на приготовленное Слабым Эхом слово *дискомфорт* (поскольку это было Слабое Эхо), он сказал: *боль, грустно, одиноко, расстояние.*

И Слабое Эхо вздохом, сделать который не мог бы пожелать при запуске, где раньше не было никакого разделения между прекрасно обученным Слабым Эхом, отвечающим на имя Имп Плюс, и тем, что здесь стало новым Имп Плюсом, наблюдало, что световые годы неверны, поскольку расстояние было синхронной Земной орбитой в 22 300 миль от Центра.

Но вздох, что Имп Плюс затем увидел, был тишиной, и информацию не произнесли. Точно так же информацию, которая он не знал, что у него есть: что бортовой дилатометр измерял расширение вследствие жары; что Концентрационная Цепь поддерживала связь из сознательного мозга к Центру электродами; что *лимбической* была система в ядре, которая была связана с нервными телами гипоталамуса.

Постой.

Он бы не остановился, поскольку эти пакеты данных, направляемые в Центр, на него сбросило Слабое Эхо. Они вернули Центр к нему, прощупывая причину максимального уровня глюкозы и не перестало ли работать соединение между датчиком воды и водой, поскольку воды должно быть намного меньше, чем показания Центра.

Имп Плюс не хотел знать.

Но припомнив, как Хороший Голос сказал: «Давай, осмотришь хорошенько, это все твое, загляни внутрь», — он обнаружил, что собирается с мыслями, как собирания его мультимембранного микровзора, что островные тела, которые уже высосали из мозга в конечности, были частями

гипоталамуса, и что дико уставившиеся узлы или пакеты его собственного солнца, вертящиеся вниз по трубке от мозга к водорослям, были единицами излучения. Он знал излучение, но не то ощущал он из Слабого Эха. И он также собрался с мыслями, что другая трубка, идущая в мозг, была для питания. И высматривая сейчас сплюснутый мозг, головной мозг (который затем слегка набух, пока он смотрел, но не назад, в головномозговую парико-форму) и высматривая также сплюснутый маленький мозг, мозжечок, позади, он чувствовал, что Слабое Эхо внутри него отсоединилось и заставляло его, как воспоминание, задуматься, являлось ли тело, которое он вырастил без помощи Центра, противоположностью сознательного мозга.

Но нет — он обнаружил субстанцию, в основном не отличавшуюся от субстанции дальше за, он обнаружил центры, но не центр; новые поля потоковых точек скользили или отклонялись повсюду, растворяя какой-то один темный источник в яркие тени; его тело-щуп, щупающее оконное стекло, чуюло морские пески, бегущие сквозь солено-сладкую пористую руку, которая была ее рукой.

Он обнаружил пламенную железу там же, где и раньше, но ее мерцание развеялось по нему всему, и не только дыхательное движение, которое было им самим, расширяющимся и сокращающимся, но и прилив равномерно растущего склонения распространился повсюду вокруг с каждым движением его дыхания.

Но больше, чем дыхания, и тут почти была мысль, неравная ему ранее. Это была мысль, к которой он склонялся, но она всегда была в нем, и он должен ее думать. Поэтому он взглянул на единицы излучения, что скрутились в радиусы, чтобы их объяли газы водорослей. И посмотрел как на пламенную железу, так и на жемчужное полушарие, плавающее у переборки, и видя в то же время синий дротик и малиновую вспышку около его смещающейся субстанции, он увидел,

как слова Центра образуют на Земле рот: и когда Имп Плюс пожелал, чтобы Центр исчез, его взор продул в себе дыру и устремился вверх, чтобы повиснуть без нити, и был щепкой. Которая, как он видел, была электродом, который был серой поблескивающей пуговицей в середине той самой мембраны зрения, что пробилась и проплутала дорогой наверх в скальп мозга и таким образом себя насадила.

Он склонялся к мысли, которую должен думать, глядя на несколько чего-то сразу, что он умел делать прежде, поскольку его взор был и мульти, и микро, и грозился стать слишком мощным, чтобы помочь, и его нужно ограничить. Центр молчал, когда Имп Плюс склонялся к мысли, с которой, как он думал, сможет теперь справиться. Только что переваренное Имп Плюсом Слабое Эхо помогло ему спроектировать пульсации в Концентрационную Цепь для проверки Центра на красное и синее, на которые Слабое Эхо не ответило. Но и Центр тоже не ответил.

В тишине Имп Плюс мог справляться с полушарием, удлиняя себя и перемещая себя. Но когда он перемещался оттуда, где раньше чуял окно, обвал-обрушение боли стал хуже, чем прежде; поскольку на оси расстояния, а также растения и животного он перемалывал решетчатую ячейку зубчатых колес — перемолол эту ячейку в пыль, которую затем должен сохранить дыханием.

И давась, и легонько похлопывая полушарие той частью себя, что могла чуять и касаться, он смог справиться с той мыслью.

Что раньше отвратила его от окна.

Как втягивание всего его ощущения.

Сюда.

Он был рад, что Центру конец. Рад, что после достижения орбиты он выбросил свой кожух. Поскольку им и было облачно-сине-крапчатое полушарие. Надежный кожух над тем, что было мозгом.

Мысль, с которой он теперь мог справиться, была большей причиной отключить Центр. Поскольку Центр будет его использовать. Использовать даже мысль.

Которая была той, что с помощью Солнца он мог помыслить свой рост.

Он держался поодаль от этой мысли. Она обуревала его всюду. Более новые части его подталкивали очертания света друг друга и иногда соединялись. Поэтому он не просто увеличивался.

Он мог становиться меньше, когда две кожицы люмена склонились вместе и стали одной кожей, и затем эта нить накала между ними растворилась. Он держался поодаль от великой мысли, которую раньше думал. Но та осела на него и покрыла его. Поэтому он избавил себя от нее, позволив сделать то, что она хотела. Поэтому то было падением, медленным как однажды, кажется, падал снег, опускаясь настолько плавно, что у него ушло много времени, чтобы понять, что его медленное движение было еще и подъемом. Снизу — подъем, но не прочь.

Он держался поодаль, как он думал, от этой мысли: мысли, что он мог помыслить свой собственный рост. Но он обнаружил это повсюду вокруг, рост и мысль, мысль и рост, оно открывалось и было близко, и он ощущал, что это он сам, но ощущал, что это меньше.

Но все равно держался поодаль. Он должен.

Некогда он произнес слова *грустно* и *одинокое*, но не знал их, и ему было интересно, может ли он надумать их о себе, а также где они хранились, если он мог припомнить.

Он держался поодаль от мысли, что может помыслить собственный рост.

Как он мог давиться пылью, которую перемололи те оси? Поскольку ему было нечем давиться. Нет головы и шеи — ведь именно там и давится давление. Синеет лицо. Однако у голов есть глаза, которые видят. И он видел.

Он видел, как мысль его собственного роста подымается и падает, приземляется и взмывает.

Но он держался поодаль от нее. Он пытался узнать, что она там и сделана им. Но стоял ли он, или был поодаль, он поймал себя на том, что снова думает — почему давиться. Что значило давиться? У него не было чем давиться. И в то же время было из-за чего давиться: поскольку он видел, что там, где его собранный листовидный кончик щупал и чуял окно, окно смещалось, и выливалось, и роняло пески, из которых было сделано, роняло их в синее утреннее пространство. Меж тем, в то же самое время так легко думал он, какой в этом толк, медленно-пламенная железа, которая была последним знаком центровки того, что было мозгом, сейчас расширила луковицей пламень над приглушенными оттенками оптических трактов и их перекрестья.

Вдруг сила железа затопила и замедлила вращающиеся Солнечные косы полуденных клеток. Поэтому Имп Плюс не увидел сути в этом высвобождении мощности железа. В то же время крылья или листовидные спицы застыли во всем многообразии своих форм, и одно сейчас проросло в и сквозь то, что было континентом и сияющим резервуаром того, что было головным мозгом: потому это крыло или шея в этот миг вялой остановки было телом моста, проткнувшего или опоясавшего нижнюю перекрестную пластину субстанции, освещенную поочередно двумя косвенными трубками, входившими в подкожух, где был дисковый насос. Но потоки из трубок в мозг или, если уж на то пошло, — к растениям, сейчас едва двигались, не более, чем другие пределы плоти, шестерни, очерк или листовидные отростки. И ссыпание песков, чтобы очистить оконное стекло, присоединило бессмысленной

силой упрямой мерцающей железы, сгущающей сопротивление, и присоединило с собирающейся закрепленностью диапазона различий его незадействованной новой бытности, чтобы думать, словно бы вместо него; и он давился.

Он знал *давился*, но не что оно значит, поэтому не мог подавиться словом, но подавился.

Брешью.

Хотя давился не старой брешью преград, которое было тем, как импульсы некогда поступали на частоте с Земли. Подавился сейчас брешью, которое и *было* преградой.

Брешью, которую он не хотел, которая разбухла его до отказа.

Что-что брешь сделала?

Покуда то, что он видел, несмотря на какую-то нужду прекратить использовать ультразврение, было обратным разбуханию. То было сжатие, насчет чего он склонялся действовать. Поскольку он давился, не зная, что такое давиться. Но был не склонен, разве что быть.

Поэтому сквозь весь млечный дым великой мысли, падший, воспрянувший, стоящий рассеянным, поток Солнца совершил единственное движение. Или почти единственное: поскольку, не склонный действовать, Имп Плюс, однако, склонялся в другую сторону, и когда Солнце затем стало менее светлым, Имп Плюс знал, это может быть не само Солнце, не отвод огромной руки; поскольку глиальные клетки и нейроны — он знал нейроны, — и те другие клетки какой-то отпрыснувшей перестановкой, подобному самим ранним нейронам, не палящим, но способным делиться — все прежде были в своем полудне. Поскольку он так думал. И раз у Солнца имелось все время от еще не текущего полудня, уменьшающийся свет был из-за Имп Плюса, а не Солнца.

Имп Плюс склонялся ко сну. Ранняя ночь скользила по замедленному разливу Солнца. Давился ли он светом, который был вынужден стоять медленнее и медленнее?

Поскольку он давился. И то, что разбухало, и разбухало ко сну, смешивало его обильней, как он ощущал, и обильней, а вот замедленный и долговременный свет окутал и охватил его так, что он дышал его газом вечно, но остановился.

Но остановился и остановился.

Поскольку он не мог дышать; поскольку каким легким полагалось ему дышать?

Но чтобы посмотреть, легкое не нужно, думал он: поскольку, пристально глядя сквозь свет, каким, ясно, он не мог дышать, он видел, как сжатие повсюду склоняется из себя, чтобы разбухнуть, как втянутый вдох. То есть он немного разбух, но ощущал, что давится меньше. Но затем оказался там, откуда начал. Однако, посмотрев, казалось, дышал, когда вновь посмотрел из своей склонности заснуть; и в огромной млечной приостановке, которая была мыслью его собственного роста, он увидел части крупнее, чем какая-либо млечная приостановка ранее содержала, когда он впервые видел, как она завладела им, как оттенок. Но размеры не были все одинаковые. Он видел, что более крупные состояли из меньших, и, пока он смотрел, эти меньшие перестали избегать друг друга и склонились внезапно вместе, расщепили свои текучие оболочки, и слиплись, и соединились.

Где-то, помня, что смотрение заставило его дышать, что означало, что он не давился, косы Солнца насадили свой свет на веретено; и частицы млечного дыма отскакивали одна от другой, не сталкиваясь; и более крупные частицы — он знал взрыв — взрывались, вновь образуя меньшие.

И Имп Плюс разбух и склонился также сжаться и разбухнуть или снова сжаться, и толпы вырвавшихся долей соскользнули обратно воедино, и веретенообразное Солнце замедлилось.

Имп Плюс видел, что нет, это просто потому, что он мог дышать, он мог подавиться. Но поскольку он мог подавиться, он мог спать, а это — не так ли? — еще одно склонение среди

склонений. Но давление было сном, сон был ночью, ночью не видеть. Раз видеть и смотреть были зрением, следовательно отчасти одним и тем же, и смотрение заставляло его дышать, а он не мог давиться, если не мог дышать — вот почему он должен смотреть.

Что значило, ему нельзя спать.

Хотя смотреть — не видеть. И большие и маленькие частицы не решили собраться им или рассеяться.

Что было двумя склонениями среди склонений. Склонения, наводнившиеся медленно-пламенной железой, которая казалась, как и его зрение, неограниченной.

И если присоединить, как микровзор за капсулой в ту длину синего полуденного пространства, где где-то какой-то облачный синекрапчатый Центр висел, как зафиксированная железа, а затем также подключить к сладкому поливу глаза какого-то тела, питающего Имп Плюса пульсацией своего цвета, сжатого поперек провала зрачка кольцами мышц в клетке, как эксперимент Орбитальной Исследовательской Станции, способной изменить размер.

Разделенный, Имп Плюс в одной расширившейся мембране слышал, как голос, сказавший «Суета», говорит: «Хорошо, что я не собрала сумку». Он выдавил что-то утраченное. И в другой сжатой мембране услышал, с пульсирующим давлением — бомбардирующей сверху донизу его светящуюся голову, как голос произнес: «Но в чем будет преимущество капсулы, способной изменять размер?» Тот же голос, который он тоже почуял, сказавший (и так въедливо, что Имп Плюсу захотелось отдернуть голову, чтобы выбраться из камеры давящей его меловой пыли): «Мозг может сигнализировать о нехватке сахара, но не о нехватке кислорода, поэтому мы будем наблюдать за любым накоплением CO_2 у тебя». Напряженно ждавшиеся слова. Он давился, даже когда у него теперь не было мозга, а вместо этого шея за шеей, без головы и не похожая на шею, которую он однажды был готов спасать.

Или же операция в последний момент обратила план вспять и спасла тело, а не мозг?

Он давился сквозь бархатистые воды глаз, чья притягательная ячейка была утрачена навсегда; он давился из-за слов голоса *Путешествуй по свету налегке*. Он давился сквозь последний скрежет размола разрушающихся зубов, заячеенных на оси между валами — в этом было дело. Перемалывающее деление нездорового тела на нездоровое желание: он видел это в окне капсулы, подобно прицельной сетке, которую упустили — он видел, как

НЕЗДОРОВОЕ ТЕЛО НЕЗДОРОВОЕ ЖЕЛАНИЕ

тает в ясном стекле, и припоминал лишь размол, делящий нездоровое тело нездоровым желанием, включив полный привод по мягкому песку и твердой дороге, чтобы оторваться от наблюдателя в дюнах, тоже включившего повышенную передачу: но прочь зачем? чтобы найти по всем громогласящимся головным болям того тела последних выходных над желанием в постоянной ячейке хотения, отъехав назад к Проекту поименованному «Путешествовать по свету налегке», лишь пока это стало его затаенным желанием над телом, от которого эту желанную затаенность должно отделить.

Обратно к концу выходных, стало быть, к затаенному полю роста, Имп Плюс тогда подавился, словно бы не намеревался, словами *накопление CO₂*. А теперь из-за O, что было вокруг него повсюду. И в нем. Но связанное в брешь.

И сейчас, заново отращенный, но держащийся поодаль от сна, он знал только, что подавится, если не сделает еще одно. Но потом еще одно. Много. Вот в чем дело. Сделай побыстрей, а не то.

И посреди огромной бомбы железа, которая подобно его мультимикровзору казалась безграничной, а поэтому

незадействованной, он осознал, что она, к тому же, не как его зрение; поскольку железа не могла иметь фокуса: если не там, где она хотя бы происходила обратным фокусом в своем источнике. Так как железа посылала свой всеэнергопоток из того же старого центра, которым раньше был, а теперь не был мозг.

Однако больше: это различие между железой и зрением поворачивало Имп Плюса, как дыхание, к железе и ее полю его самого и обратно. Вперед или назад мимо оптического перекрестья. Там обесцвечивание уже давно превратило близлежащие волокна в бледнейший оливковый. Но будучи повернутым к цветочным колесам таких многих радиусов, он на миг своим зрением не увидел бы, что колесам не хватало ободьев и исходящих из центра спиц таких многих длин, растянутых на много цветов, закрепленных на мимолетный миг на осевых точках цветочных колес, но затем выстреливавших, как выдернутые стебли, или как длинные низкие животные с пластинами вместо мембран, скользящие в воде, водах всех полей разлива.

Видя, что странные слова *радиусы цвета* были истинными, он не мог остановиться, чтобы узнать, почему.

Поскольку различие, найденное им между огромной железой и мультивзором, обратило Имп Плюса к новому отличию. Оно было в веретенообразных Солнечных косах того, что было полуденными клетками, теперь послеполуденными. То, что он видел в замедленных Солнечных косах, выглядело вызванным светом млечного стоящего дыма его великой мысли, но также образованием того ослепляющего сгустка и губки света, пока ультрамикронные частицы отказываются от пружины своих ячеек и кляксных остовов. Откуда он знает *ультрамикроны*? Увидел же он то, что те Солнечные косы с обратным притяжением, испускающие лучи в поля его пространства, были косами двух Солнц, а не одного.

И новое было солнцем из него. Его собственным.

Солнце, что было им.

Раньше он видел его в частях и волнах, длиннее, чем у Центра, но короче, чем длинные локти и плывущие кости ног, которые были лучами великого Солнца, некоторые больше, некоторые меньше, но и те, и другие больше его собственной единственной разновидности.

Которым они подходили — и в чудесной косе углов, которые в последний раз давали ему темнеющее соотношение известного тела над известным телом, и телу под телом, под глазами дюны: потому на тот миг, который, как он узнает, был его последним и наиболее завлекательной давлением, он припомнил ее теплые волны и свои, свободные и неплотные, словно те тела не были утрачены для него всегда.

Стало быть, он знал, что то, что затем видел то, что пытался узнать раньше. Эта мысль вступила в действие еще до того, как он это узнал, и воздействие было толчком без источника, повернувшим его, как раскладывание слева и далее, или, словно мысль, которая заряжала его узнавать. Она пробегала сквозь сгущающийся гель и выдувала ультрамикроны с хрустом, обратным хрусту так, что они зависали вновь, рассеянные в пружинистых ячеистых сетях. И Солнечные косы, и разливы Солнца вновь двигались, хотя Имп Плюс получил передышку, зная, что вызвало перезарядку заряда. Поскольку этим оно и было, перезарядкой заряда.

И причина тому — встряска, бывшая мыслью.

Мыслью, которую он не только мог, считать собственным ростом, но и должен.

Однако его меняющиеся конечности разве не измышляли его?

Но запинка была способом говорения, слабым звуком того, как кто-то однажды говорил. Или того, как что-то отрастило имя.

И сейчас так много вытекало из нового состояния, что он мог лишь думать, что должен попытаться узнать, что он

знает. Серебряные линии — две — рисовали его мысль; но пока еще нет, поскольку теперь он думал бы только о Солнечных трубках. Трубки двигались вновь, или то, что было вдоль них. Он дышал.

Содержимое трубок разнилось.

Узлы-пакеты двойного Солнца были не всем, что сейчас мчалось вниз из его ясного подкожуха к грядкам растений. Что было не пакетами, было потоками другого. Точки внутри точек, какие сдерживали друг друга поодаль, но не защищали от его раскалывающегося взора. Который подступил очень близко или нет. В зависимости от чего, он не знал. Эта нехватка ограничения нехороша. Он подошел близко или притянул к себе трубки, но не знал, что нужно делать с тем, что обнаружил.

Поскольку это заставило его задуматься о себе. О постоянных ячеистых шестернях на прибрежной дороге. И он не вернется в ту густую смесь, что давила его в подобие подавленного. Но в этот раз, склоняясь к течениям в трубках, он бы не стал думать дальше них, до того, что некогда считал мыслью, с которой мог справиться. (Он не знал справиться.)

Поэтому какое-то время он видел лишь то, что видел. Точки орбит внутри орбит. Но одна точка или тело пространства повторялось. И единица была одной меньшей оболочкой орбит, зажатой — как? — между двумя слегка и равно большими оболочками орбит, чтобы создать больше пустого пространства в плотное целое кружащихся перекрестных орбит, где самые быстрые из тел на орбитах оставались ближе к двум большим оболочкам, чем к средней меньшей оболочке, однако так, что все три тела образовывали одно.

Он одновременно следил за обеими трубками. Ему нравилось это простое двойное движение больше, чем мириады радиусов, которые его зрение, если бы он это предпочел, могло заставить себя вынести. Поскольку некогда он думал о двух глазах, и как их линии встречались всегда в точке,

которую можно увидеть, как меловую линию, становящуюся эллипсом или яркими бледными зубами, освещавшими влажное лоно рта, приближающегося к фокусу его рта.

Но он не должен так думать, он должен видеть, что здесь было: что идущая вверх трубка из растительных грядок в его собственное существо вернула лишь часть каждого тела, какие сверкали, как он заметил, вниз по трубке к растениям: наружные части или орбиты, вращающиеся на орбитах, не меньшая оболочка орбит между: так что меньшая оставалась в растительных грядках, а бóльшая возвращалась: и если, когда идущая вверх трубка останавливала поток, он давился, то шедшая вверх приносила что-то, чем дышать: что не означало, будто немного меньшая, находящаяся между, орбита, оставшаяся в растительных грядках, не была для дыхания, хотя он и не знал.

Он сказал *ультрамикроны*. Раньше он знал.

От Слабого Эха, сейчас поглощенного.

Или откуда Слабое Эхо раньше знало. С Земли однажды. Ограды однажды — именно так — ограды вокруг ультрамикрон или из них. Все ультрамикроны были частицами его мысли, его великой мысли, из которой легким изменением заряда с мог на должен он сейчас продвигался, но тот рассеялся, приостановленный, и в точке превратился в гель в сторону давящей густоты, пока не изменил заряд на противоположный и не изменил на противоположное чувство частиц друг к другу: поэтому наоборот сейчас они держались отдельно, и эта рассеянная приостановка растаяла в его сущности — ни вверху, ни внизу, ни сзади — и ее больше не видели. Но что делало слово *ультрамикроны*?

Ультрафиолет он знал от Слабого Эха, но слово было альбедо, и его тогда проинструктировали вспомнить это слово; альбедо измерялось Операцией ПС. Но альбедо было прикрытием. Маскировкой, сказал Хороший Голос. И ультрафиолет был не только от Слабого Эха, он был и из инструктажей

Хорошего Голоса, и от Солнца, и они тогда говорили: невозможно увидеть его или С, которое вне Земного покрова, его ангстремы могли помочь принести — ангстремы — это лэнгли, еще меньше они относились к генри — Имп Плюс припомнил, что помнил лэнгли десятками — и если ультрафиолет был от яркого косами Солнца, С не было *Слабым*, но ультрафиолет поступил, как мысль в ультрамикронах, которые Имп Плюс мог видеть, и, возможно, видел раньше.

О чем Центр, несмотря на все его наблюдения, не знал. Но Центр сейчас не наблюдал. Или если наблюдал, то не через Концентрационную Цепь. Которую Имп Плюс выпалил из одной или больше складок. Хотя какая из висящих щепок с их входящими волнами укореняла Концентрационную Цепь, Имп Плюс не было нужды знать.

Но затем из окна, к которому он прикоснулся, не выглядывая из него, как чистый сон об изменяющейся шее или конечности, прикоснувшейся к этому, он видел сейчас назад через всю капсулу. Он видел, во что превращался тогда. Он помнил, что не понимает время. Он снова отвернулся от окна, в которое не хотел смотреть. Затем к нему пришли имена его частей, и он оглянулся на себя, где видел еще больше времени. Поскольку малиновый, вспыхивающий в кратких венах, которые он уже начал видеть всюду на себе при смещениях субстанции, и вспыхивающий в теплоте дня, изредка ночью, он теперь видел в темной растяжке тела моста, который наматывал слои поперек одной кривизны, что некогда было мозгом. Резкая малиновая вспышка напомнила ему, что он теперь не много видел малиновых вспышек. И видя, что это так, Имп Плюс, хоть и держа путь куда-то еще к двум серебряным линиям, которые не мог определить, обрел момент множества малиновых вспышек по всему себе.

Что было тем же самым, как он теперь видел, что и распространение ощущения его великой мысли роста, как раз перед тем, как она стала частицами, поднимающимися и падающими

в растворе, что из свободного со-равного распространения изменился до геля. Он знал *гель*, точно так же как раньше думал, что сможет справиться с той великой мыслью роста. Но как только увидел малиновую вспышку равно по всему себе, выравнивающую мысль, что на самом деле он не *видел* малинового, он увидел также, что одно малиновое, которое внезапно взбухло веной в конце моста, было таким резким, потому что оставалось в тени — тени его самого напротив окна, которое было между ним и Солнцем. Но когда он отклонился, удаляя тень, и почувствовал, как паутины клеток той кривизны расширились — что было тем, что он чувствовал, что было теплотой, — малиновый не вспыхнул.

Он смотрел больше, и в конце концов не видел, поскольку зрительные мембраны расширились. Поэтому он решил, что столь пристальное смотрение уже сделало центры в каждой из них, как насаживающий электрод, и каждый центр расширился.

Нет: то есть, он заглянул в плоть движения и эластичные прицельные сетки клеток, и еще ближе: так что в проход вышла новая разделенная цель, и он обнаружил, что падает, словно мог видеть будущее, так пристально глядя на плоть клеточных стенок; и в тот миг он понял, что падение как зажимание в своем стремительном пике, как прежде густо было давление, и он чувствовал себя вывернутым и выдернутым обратно на конец эластичного рукава или сухожилия глазной мышцы, которое он затем не станет искать.

И боль ему напомнила.

Но о чем?

Что он был *внутри* ванны из эластика. Сделанной для него эластичной кожи. И боль напомнила ему об обвале-обрушении и о себе самом — хотя насчет себя он не был уверен и выяснить не пытался.

Ему напомнили об обвале-обрушении, растягивании над пустотой, которой он не знал, пока ее не пересек и не увидел,

что оживил ее, чтобы наполнить, поэтому он увидел то, чего не смог раньше сделать, когда устремлял свой микровзор так глубоко в свою субстанцию, что за глубиной добрался до потенциала. Увидел, что не мог тогда сделать. Увидел, потому что манящий проход предложил ему впасть во всю последнюю возможность. Увидел еще и потому, что части здесь в этой капсуле, части наколотые на его взор, части, чье вещество было зажжено его косами и излучением его Солнца, очистили его от себя. В микровзоре было больше силы, чем ему ведомо. Удерживала его. Смуглые пальцы с золотым кольцом, очистившие рукав, чтобы указать на точку. Шприц. Но здесь в пространстве только он мог выполнить эту работу, больше никто.

Его работа — проникнуть: он должен (он видел, что должен) сказать, что сделал, — очистить и проникнуть сквозь микровзор к таким своим мельчайшим недрам, что он отвернулся в сторону от всего того, чем теперь был.

Хотел ли он это так видеть?

Глядя, он не знал, что сказать. Он больше, чем просто растянул и проткнул эластичную кожу, которую Проект разработал, чтобы его завернуть; он вывернул ее из себя. Глянец, что у него теперь был, не был той кожей, которую Проект ПС подогнал под него. Та кожа в нем расплавилась.

Глядя, он не знал, что сказать обо всем том, чем, как он видел, он был, чьим ви дением он также был.

Где однажды были четыре бредения или ложношири, буротвестни или морфогены, деление сделало многих, а многих одним. Увидеть он должен был лишь то, что его единственным твердым центром было то, что его огибало: сфера капсулы. Эта дуга была присоединена к кожуху растительной трубки, под которой некогда был мозг с двумя проводками с толстой серебряной изоляцией, ведущими из продолговатой коробки, закрепленной сверху у переборки капсулы, напротив окна, рядом с которым Имп Плюс сейчас пытался расположиться

и ограничить свой взор. Что такое бредения, ложношири, буротвестни, морфогены?

Четыре разновидности его тела и его самого.

Слова, вспоминающее другие слова, но новые слова для того, чем он стал.

Он наблюдал, как его обода смягчались и все вместе поднимались, чтобы держать: но держать было нечего, думал он: но как только он это подумал, один огромный обод субстанции взгорбился в несколько овальных удержаний.

Буротвестень с янтарной чешуей подскочил вверх по его существу, в то же время оставив свою нижнюю надставку там, откуда она и пришла; и он увидел что этот буротвестень, у которого были ниспадающие и обхватывающие края и, словно ночная прозрачность ложношири, которым тот однажды был, прыгнул к самой переборке послушать у пульта, откуда выходили сильно обмотанные провода. Пульт управления.

Но если сейчас бредения были одним, что Имп Плюс узнал, спустив морфоген с каждого конца оси, видимой в одной из частей бредения, что бредение однажды было многим, и в некотором смысле по-прежнему был. Многим чем? Он чувствовал, что не мог сказать, поскольку *видеть* было нуждой или следствием сказать: многими *портами*. Но три, четыре или много бредения превратились в их собственное движение.

Ему нужно было видеть свое существо только таким, каким оно было сейчас; поскольку в подъеме и падении его стекловидного глянца мяса, производя волну вокруг или потом через и обратно в каждом контуре, спирали или скосе текущего прерывания и множества скосов, каких он пока не знал, пока потом в падении или подъеме не узнал, что уже был готов, он обнаружил себя полным того, что было раньше.

То есть, где поле нашло способ стать досягаемостью, или досягаемость нашла способ узнать свое отличие от переборки, кожи или излучения, которого оно касался, и тем самым склонил ось досягаемости поперек себя, чтобы пойти в стороны

и влиться в предел достижения, так и предел достижения вдруг стал подвержен разрыву и взятию, и бытию своей собственной соседней плазмой, он увидел, что воспоминание об обвальном жжении и трещине крови не склонили его видеть.

Он видел предыдущее склонение, какое достаточно присутствовало, чтобы врасти в себя. И видя это не далеким прошлым — более ранние стягивания и растягивания, темно-красные или бледно-зеленые зыби, больше градиент, чем движение, поворачивание сетей микроорбит поверхности в шелковые пленки, чтобы видеть Солнце, однако облачные шелка, чтобы его замедлить, — Имп Плюс должен склониться прочь от момента тех ближних воспоминаний; поскольку они ему предлагали соскользнуть прямо вниз по оси расстояния во все очертания Земли, которая теперь не могла быть его, и давили его в словах, которые ему бросали, тени того, что он видел и кем был, и что он подразумевал сейчас вместо того, чтобы видеть и быть, здесь в себе — то есть вдали от Земли.

Поэтому конечности посредством склонения распростерлись к другим вбок и не были конечностями. Поэтому соединенные так и, значит, мнимокажущиеся тела видели свой путь ясно, чтобы затем распространить свои мембраны через все тело, какое, казалось тогда, считало себя равноудаленным от всей капсулы. Поэтому больше могло казаться меньше в досягаемости содвижения — чтобы лишь потом разбить свой ответ Солнечному излучению на все длины волны: так что вдоль мембранных длинных красных, кратких синих и фиолетовых или средних зеленых, но, страннее, также неизвестных средних золотых, которые тоже были повсюду, одна быстрота взора тем самым делила, выдавала все частоты.

Но частоты чего, он не был уверен.

Малиновая вена пришла и ушла так быстро, что начертила спираль, и так быстро, что кажущаяся спираль выглядела как две, и другие в синхронных полях или кажущихся хвостов брошенной вперед необходимости приблизились к тому, что

тогда, казалось правильно приблизилось. То был не столько рост, сколько движение. Не столько подвижка, сколько склонение градиента.

Формы дыханий менялись круг за кругом, но продолжались, продолжали меняться.

Он не добавлял к себе, как раньше.

Разве что обнаружил, что когда дыхание крупнее и переыщенная перепонка среди многих проходящих конечностей увенчивала дугу капсульной переборки, чтобы почуять въедливое общество их мысли, сокращение всегда было возможно, что было таким же ростом, как и все те добавления.

Которые пропали с обвалом-обрушением и венами-вспышками малинового.

Но сейчас с бóльшим изменением, чем добавлением, и бóльшим движением, чем изменением, малиновый продолжался в ярком сердце позднего дня, который был многими днями, и теперь, когда Имп Плюс пришел к мысли об этом, малиновый погас ночью, когда настал холод, или Центр сказал, что он настал. Но что было холодом?

Борт — единственный борт с новыми порами сырости — единственный борт на данный момент (побыв крылом, шейей, пальцем носа) — свернутая сейчас вокруг одной растительной грядки, приняв продолговатые углы кожуха. И в тот миг бурой тени Имп Плюс увидел дрожь скрутки под млечной оранжевой мембраной и почувствовал во всем своем существе частичную утрату Солнца растительной грядкой. Но он чувствовал это в уютном завитке дрожащего сладкого запаха скрутки, которая была смехом, как он помнил, вверх по позвоночнику, которого у него не было.

И из влаги этого железо-теплого, охлажденного тенью объятья гигантского микронезийского моллюска, который незаметно кормился жаждой жадных до света водорослей, растущих внутри него, Имп Плюс выбрал открыться. Но перед тем, как он смог так сделать, он увидел конечность

себя не в пластиковом кожухе, которого касался, а в какой-то субстанции под грядками. Что это было?

Однако борт или конечность замедлилась до оранжево-красного, подобно мерцанию оптического перекрестья время от времени, и борт удалился со всего прозрачного кожуха так медленно, что Имп Плюс понял: это было то, чего он раньше так хотел.

Посмеяться над гигантским моллюском, которого кормил его собственный язык огорода? Однако тем самым соскользнуть по дождям расстояния не к морям Микронезии, содержащим сине-зеленую зону посадки, а к побережьям буревестников, каких он не мог достичь.

У него был другой ответ. Дрожь бурого над опытными грядками. Затененными в прохладе его флангом. Сама дрожь, да, проверяемая самой медлительностью его изъятия. Проверяемая, чтобы увидеть, была ли дрожь прохлады в этих конкретных грядках водорослей там, где он раньше думал.

Трубки между ним и водорослями сияли действием.

Это не должно останавливаться.

К растениям в одной трубке от него самого бежали две разновидности: первая — вращающиеся единицы, каждая — маленькая оболочка микроорбит, удерживаемых между двумя равно большими оболочками микроорбит; и вторая, веретена — веретена, ткущие по касательной узлы излучаемого солнца.

Солнце, как он сначала думал, дико сияло, потому что это было великое Солнце, пойманное в трубном пути, затем позже потому что это было его собственное солнце, излучающее силу на фоне своего растительного странствия; но сейчас Имп Плюс видел, что веретена были его собственным солнцем, бомбардирующем ясный тракт трубки к растениям, чтобы переплестись косами с потерянными узлами Солнечных излучений, и затем он обнаружил, что в гонке к растениям некоторые веретена-радиусы и впрямь рисовали другое Солнце в трубном пути, чтобы переплести косу, в то время как

некоторые делали это, добравшись до растений, а некоторые другие из красных и янтарно-золотых веретен-радиусов его мириады не переплетались, а, достигая растительных грядок, обдавали водоросли мелкими брызгами, нарезая зеленое и свет из влажных растений на круги, которых он прежде не видел до настоящего момента и не хотел останавливаться, чтобы о них поразмышлять.

Разве чтобы увидеть, что красные и янтарно-золотые частоты этого его солнца можно было долгое время наблюдать через растущее рассеивание некогда центрального свечения некогда пламенной железы.

Ему было все равно.

Мысль пришла внезапно.

Настолько, что движения бредений возросли до неуклонной спирали, словно бы скорость изменила разновидность. Потом ему стало все равно.

Но спираль колебалась. Мысль об этом окрашивала свою причину, как радиус размахивающийся и замирающий, размахивающийся, замирающий, так что, видя себя целиком, он мог сказать, что он один, а значит, связи ему безразличны. Центр сказал бы: «Это словно морская звезда становится подковой радуги, бесперая птица становится железой, тело становится орбитой». Но Центр не узнал бы, что уже случилось.

Въедливый Голос приводил доводы против видеоисследователя внутри капсулы.

Имп Плюсу было все равно. Им раньше нужна была форма жизни, чтоб ее поддерживать, чтоб можно было позволить ее потерять. Мозг, становящийся информацией.

Он и безмолвное Солнце свернулись, чтобы обмануть их, в этом ли дело? Ему было все равно, но он не мог успокоиться. То, что он видел здесь, раньше причиняло ему боль.

Стоило ему.

Он дал своему взору размножиться. Потому янтарно-чешуйчатый буротвестень в своем полуостровном прыжке

запнулся, или казалось, что запнулся посреди прыжка, и уронил длинные поля синей ткани, что вернулись к более вялым и производительным ложноширям, как нейроны к ранним себе, в то время как морфогены, заскочившие на, но как раз от осей бредений, коснулись прыжков буротвестня и гатей ложношири, чтобы нарисовать их среди бредений.

И бредения в плотности своих спиралей вверх и вниз, однако также и под полным досяганием мультивзора, власти которого уступил Имп Плюс, собрали излучение движения в постоянство, как его собственная орбита: или, за предела-ми его орбиты, возможность, о которой он желал не думать.

О которой желал не думать.

Был, кем был. Для Центра, для Проекта «Путешествовать по свету належке», для Хорошего Голоса.

Желал, он желал ранее. Так, чтобы им не пришлось о нем думать. Что вело к возможности, о которой он желал не думать.

О которой желал не думать.

Но думать или нет, он должен был видеть, что сейчас происходит. Почему он должен был видеть, почему уделять внимание? Слова застопорились в противофазе, и его субстанция могла бы стать морфогенами, свободными от осевой плазмы бредений, поскольку он почти видел себя — само по себе изменяющая мысль — целиком разделенным на все возможные части, делитель и делимое.

Но лишь почти — или в этом ли дело? — поскольку то, что происходило сейчас, выглядело как сила «почти».

Поскольку ультраточки повсюду стояли друг с другом, вихрь, но не встречаясь. Поля точек. Имп Плюс знал поле. Поля склонялись вместе, как поверхности возможностей, но ультраточки не соприкасались, они держались поодаль одна от другой, хоть и близко. Имп Плюс пытался узнать, точками чего они были. Он сказал себе, что они у него в уме. Но когда он еще раз ограничил источник своего зрения гребнем оптической мембраны на позвоночнике буротвестня, мембраны,

которую он еще раз установил рядом с окном, и поля были еще тоньше и больше походили на простыню, чем прежде с мультивзором, но теперь было видно, как они пересекают друг друга, он знал, что видел эти поля задолго до приостановленных ультрамикронных млечного дыма великой мысли, и считал эти поля тенями света.

И тени, сейчас подумал он об этом, из тех частиц его собственного солнца, какие не переплетались с великим Солнцем.

И так они все еще, возможно, были.

Но видя из широкой длины своего остановленного луча мембраны буротвестня, он видел многие из этих полей, поступающие из одного поверхностного источника, высоко над которым висела плавающая изгнанная щепка-электрод; и эти поля ультраточек струились вперед оттуда в форме конуса, и он был волютой, потому что закручивался спиралью в бесконечно незавершенную воронку — пока не отломилась и не сплющилась, а за ними другие. Но сейчас Имп Плюс увидел некогда спрятанный провод, что бежал из кожуха насоса и растительных трубок на мозге — или том, что раньше было мозгом — через кору головного мозга к этому месту-источнику воронкообразных полей. И в этом месте, на том, что прежде было корой головного мозга, та щепка в воздухе наверху некогда застряла.

Эти поля заряда, стало быть, поступали из открытого провода, шедшего из трубок питания на мозговом ободе, кожухом ведущим к мозгу. И заряд провода поступал из плотно заизолированных кабелей, уходящих в подкожух через краткое пространство из пульта на капсульной переборке напротив окна. И теперь он знал пульт. Прежде он слышал эхо в гигантской оболочке места, где Хороший Голос показывал, где именно грани кожи ИМП узко-панельных приемников Солнечных элементов-клеток питали в капсуле внутри пульта. *Шина*, назвал ее голос, уже сказав: «Давай, осмотришь хорошенько, это все твое, загляни внутрь». И гигантская комната — со-

оружие, назвал ее голос, — отдаваясь эхом на мели вокруг капсулы ИМП, зажала ячеистые волны оболочки клапана на Имп Плюса, но возможно также и на Хороший Голос, так что Имп Плюс пожелал быть наедине со своим желанием.

Что привело не куда, а как: или так он раньше думал, не зная, что будет думать о своем росте и быть отдельно от Центра в случаях более любопытных, чем он сам бы предвидел. Потому постой: тот давящий гель великой мысли, что он мог подумать о своем росте, остановил не просто двойные струи в растительных трубках, но и насос в форме диска внутри подкожуха, и насос не начал вновь, пока приветственный заряд не пробежал сквозь загустевающий гель и не выдул ультрамикроны, или чем там еще они были, чтобы зависнуть, растворяясь и рассеявшись, в сетях пружинящей работы.

Но постой: то, что остановило насос, остановило и то, что им двигало, и то, что двигало, должно было быть ваттами из солнечных элементов-клеток в огромных панелях, установленных снаружи с приемником альбедо и инфракрасной камерой.

Он думал, что хотел не думать об этом. Это вновь вернуло Центр, который сказал: МАКСИМАЛЬНЫЙ ЗАРЯД В АККУМУЛЯТОРЕ. ГЛЮКОЗА РАСТЕТ. Это вернуло и Хороший Голос, который уже сказал — не «Суета», какое поступило позже от женщины, причесанной и на мели, а — «Ты ведь не хочешь длиться вечно, не так ли?». Это вернуло Центр, сказавший: ЧТО ТАМ НАВЕРХУ ПРОИСХОДИТ? и, думая, Имп Плюс слишком долго длился. (Хотя как долго? Или насколько слишком долго?)

Он был одним.

Хорошо это или плохо.

Солнечные косы, крутясь вдоль внешних линий обтекания и маршрутов бредений и через поперечину припухлостей-губ ложноширей, их поры поблескивают поздними минеральными корками самой силы огромной железы, видимой повсюду и в этой поздней корке, и в очертаниях сияния. И его собственное солнце медленно распылялось в группах частиц. Ему

навилось, что они медленные. Они причиняли ему боль. Наверняка.

И он любил функции зрения, вкуса, мысли, запаха и случайностей желаемых и хранимых в памяти. Любил извержения морфогенов, спаренных теперь в обоих концах многих перекладиноподобных осей — не вдоль движений бредения, а вдоль ложноширей, которые, казалось, тем самым упорядочивали ниспадающую бахрому своих позолоченных скрадок и меняли свою медлительность в темных буротвестнях, один из которых, с двумя морфогенами, снова и снова завивающихся луковицей в плоть, что стала матовой, вновь потянулся вниз объять теперь два соединенных кожуха растительных грядок. И Имп Плюс знал, что не мог даже хотеть остановить то, что, как он также знал, может привести его к тому, почему он держался поодаль, отвернувшись, от великой мысли, которую мог считать своим ростом.

Поскольку тень над грядками водорослей и анабены кидала его в озноб, сокращала бредения, заволакивала корки силы, что посверкивали из пор ложноширей. Но больше всего — веретена-радиусы его собственного излучения мчались сквозь него к трубке к растениям, словно бы против чего-то, настолько на них похожего, что он не видел других движений. И сейчас стуки морфогенов резко вырвали тот растущий буротвестень из его объятий, чтобы по контрасту проверить, что сделала тень-озноб; поскольку Имп Плюс видел, что течения в растительных трубках вновь изо всех сил неслись, так же как и насос в кожухе того, что было концом, обращенным в мозг.

Поэтому насос замедлился, когда растительные плантации утратили свое Солнце. Но частицы излучения, уже не сплетенные с великим Солнцем в косы, мчались сквозь Имп Плюса, чтобы добраться до трубки к растениям. Но если насос — сосущий что? — получал свою энергию через цепь вольтжа из солнечных элементов-клеток, единственное

что могло замедлить его работу (или остановить, как он остановился, когда Имп Плюс давился), — это изменение в той энергии.

Потеря энергии пришла с утратой Солнца, когда Имп Плюс уже затенил растительные грядки. Лишь одно соединяло эти две утраты: гонка расплетенного излучения сквозь все части его, включая части, где лежали секции кабеля шины из солнечных установок, закрепленных снаружи.

Сияние было лучами, было яркостью, было его собственным солнцем. Но в облучении его обещания он не знал, что это будет, это его солнце. Гонка излучения, но гонка с препятствиями к трубке к растениям.

Со своего угла у окна, глядя внутрь, он думал, что видел, как волны передач перестали поступать во все висящие щепки, кроме одной. Однако другие щепки, возможно, остались. Мелкие, глубокие. Если глубокие, то, может, сейчас мобильные во всех струях и перекрестках его работы. Которую, как он обнаружил, сложно ощутить без мультивзора, которым он пытался не пользоваться.

Казалось, больше, но оно казалось медленнее. Гонкам к подкожуху, чтобы проникнуть в трубку к растениям, веретену-излучениям его собственного солнца, казалось, мешало одно — отравка: пока Имп Плюс не увидел, что это была старая излучающая сила из некогда пламенной железы, которую он пока временно не находил.

Он обнаружил, что его микровзор врезался в действие, и обнаружил, что прилив железы повсюду вновь пульсирует частицами и так тонко заячеен, что он понял, почему у его веретен-радиусов такое преодолевающее сопротивление, чтобы продохнуть себе путь, и как он видел заряженные и отклоняющиеся решетки прилива, сквозь которые лучистые веретена-радиусы пробивались с боем, он едва понимал в начале всей его боли, которую когда-либо знал, что сейчас жгла целиком в дыхании за дыханием, пульсацией уносило

само его имя — едва понимал — что частицы прилива железы, хоть и бесконечно малые в сравнении с веретенами-радиусами, были во всем остальном и повсюду идентичными и теми же самыми.

Этот поворот — это движение или ум — вошел в него не из места-источника, вроде того, что в воронкообразных полях; он поступил по всему нему сразу; так что он почувствовал себя равным себе в то же время, когда ему больше некуда было повернуть.

И в этот миг он попал в ловушку мультивзора, что ощущалось не ловушкой, а наоборот, поскольку было не остановкой, а проходом, хоть и просеянным сквозь решетки и решетки, внутри и снаружи. И он не мог отодвинуться от одной решетки, закрепленной как кристалл отравы, добравшийся до него.

Пока не увидел, что это была Земная ограда.

Внутри было одно, снаружи другое.

И ограда с красной табличкой о высоком напряжении сообщила ему, что здесь, в капсуле и его существе, серебряная изоляция на кабеле солнечной энергии тогда не была достаточно сильна против решеток его собственного поля, его радиусов, ищущих применения.

Его просеивало назад и вперед сквозь ограду, но боль ушла в его знание, что он был оградой.

Если он отравился решеткой, то он ей стал. Растворился, воссоздался.

Это было жестко, и ему была нужна помощь, но она у него уже была.

Он жестчал, но не давился.

От давления его спасло то, что он должен измыслить свой рост. Но в последнее длительное время он не вырос. Он раньше двигался, тянулся, сокращался и держался. Но не увеличивался.

Однако шансы дальнейшего продвижения вели к шансам. Озноб от растительных грядок сообщил ему, что он был их

частью. Ребенок закашлялся в зимнем дыму. Пряди ослабева-ли и натягивались в углу глаз, краснели, когда тепло, а затем эластично возобновляли свое рентгеновское дыхание. Слепой продавец газет сказал, что мог быть растением. Въедливый Голос сказал такое, что не было плохим. Имп Плюс видел, что он сам был микронезийским гигантом с водорослями вну-три — хотя почему не бурями от Солнца? — но если большой моллюск мог раскрыть раковину своей приводящей мышцей, то он не мог увеличить свою капсулу.

Он устал, но ему было тепло. Слова напомнили ему: но почти ни о чем: затем позвоночники буротвестня притянули зыбь морфогенов по всей их длине, как руку под покрывалом, и Имп Плюс увидел, что, хоть и без губ, он уже рассмеялся.

Там было больше веретен-радиусов, но не больше его. Ве-ретена-радиусы выявили, что сплетаются наравне со струени-ем излучений, облучающих из Солнечной предвечерней руки.

Он должен зацепиться за растение, животное или себя. При дневном свете он знал, что водоросли, анабена и другие растения работают с тем, что поступило к ним для работы, и что-то вернулось по трубке вверх. Ночью темнота над растениями должна была его знобить, но не знобила. И пока насос уже замедлялся или останавливался, когда растения были темны, и когда насос уже остановился, он подавился, в то время как он давился, насос останавливался — он не давился ночью. Ночью глюкоза и другие признаки жизни были высокими. Но кабель из шины солнечной энергии шел к насосному кожуху — насосному кожуху? — морфогены прибили зыбью медленные ложношири, а потом бредения всколыхнули волнами живые наросты морфогенов — он сме-ялся — поэтому, озноб или нет, насос качал ночью энергией Солнца, накопленной за день. Но Центр прежде сказал, что ночью электричество оставалось на максимуме.

Он должен думать ростом, но что происходит сейчас, он должен наблюдать.

Рукав вращающихся на орбите Солнечных кос сжался вокруг кабеля в серебряном чехле и стал жестким. Насос приостановился. Рукав отлетел медленно в сторону. Насос продолжал.

У него была сила. Поэтому он мог себя убить. Возможно, с помощью.

Бредения повернулись медленнее, и бледная решетка пустоты совершила движение, обратное бредениям. К нему пригонялся некий новый возвращающийся центр.

Он чувствовал себя повсюду зарешеченным. Чтобы этому противостоять, он двигался. Но лишь охватил рукавом кабель и увидел, как воронкообразные поля заряда прекратили разбрызгивание из открытого конца провода из насосного кожуха, куда поступал солнечный кабель.

А потом насос не остановился.

Поскольку, хоть и не зная как, он теперь знал, что энергия могла исходить из него, почему ночью солнечные батареи и не теряли ток.

Он обнаружил, что уже это знал.

Рукав отпустило, и солнечный контур перенял, но излучающие частицы орукавили это, чтобы показать ему, что он наполовину знал. Он знал *наполовину*.

Но должен знать больше. Должен знать, что внизу в растительных грядках отражало его конечность, когда та лежала, касаясь кожуха растений.

Раньше он знал *ультрамикрон*, и думал, что не узнал это от Слабого Эха или Въедливого Голоса. Огненная ограда была им самим, каким он был раньше, а инженеры проекта справлялись с ним в лайковых перчатках, поскольку его следовало подключить к их системе, а затем израсходовать. Но он тоже их использует.

Он прежде смотрел на вросшее тело рта на бороздках и дугах языка, инкрустированного бархатными сосочками клеток светового приемника: он видел, что прежде был точ-

кой пристального, незнающего взгляда наблюдателя в дюнах, поскольку Имп Плюс тогда смотрел в ее рот — ее, не ему, но как ртом озвучить разницу, ведь была же разница между ее рот и рот ему? — и он знал тогда, что на следующей неделе не убоится утраты на операционном столе: знал, что так, как его микровзор поступил к нему делением на деление, незнакомое желание, пришедшее к нему тогда на пляже вместо страха, поделило свой долгий пропуск, чтобы отступила боль обваливания, знание, что содержало боль, и длительное деление тела-мозга по своей воле, чтобы отступило то, кем он был и будет.

Но которая воля?

Он должен знать больше.

Электрическая энергия опять разбрызгивалась в его субстанцию. Она разбрызгивалась из открытой линии под висящей щепкой. Он видел, что его новое существо — несмотря на все свое загрязнение и отраву — было решеткой, способной принимать эти разбрызги великого Солнца, с которым он был заодно, и направлять их туда и сюда.

Но он не знал почему, стало быть, медленный, медленный буротвестень дотянулся и, в своем отвердевающем состоянии неспособный разделить свою цель на пальцы, навел щепку-электрод вниз к открытому проводу, где провод лежал частично на том, что когда-то было левым фронтальным складом складок, будь там тогда или сейчас кто-нибудь, чтобы отвернуться от луковицеобразного кончика мозжечка и тем самым иметь левый и фронтальный. И Имп Плюс знал, что там, где щепка должна быть вживлена заново, находилось не только место-источник воронкообразных полей в том, что раньше было корой головного мозга; это было также местом Концентрационной Цепи.

Что значило, что Имп Плюс снова будет на связи с Центром.

Если Центр все еще разговаривал.

И если, что ближе к сути, то это была Концентрационная Цепь, чей провод под напряжением из насосного кожуха простирает солнечный ток кабеля.

Но, нацеливая щепку вниз в эту зону, буротвестень разделил спуск. Разделил не столько на этапы приспособливания, расстояния или ночи времени, что он утратил среди все больших и больших глиальных клеток, а разделил его одно-временными вниманием повсюду.

Потому на спуск потребовалось время. Как стадии в орбитальных экспериментах давным-давно. Эксперименты? Рост образцов периодически задерживался химикатами, чтобы рост можно было исследовать.

Другой буротвестень, не такой сведущий, как тот, что был вовлечен в перевживание электрода, запутался в бредущем движении и обнаружил, что его изображение теперь темнее в грядках хлореллы. Два морфогена проскользнули с видом поцелуя-засасывания из медленно-катящей ложношири, чья ресничная бахрома излучала сообщения вокруг Имп Плюса. И когда морфогены, подобно мышцам или спазмам, ищущим мышцы, присоединились к буротвестню, они рылись, чтобы выпятиться как раз тогда, когда Имп Плюс обнаружил давление буротвестня на щепке, кристаллизованной в хватку:

чьи зубцы были морфогенами, вытыкающимися из плазмы, к которой они только что присоединились.

Которая, как медлительность бредений над отражением в грядках хлореллы, заставляла все это казаться тяжелее. Ему не позволяли, как он думал, видеть это все. Не позволяли также самой равностью чувствовать себя целым размышления повсюду; не центрированного. Он держался поодаль от целого вида своего нового существа. Но теперь уже не станет. Однако чтобы зацепиться за то, что у него было, он должен продолжать быть бóльшим; и чтобы удерживать то, что уже развернул и имел, он должен знать, чем было то, что он знал. Через него прошла волна. *Альбеда. Сальмонелла. Ультрамикрон. Оптихлорелла. Поцелуй дыхания.* Его внимания обнаружили не один источник-место слов, но его буротвестень с костлявой хваткой морфогенов прижал щепку ближе туда, где ее однажды вживили в складку, которая расширилась. Раньше он был головаст на фигурные числа, раньше он знал *ультрамикрон*, ощущал, как яркие клетки его языка покусывал рот существа, сказавшего «Суета»; и он тогда ел оливки с Въедливым Голосом, который передавал косточки из своего рта, заставляя их исчезать в кончике большого пальца, сжатого в кулак.

Сквозь дни и ночи синхронной орбиты, что придерживалась Земли, как круговая стрелка придерживается циферблата, приделанного к ней, Имп Плюс раньше боялся Земли; поскольку мог утратить дыхание так, как утратил вес. Невесомый, он тогда рос все больше и больше.

Больше невесомым? Все больше слов поступало отовсюду. *Местоположение. Cada⁶. Templadas.* Однако поступало от местной ложношири, разделяющей и разделяющей бесконечное пространство из опускающегося электрода туда, куда его нацелил буротвестень.

6 Каждый (исп.)

Невесомый, он набрал. Как и бактерии сальмонеллы много лет назад, что размножались быстрее невесомыми.

Но он до тесноты заполнил капсулу самим собой, и хоть Въедливый Голос создал больше пространства, отговорив Хороший Голос от дополнительного веса бортового видеомонитора, Имп Плюс знал, где он наберет вес: Земля даст ему вес.

Поскольку, если бы Земля сделала его меньше, все-таки если бы Земля его тогда не вычла, рост был бы нулевым.

Вычла его из себя самого. Разделила его на себя. Но выбрала его, потому что он выбрал себя.

Проект достался ему, потому что он достался проекту. Известное к известному. Стать его ультрарадиусом, описывающим неизвестное известными. Описывая эллипсы, выделяющие молоко Солнца и спиральные косы, и морских птиц, отражающих тени, что в теплый день вспыхивали малиновыми дротиками, но вспыхивали нечасто холодной ночью, которая сейчас опять настала как пульсации деления, мешающие спуску щепки.

Пока буротвестень не должен запросить это деление: и блеском новейшего конуса или дельты, разбрызгивающих заряд сквозь него из открытого провода (и на вид не отличаясь от заряда, выпущенного химическим током, впрыснутым между нейронами), и подобно жизни, для поддержания которой он сказал себе, что не нуждается в капсуле, способной менять размер, — буротвестень затем проследовал с помощью теперь прочно-стиснутых морфогенов, чтобы прицепить щепку обратно на место в заряженной поверхности.

Поскольку в то мгновение Имп Плюс уже видел повсюду то, в чем отражалось отражение бредущего буротвестня. Это было его находкой. Его открытием.

Центр говорил слова. Слова, которые он уже слышал. Сам голос достался в память — подслушал? передал? разделить каждое — ПОДТВЕРЖДАЮ ИМП ПЛЮС В ЧЕМ БУДЕТ ПРЕИ-

МУЩЕСТВО КАПСУЛЫ СПОСОБНОЙ ИЗМЕНЯТЬ РАЗМЕР, И ВНОВЬ ПРИВЕТ ИМП ПЛЮС ВЫ БЫЛИ НА МЕСТЕ ДОЛГО НЕ БЫЛО СЛЫШНО. ДУМАЛИ ВЫ НАС ПОКИНУЛИ.

Но что было его открытием?

Морфогены выставили из буротвестня большие пальцы, непротивопоставленные, негибкие и вместе, и они также конвульсировали буротвестня. Имп Плюс чувствовал симметрическое отвердевание в буротвестне с морфогеном, но также в том другом буротвестне, что снова был над растительными грядками и в других темневших формах. Он сообщил о показаниях датчиков кислорода и глюкозы как стабильных и об отсутствии недолжного скопления CO_2 . Имп Плюс думал, что ответил Центру, не выдав Центру свое открытие.

Открытием была вода.

Он припомнил, как говорил вода, видя, как вода падает, настолько плотно связанная, что, хоть она и сплющивалась в диски, но била землю, как бомбы. Но открытие было больше того, в чем отражение было отражено; то было открытие времени: времени истекшего, времени возможного. Времени впереди в солнечном ветре, от которого не было укрытия.

Бредущий буротвестень обнаружил длину своей мембраны поблескивающей не в пластиковой крышке над водорослями, а в воде.

Суета, поступил растворившийся голос из соленой воды Земного моря.

Не этой воды. Эта вода была открытием Имп Плюса. Вода.

Вода настолько глубокая, что он впервые задумался о том, как мало от него осталось, когда стало слишком поздно отвечать тому голосу из открытого рта: *Суетное животное.*

Вода к тому же глубокая, учитывая все плотные часы, проведенные здесь в сезон пространства, который Имп Плюс припоминал, как затмение Земли.

Запросы, насколько давнее действие фермента в хлорелле.

Запросы, которые теперь выглядели как проверки про-

сто-напросто на бдительность чудака, брошенного с шансом оголодать. Время теней, бóльших, чем птицы. Тел, бóльших, чем тело. Смещений настолько новых, что не было слов их выразить. Поэтому он лишь отвечал великому Солнцу каждый день и отвечал при работе растительных грядок в ночное время, а виды и сети общинных и независимых люменов менялись сквозь темноты, что, в свою очередь, заменялись люменами.

Но времени возможного. Так как Проект ПС тогда запустил его с водой, какой хватило бы лишь для того, чтобы дать растениям шанс на сражение за то, чтобы их исследовали лучи. Солнечные лучи, свободные от давящей пленки Земли, однако тонко зарешеченные новыми гигантскими молекулами, построенными специально для этого минерального окна ИМП.

Лучи также большие, тяжелые и неизвестные.

Но вода. Сколько ее могло быть спустя сколько времени?

Буротвестень восстановил щепку и перед тем, как он вновь нашел свою грядку, щепка уже говорила.

Запрашивая и снова запрашивая Имп Плюса проверить кислород. Будто бы у Центра не было своей телеметрии. И запрашивая Имп Плюса, словно почти многие годы или дни и дни не запрашивала о частоте и орбите.

Но перед тем, как Имп Плюс смог сказать СИНХРОННАЯ или услышать, как Центр сказал ОТКАЗ ИМП ПЛЮС, ПОВТОРИТЕ ЕЩЕ, и до того как Имп Плюс смог припомнить, что маскировочная крыша орбиты вполне отличается от синхронной, и до того, как он смог сразу увидеть, что Центр подозревает чужого исследователя, Имп Плюс увидел, что несколько мгновений назад он передал рутинные показания глюкозы и кислорода даже раньше, чем буротвестень и его костлявая хватка вживили щепку. Щепка уже разместилась над своей грядкой в стороне от потокового конуса неплотной энергии, выходявшей в субстанцию его самого, для которой у него еще не было имени, но которая, как тот, кто припомнил

ультрамикроны и ограду с красным знаком, извещающим его, что он умрет, как он додумался, была решеткой, выступающей кристаллом в солнечных элементах-клетках, установленных снаружи. Слово было *решетка*, он тогда получил его все заново и сейчас, так, что оно направило его к Земле.

Он хотел держаться поодаль от ограды. Однако она ничего не могла с ним сделать, поскольку он уже был оградой.

Он должен увидеть воду. Он должен войти в нее. Он должен быть в растениях. Видеть, что там уже сделало Солнце. Он упорствовал в этом. В этой мысли. О том, что Солнце уже спасло его, как он и планировал.

Его части по-прежнему посылали малиновый сигнал, но не часто. Но они не увеличивались в размере. И они собрались в состояние, какое не походило на движение; однако это могло быть, потому что, не больше, чем он мог переформировать частиц того гипоталамуса, что назвало Слабое Эхо, мог ли Имп Плюс хотеть отозвать из мультивзора; и в одновременности мультивзора, казалось, присутствовал элемент движения, который поочередно, казалось, держит объект своего фокуса неподвижно. Но в его частях было движение. Он знал, что гипоталамус, который сейчас утерян в его субстанции, раньше был набором управлений: и был ли этот набор тогда в процессе растворения или же тонко распространялся? Движение в его частях было спиральным, смотрел ли он пристально на растительные грядки или нет. И медленнее, словно его сложный глаз навелся на то, что он лишь частично знал, что хочет. Это было тем, что его натужный микровзор изучал, и оно само было тем микровзором. Он вспомнил *установившийся*. То было нежелание продолжать, и он раньше был им какое-то время перед запуском.

Это было, когда он измыслил себя той оградой.

Или оградой, которой ему суждено было стать.

Поскольку это он тоже измыслил. Хотя потом это было — он был — решеткой, через которую продвинулся персонал

Проекта. Он прежде думал так из-за места между большей и меньшей зелеными комнатами, места, где он прилег и выпустил управление. Чтобы заснуть с голосом ни Въедливым, ни Хорошим.

Голосом, говорившим, что делать: во время запуска, вывода на орбиту, на орбите. Впечатляя его решеткой действий, чтобы отзываться эхом не себя, а Проекта. Но больше решеткой с блестящими узлами у каждого угла перекрестья: решеткой, по которой проходили туда и сюда.

Поэтому он дал этому произойти и обратился к параллельному: ограде с красным знаком о высоком напряжении.

В обороте этом он не понимал, почему задержался на той ограде, поскольку оборот говорил ему, что он умирает. Он не знал умирает. Но когда голос дал ему подняться вновь, он почувствовал расщепление. И теперь Центру, который не видел никаких преимуществ в увеличиваемой капсуле, он не объяснил бы, что даже после программирования он вовсе не жил припеваючи, его охватило затаенное расщепление: то была ограда ужасная в своем обещании: своем обещании его использовать.

Два обещания. Одно, если он послужит оградой. Одно, если нет. Что мог знать Центр о такой ограде? Для Земли Имп Плюс мог с таким же успехом быть одним из тех старых экспериментов с сальмонеллой.

Он уставился в воды растений. Обратное же пришло желание части: желание, ничто не составляющее, кроме того, что с ним уже стало, — сегмент плазмы, повернутый словно локтевой костью; секция плазмы, затененная до обесцвечивания, но с кожей, очищенной от чешуи, которая, как он видел, была клетками, выросшими к поверхности; щепка свечения, мембрана ложношири, посылающая мягкий свет после падающего лика Солнца, у которого она прежде научилась. Среди этого состава жажда кругов сообщила, что центры уже вернулись. И затем вместе с огнями, бегущими вниз по

трубке к растениям из кожуха, он увидел, как картофельные формы посверкивают и падают из чашечек водорослей, уже не зеленых сине-бурыми вечерами, какие сплывались наружу с днями в поле. И поле было им, выросшим не до какого масштаба, кроме альфы великого Солнца, затеняющего тягу всей магмы под Земным Центром.

Но если чешуя была непостижима и утомительна, то форма выглядела так же, как энергоустановка в форме картофелины, которую он прежде обнаружил в клетках того, что было его мозгом. Силовые энергоустановки, называемые митохондрии, уставились сквозь шафрановую цитоплазму и чехлы глины, сверкающие платиной, и каждая энергоустановка выдыхала тропу частиц сквозь запоры света. И здесь сейчас в растениях, что на вид были все той же картофельной формы. Но, стало быть, а если бы он и Солнце соединили энергетические установки его клеток с энергетическими установками водорослей? Каждая картофельная форма с двумя мембранами, внутренняя свернута внутрь.

Но складки здесь отличались от тех, что были в митохондриях мозга. Эти складки лежали глубоко внутри теней каждой водоросли, каждая складка, подобна жабре того микронезийского моллюска, некоторые из медленных складок уплотнились в мешочные диски, уложенные так, что Имп Плюс, пристально глядя сквозь мембраны и внутренние ванны вялотекущего тканевого покрова, обнаружил не просто те заряженные тела, которые видел катящимися вниз по одной из трубок, переплетенную в оболочку орбит, одной меньшей, зажатой между двумя большими.

Он обнаружил потом, глубоко внутри тонкой пластины штабелей, тела, которые, стало быть, он знал, что выискивал ранее. Поскольку они были идеей зеленого, которую он так давно думал про себя, что у него почти была сила забыть имя тех тел, которые, как он видел сейчас, были действительно сине-черные, словно потому, что Солнце ушло. Но темнота

здесь внизу была другим светом, не просто рукой и лицом Солнца за работой в вечерних сообществах себя. Поскольку темнота эта здесь глубоко внутри хлоропластов картофельной формы была люменом силы, такой же необходимой, как вся их дневная работа. Поскольку через полуфлюид, что омывал складки и их уложенные диски, Имп Плюс видел, как нечто капля за каплей выокругливалось и осуществлялось в потоке независимой пульсации, и видел, что это был тот же сахар, которым он жил и какой качал сквозь свою систему, и увидел снова среди одного поля излучающих частиц, что его желание было увидеть эту сладость и даже больше. И то больше, кем он был и что видел, было больше, чем он раньше желал. Поскольку картофельная форма лежала также возле ботинок из желтой кожи, а также была каплей, что поднялась над гребнем, склонилась вдоль волоса и дугой изогнула тысячи миль в огонь, чье лицо — его — дало свет другому, влажному от неудачи.

Картофельная форма энергетической установки хлоропласта водорослей не была первой картофельной формой, поблескивающей на листке и падающей в воду. Эта картофелина, которая падала, была водой. И оно было тем, что делало капли-мишени систематизированными кольцами, картографируя (словно чтобы связаться позднее) нутро с другими картофельными формами в хлоропласте листка, который он подготовился помнить или был подготовлен голосом, который слышал, чтобы помнить, — кольца каждой сине-черной молекулы, державшие идею зеленого: концентрические кольца, однако, видимо нет, как и та молекула в сердцевине хлоропласта. Поскольку у молекулы был хвост.

Градиентное склонение. Желание, содержащее завернутые внутри него самого грядущие радиусы.

Это было прекрасно, как лицо, которое плакало где-то на полпути между автомобилем и ботинками из желтой кожи у огня. Но он тогда сказал *Ты прекрасна* еще и другому лицу —

открывшему ему сладкие створки своего рта, сказавшего «Суэта» и засмеявшегося.

Центр опять спросил об орбите и скорости. Имп Плюс видел, что Солнцем, растениями и желаниями, отделившего его даже от воспоминаний, разработанных для принуждения этих желаний к работе, он вырастил воду. Он вырастил воду для поддержания субстанции, которую также вырастил он.

Но его взор удерживал его, как и костяные узлы морфогенов, закрепленных вокруг Концентрационного электрода. Этот электрод был закреплен в серо-янтарной противоскладке на солнечном проводе.

Поэтому он должен видеть сквозь все то, к чему его взор присоединится и с чем сработается.

Быть притянутым между тремя размерами тела со всеми их бесконечно малыми вращающимися на орбите телами-точками в хвосте черно-синей идеи зеленого и того, что он обнаружил в водах и вверху в ветрах, сквозь который периодические капли таранили поверхность воды, чтобы установить там кратеры и центры, становящиеся окружностями. И то, что он видел, он видел раньше, но не прояснил для себя: а именно, что с Центром, обращающимся с ним сейчас как с каким-то чужим исследователем, он хотел лишь жить дальше. Однако ограда на Земле никак не желала уходить. Поскольку он и был оградой.

И так он знал, что два из тел в сине-черном хвосте заново сцепились в растительных грядках, чтобы стать водой; и что третье тело в сине-черном хвосте, хоть и изменившееся от своего внешнего вида в трубке к растениям, имело руки, словно валентности памяти, сообщившей ему, что это была меньшая промежуточная оболочка единицы, текущей в таком количестве к растениям.

Что, в свою очередь, сообщило ему, что крупная оболочка со своими руками и электронами — то были электроны — была тем же самым телом, какое помогало образовать воду.

Но не точно такое, как ныне-янтарные Солнечные косы, также текшие к растениям, которые после разрыва к кожуху растений разделились над и под водами. И ниже разорвали на части несколько связей — на части, вверх и вовне, понизив уровень воды. Но затем (с другим телом, не из хвоста сине-черной внутренней молекулы, а из его главной кольцевой системы) Солнечные косы увеличили обе части водной связи неизмеримо в объеме и заново сцепили их так, чтобы образовать из воды чистый прирост сети.

И он знал сквозь припомненную боль сетей заряженной ограды, что те Солнечные косы, которые так много сделали, некогда поступив с Земли, и раньше были Земными, даже если не в своих связях косы сейчас.

Но, не давая Центру то, что он хотел, Имп Плюс нашел обратную дорогу посредством задумчивой ложношири к предыдущей передаче. Этап за этапом. Как этапы в опытах: далекие непилотируемые опытные полеты к астероидам, вот в чем дело.

Для чего? Тормозной парашют сосредоточения зажало, уплотнило и замедлило его к тому, что он предвидел как твердое с одним и лишь одним числом гребней или покрытых коркой углов. Тем самым он ощущал опасность заснуть в задумчивых словах ложношири «Ятерьное деление». Поэтому он сказал Центру, что Центр был прав, что у капсулы, которая может увеличиваться, не будет никакого преимущества, поскольку, в конце концов, это не то чтобы какой-то старый эксперимент на Биоспутнике с сальмонеллой, которая размножается.

Но когда Центр ответил, что Имп Плюс еще не дал запрошенную информацию, Имп Плюс ощутил дальнейшую частоту в передаче Центра.

Словно запинка на размышление.

Имп Плюс не знал пауза. Он мог поинтересоваться о своих ограничениях.

Но затем передача и впрямь продолжилась, и во всем своем существе Имп Плюс обнаружил симметричное увеличение, которое не было прежним ростом.

Это увеличение было результатом, но причиной слов, поступивших из Центра. Они поступили в знакомых пульсациях. Но они несли незнакомую связь. Но связь, которую, как он понял, он заряжен взять под свою ответственность, поскольку затем он вспомнил связь, и та была в его воспоминаниях о будущем, а слова несли голос, который он знал: ИМП ПЛЮС ПОМНИТЕ ДВА ВИДА САЛЬМОНЕЛЛЫ НЕ ОДИН. ДАЖЕ ТОТ ПЕРВЫЙ ЧТО РАЗМНОЖАЛСЯ В ТРИ РАЗА БЫСТРЕЕ ЧЕМ ДРУГОЙ НЕ ДЛИЛСЯ ВЕЧНО ИМП ПЛЮС.

Центр остановился и продолжил, но вокруг солнечного питающего провода возникло возмущение. Или скорее *раньше* было возмущение, а теперь никакого: КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ ПОВТОРИТЕ ПОЖАЛУЙСТА ДАЙТЕ ОРБИТАЛЬНУЮ СКОРОСТЬ.

Эта вторая передача, казалось, разработана, чтобы покончить с первой.

Но связь вернулась. И с силой, которую у нее не было шанса иметь на Земле, поскольку она была неизвестна Имп Плюсу. Но сейчас ясна: ясна, как водянистая влага в Земном глазу, что привела воспоминание сквозь сахарные системы к микровзору.

Связь была нарисована на зеленой черной доске белым, как кость, мелом. Нарисована часто. Числами и словами. И эллипсом, который разговаривал. С двумя фокусами, одним не там, но одним — Землей.

Нарисована рукой, от которой Имп Плюс в дыму смерти отстранился, разделяя знакомую болезнь на знакомое желание, пока вместо умножения частицы болезни, казалось, растворились в решении продолжать.

Связь была с Въедливым Голосом.

Въедливый Голос уделил ему внимание. Провел инструктаж. Курил тогда, потому что не мог остановиться. Говорил

дымом, который свел с ума Имп Плюс к громогласящейся головной боли, затем из зеленой комнаты на Солнце к телефону. Но Въедливый Голос тогда говорил из знакомой точки в знакомую точку без обещаний. Осекся о доброкачественном. Не как повторяющий Хороший Голос, который продолжал наступать в пустоту.

«Ты ведь не хочешь длиться вечно», — Въедливый Голос знал, как сказать, и: «В чем будет преимущество капсулы, способной менять размер?»

Может, Въедливый Голос знал тогда, что было у Имп Плюса в голове. Въедливый Голос привязывал себя к факту.

Связь была там на самом деле. Тогда Имп Плюс это знал. Но какая связь теперь?

Никакой, кроме вмешательства Въедливого Голоса посредством Центра, чтобы опять подвергнуть Имп Плюса проверке и убедиться, он ли там или чужой исследователь. Нет, связи были не там, а здесь. С Солнцем. С силой косы. Связи среди него самого.

Но лишь бы были связи, которых он желал, — в этом было дело?

Лишь бы были связи, в каких он нуждался. *Альbedo*, сказала ложноширь среди поворотов существа Имп Плюса; сказала тихо или хрипло сквозь ресничные бахромы, медленно преобразуясь в структуры шафрановых солей — *Альbedo*, *альbedo*.

И из одного поступило прежнее давление, и Имп Плюс сказал себе, что, возможно, ничего из того, что он думал найти здесь, не было чем-то, а лишь воспоминанием из ветреных тормозных парашютов Земли: но эта мысль не была достаточно активной, чтобы растворить давящую коагуляцию — для этого использовали слово *коагуляция*. Но это было словом Центра. Он набирал некоторые слова Центра, которые сами напрашивались на использование. Но для чего?

Но затем в давлении и перевернутой пропасти безразличия, коагуляция, что, подобно дальнейшим процессам,

замедлялась, отвердевала и густела вокруг, закрепляя его от функции по нечто с покрытыми коркой углами, собрала и перенесла застопорившееся присутствие Солнечных кос в свет, который сейчас глубоко внутри растений открыл хлоропласты. Которые Имп Плюс видел настолько хорошо, что видел электроны и дыры. В спешке. Обещанное перемещение, которое, казалось, позволит ему выйти за пределы ИМП, чтобы увидеть, как Солнце бьет в фотоэлектрические элементы-клетки в солнечных панелях и выводит электроны из этих элементов в цепь энергии.

О которой Въедливому Голосу было необязательно сообщать Имп Плюсу. Так как Имп Плюс раньше был кем-то. То есть тем, кто знал ультрамикроны.

Две ложношири под прямым углом пытались растрястись влагой. Продольные драпировки откristаллизовались прочь от шафранового к обесцвеченному, как у давно развеявшегося перекреста зрительных нервов.

Но ночное тепло поступило не от подобной забавы. Тепло наталкивалось на эту, теперь почти полностью внутреннюю спираль, ныне настолько постоянную, что не возвращалось, потому что никуда не исчезало.

Оно должно было уйти куда-то: или никуда не уходить, разве что в «Ятерьное деление» ложношири. Он не мог избавиться от рыбы. Скопа на побережье падала камнем и ее кратко затягивала под воду ее жертва. Видение Имп Плюсом бредений ускорялось или бредения замедлялись так, что они были закреплены, минуя таким образом двигательные — и минуя цвет — функции, а затем вновь призывались в новое твердое тело. Определенные бредения — по крайней мере, внутри себя — двигались, как окружности, в одну сторону; определенные внутренние диаметрально уже двигались в другую. Ряд морфогенов, больше, чем, как он думал, у него было, склонялся через две или три ложношири (точно две или три), сросшихся вместе ближе, и ряд морфоген-наростов,

присоединив внутренних ложноширей к внешним, мигал красным так медленно, что ряд растянулся в свет все мягче и мягче, пока Имп Плюс, недоумевая, почему он больше не растягивается, не увидел, что он больше не растягивается.

Он думал, что если, как прежде во время давления от пыли шестеренок, мысль коагулировала без большего размышления, тогда все равно могла возникнуть потребность для коагуляции, иная, нежели неудача. И то, что думала Земля, Имп Плюс знал, было заблуждением. Потому должна ли была Земля считать себя центром радиуса Имп Плюса.

Въедливый Голос, должно быть, знал, что у Имп Плюса в голове. Имп Плюс намеревался жить. Капсула — даже многогранная ИМП с беспрецедентным окном — могла быть выстроена под увеличение; но она должна где-то остановиться. Имп Плюс вырос так, что втиснул капсулу, а затем уже сделал многое другое. Сжался, перегруппировался, его превратило в другие движения. В электрическое движение тоже, даже если чтоб контролировать орбиту капсулы, он не знал. Тем временем великое Солнце в своих формах использовало ятерь, где могло. А Имп Плюс вплел в него свое солнце, которое принес с собой с Земли размножаться. Но если эти солнца вплелись частично из-за желаний Имп Плюса, памятного с тех последних недель Земной решимости, и если те косы, струящиеся по трубке к растениям, постоянно разрывали связь воды данного объема воды, чтобы потом приумножить и приумножить элементы связи, а затем возобновить их связь для создания сетчатого увеличения воды, то он знал лишь, что это может произойти: а не то, что произошло.

Но хотел ли он, чтобы это происходило всегда? Что бы он делал, если б так и было? Капли сладкого потока толкались по трубке вверх. Ему не нужно, но он теперь не нашел никакого сладко-глаза поддержать его парение сквозь к микровзору, что у него несомненно был.

Что было системой жизнеобеспечения?

И затем он увидел, что это был за вопрос. И сделал так зрением, которого прежде не знал. И нахождением этих образцов вопросов.

Вопросом было то, на что был ответ.

Дрожь пустила зыбь по диаметральному чему-то или оси, которой стали морфоген-наросты, и он думал, что тройственные единицы, которые с Солнечными косами разделяли трубку, ведущую вниз, были двуокисью углерода. Имп Плюс видел, что кислород (также не в одиночку) продолжает возвращаться вверх по трубке от растений даже сейчас ночью при темном цикле. Он видел смешение с солнцами и другими силами в телах, бывших кожухами растениям, он также увидел прежде в главной системе колец сине-черных тел зеленой идеи глубоко внутри решетчатых хлоропластов водорослей.

Но увидеть эти полуизвестные — это не найти путь навстречу к себе. Он удерживал и был удерживаем: он был тем, что видел: пластины были равно одинаковы: путь был сквозь решетку, позволяя ему видеть, что, как хлоропласты могли быть электрическими полупроводниками, как солнечные элементы-клетки, установленные снаружи рядом с солнечными телескопами и приемниками альбедо, так и он имел свою субстанцию, полупроводниковые решетки перемещающихся электронов и перемещающихся дыр; и, невесомое, это все могло стать чище, как стали другие полупроводники через поколения работы на орбите.

Полупроводник. Вот чем был Имп Плюс.

Но путь, им обнаруженный, не был зрением; путь был навстречу него.

К ограде настолько по-Земному отдаленной, что сквозь нее не будет видно.

Пока после он не услышал, что Въедливый Голос видит навстречу.

И тогда Имп Плюс имел значение двух сальмонелл. В невесомом пространстве одна размножалась в три раза быстрее

другой; поскольку трехкратная, в отличие от другой, подвергалась облучению: было ли это излучением?

Что вернуло его: взяло и качнуло его назад: пырнуло его таким ожогом тормозной ракеты, что его орбита распалась: вернуло его назад, но не к тому, что было излучением, а к тому, что было подвержено облучению.

Но ложноширящиеся рокоты уже начали нанизывать сеть гармонии. Музыку для его мембран. Поэтому он очень старался увидеть смысл в том, что сейчас стреляло в него сетку за сеткой под напряжением из Земной ограды, но уже без пульсирующей вспышки красного: и эти сетки рассказали ему, что изменения скоростей невесомости, вызванные излучением, еще могут также замедлять некоторые процессы и тем самым давать облученным клеткам шанс залечить свои травмы или хотя бы сделать жизненно важным разрастания, которых этим клеткам не избежать.

Но сквозь музыку ложноширей Имп Плюс обрел припев *альбеде*, *альбеде* как нежную тягу тормозной ракеты, не слышимую, а лишь припоминаемую. И в том, что он принял как парение себя, он знал, что *альбеде* было не более, чем Солнечным излучением, вернувшимся с Земли, и что *отрава*, рассеиваемая по всему нему рассвет за рассветом из ныне рассеянной пламенной железы и всего остального его, была *ядом*.

И так вот и случилось, что Имп Плюс, клонясь в другую ясность поступательного движения, мог стоять там, где он на Земле стоял однажды на заре. Невидимые доли выбивали чуточку его из одного места в следующее. Частицы его прорезали. Прорезались, чтобы жечь то, что будет отрезано позже. И жечь то, что не будет.

Жечь его знание жжения.

Жечь сквозь зиму, в которой то, что с ним происходило, было неизвестным для большинства остальных. Неизвестно для красноглазого продавца газет на зимнем ветру, сказавше-

го, что он мог бы стать растением. И неизвестно для ребенка, слизавшего снег с руки и произнесшего: У тебя красная кожа. (А для ребенка это важно?). И смуглой *amiga*⁷, певшей *amiga*. Кем он старался быть узанным ранее, но ему не удалось, и кто была красива. И к другой, очень далекой, но на той же точке, кто тоже была красива и подтолкнула его словами *Путешествуй по свету налегке* так, что он теперь должен был пытаться ее не заподозрить, пока продолжал пытаться не сказать ей свою правду об Операции Проекта «Путешествовать по свету налегке», и кровь, поступившая к его лицу, маскировалась тем раздражением, какое ребенок видел за много месяцев до того, как неделя за неделей покраснение не сделало его другим.

Однажды, когда у него были шансы что-то доказать, он стоял под крышей в конце многих ночей, он стоял на корке Земли; и в тот миг, казалось, ничего не произойдет.

Магма не вскрыла свою корку. Голоса не грянули разом.

Но в тот миг, что, оставшись у него позади, был перспективной агонии, в него вдохнула прицельная сетка радиусов. И, войдя, отпустила. Стержни гамма-радиусов заторили его кровь, инвагинировали вены, истончили кожу, заменив ее жужжанием, призванным давить сетями вероятности все еще возможной бреши.

Наконец сейчас он снова стоял на той отравленной точке на круге Земли. Однако его радиусное я сделало саму Землю не больше, чем одной точкой где-то вдоль его собственной неизвестной окружности.

Которая подобно какой-то будущей карте привела его туда, где он и не знал, что планирует быть.

Поэтому все, что он знал, было тем, к чему жизнь, которой он обладал, склоняла его давать ответы Центру. В обмен на ответы, что, в свою очередь, могли заставить его знать больше, чем он постепенно стал.

7 Подруга (исп.)

Имп Плюс припомнил план Чрезвычайной Маскировки, разработанный для обмана чужого исследователя. Имп Плюс сосредоточил центр своего кристалла с пульсациями частоты, о которой договорились на Земле. Имп Плюс передал Центру ложную частоту. И как только наконец он позволил млечной коже вдоль вздымающегося буротвестня у окна выглянуть из него, он передал Центру то, к чему призывал план Центра, ложную орбитальную скорость.

Встряски — что — встряски — что — встряски выламывали череп из его мозга. Встряски иссушили кость из его ботинка. Встряски опрокидывали его повсюду. Он прыгал или падал, он скручивался, из гироскопической свечки он вошел в штопор, постепенно ускоряясь.

Там ужасно недоставало боли. Где? Его касались щепки, дребезжащие внутри своего невесомого неба, и их пульсирования напоминали команды с того времени, когда он был немного больше, чем Слабое Эхо. Встряски сквозь окно разорвали его зрение. Он утратил свои трубки, в этом ли было дело, так ли есть? Буротвестень у окна был настолько смещен, что напоминал прыжки, которые больше не склонялся совершать, и его встряской отбросило к стеклу, как раз вовремя, чтобы увидеть сквозь него вдали темную точку в облачном разломе. Но точка вдалеке была линией, крохотной, медленной, зазубренной. Она кувыркалась из стороны в сторону, но как могло что-то кувыркаться вдалеке? На какой-то миг он потерял ее из виду.

Но нет, он видел больше, чем щепку; поскольку видел ее вдалеке на дугообразном краю чего-то большего там же вдалеке: облачного, облачно-синего.

Вновь настали встряски. Он пошатнулся на своих булавках и не прекращал вращаться. Встряски не прекращались. Он забыл, что у него не было черепа. Поскольку его череп пытался выбраться изнутри его мозга, и у него сейчас не было мозга.

Облачно-синее упало в окно, а затем выпало. Темная точка, которую он заметил, вновь стала зазубренной линией. Настолько маленькой, что, как он думал, возможно, он ее лишь помнил, а не видел.

Пунктирная линия там вдали сквозь окно была проходом. В следующую встряску.

Встряска крутанула окно. И он подумал, что его череп, пытаясь выбраться из его мозга, сломал иглу кости сквозь точку, которая теперь вновь была рваной линией во вращающемся окне. Но была так же далеко оттуда, как и голос, сказавший, что мозг не ощущает боли.

У него не было черепа. У него не было мозга. Он оставил его на орбите. Он все еще оставался на орбите, но вокруг себя. Но не на временной орбите. На орбите, вторгающейся в орбиту.

Торможение. Вот чем были встряски.

Его тормозил центр. Но все более ускоряя. В орбиту все ниже и ниже. Центр его возвращал.

Вновь появился пунктир. Отметиной на большем облачно-синем. Ему нужно было моргнуть, но необходимость стекла струйкой к пальцам на ногах, до которых он не мог дотянуться и почесать. Через окно мглы, напротив которого он пытался моргнуть, проскользнул молекулярный сдвиг, равный и противоположный реакции на то, что было уходом из поля зрения зазубренной точки вновь и с ней облачного разлома, сквозь который она была видима в облачно-синем.

Его вновь и вновь запускали, в этом было дело? Или был на конце пружины чьей-то мысли, готовившей его к обратному запуску. Извините, слишком тесно, не повернуться, нужно повторить, запуск первого, запуск второго, не спрашивайте, не оглядывайтесь на то, на что вот-вот нанижут, просто настойтесь.

До этого Хороший Голос сказал: «Там отдохнете».

Обратные вспышки выбили его из колеи; они не причиняли боли. Если он находился в обратном запуске, это не была

его идея о распадающейся орбите. Кувыркание повернулось, и когда он понял, что поворачивание кувыркнулось, он отчетливо увидел, словно говоря с самим собой, что Центр ускорил и умножил распад.

И обратный запуск без кожуха. Кожуха над Имп Плюсом, что облегчало засасывание скорости, но не уберегало еголицевую поверхность от вытягивания.

Кожух ударил его, как мысль, зацепив по касательной, тогда как гудящие щепки на плаву отскакивали от него, наводя команды, которые он мог бы получать, если хотел вживить щепки заново, как сделал со щепкой для Концентрационной Цепи. Подумать обо всем, что он мог бы сделать. Встряски вжали его обратно и вновь и вновь переворачивали его через него самого — но они ли вызывали вращающее кувыркание оборота? Встряски запустились его словами, дающими формулу Чрезвычайной Маскировки. И при таком повороте случайно встряски стали причиной того, что кожух ударил его и щепки, которые он и никто другой изначально отпустил вплавь. Он дал формулу Маскировки, но не с тем положением в пространстве, о каком думал Центр.

Он мог бы увидеть точку зрения Центра, также как и других. Он видел, что буротвестень сейчас был на одной линии с длинным весом ложношири. Точка зрения Центра заключалась в том, что он не хотел переворота. ИМПa, работы ИМПa или данных. Следуя двойному плану для Чрезвычайной Маскировки. Но здесь и сейчас он не был сдвоенным: Имп Плюс не встряхивал и не кувыркал Центр (не так ли?) — Центр встряхивал его.

Сдвоенным было управление. Управление у него забрали. Помнил ли он *сдвоенное управление*, потому что был машиной? Малиновая вспышка сейчас появлялась нечасто и вспыхивала под кристальными слоистостями, которые заставляли ее отступить, подобно вдыханию. Но если управление было сдвоенным, постой. Он думал о том, что было

за окном, думал, что оно неподвижно: затем думал о своей цепочке морфоген-наростов, диаметр, не вызывающий вопросов, но без центра, и связанный не окружностью или периметром, но пространственным дыханием, что было больше, чем спиральное бредение, и меньше, меньше, гораздо меньше, похоже на вдох и выдох.

Но затем он подумал, что это **сдвоенное** (он видел) употреблялось лишь **вместе** с «управлением». **Сдвоенное** было **два**.
И **вместе**.

Два конца, для одного.

Он смотрел вдоль двух схожих концов того, что он принял за буротвестня, наклоненного вкось в ложноширь. Но они скрутились и сдвоились здесь и замаскировали свои различия: поскольку эта ложноширь и этот буротвестень были от него независимы, соединяя ниспадающий складками вес одного с ограничивающим дотягиванием другого в линию, в расположение на прямой, второй диаметр через растущую закрепленность субстанции Имп Плюса — и также через позвоночник морфоген-наростов: и он думал, что также не мог уже теперь отличить ложноширь от буротвестня, как и любой конец каждой пары концов длины, что через затвердевающую кожу были волокнами, такими же бледными, как линии, что **Въедливый Голос** нарисовал на грифельной стене, волокна, натянутые чехлами упорядоченных солей, и в то же время эластичными в податливости и сгибании встрясками, которые сейчас развернули Имп Плюса: развернули его к теням, о которых **Центр** однажды прочел в переданных мыслях Имп Плюса: поскольку где-то он знал, что **Центр** следовал за своим запросом **КАКИЕ ТЕНИ, ИМП ПЛЮС?** командой **ПРОВЕРЬТЕ СДВОЕННЫЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СТАБИЛИЗАТОР.**

Значит управление положением в пространстве было сдвоенным.

Если так, то Имп Плюс его заслужил, его не давали.

Данные слова были во всех точках его, но настолько неподвижны в утверждении, что он подумал о Слабом Эхе: и о словах, данных не в малой или большой зеленой комнате, а между двумя, во сне, заученное утверждение: «Ракета со стабилизатором вращения ориентирует ось вращения под прямым углом к плоскости видимой тропы Солнца».

Значит, возможно, Имп Плюс мог бы сделать пару вещей, чтобы остановить или раскрутить обратно прыжок или кувырок этого кораблекрушения без подводных рифов — если бы он мог вспомнить, где работал его бортовой пространственный стабилизатор.

Его: поскольку это была одна из экспериментальных операций, которые, подобно Концентрационной Цепи или обмену CO_2 на кислород и глюкозу, использовал сам Имп Плюс. Ручная поддержка автоматики. Поддержка. Ручная. Он думал, что смеялся вибрацией хряща вдоль морфоген-оси. Ручная О Ручная. OP_2 .

Ручная пыталась зацепиться: он услышал, как вдалеке застучали костяшки через четырехпространственную решетку смеха. Смех, и не только его, но когда он задумался, чей же тогда, он увидел впереди песок и жару и больше песка, преломляющего части того, каким он раньше был.

И затем произошло два события. Первое — если оно было первым — этот полный бросок кручения и пинка, защемление и кувырок кругового вращения вернули к тому, что подтвердило, что это скольжение сквозь сломанные орбиты не было завершенным: поскольку то, где он сейчас находился, было равновесие: уникальное равновесие, преломившееся сквозь его все более и более строгую форму — равновесие, которое дало тому забытому, скованно волнуемому буротвестню, наблюдающему сквозь окно — в то же время дало всему ему — твердый взгляд на облачно-крапчатое с синевой вдали с ее зазубренной точкой, видимой, как толчок сквозь разлом в облачности однобокого полушария, которым (придумав

такое термин для облачно-кряпчатого), как он увидел, оно и было — таким образом видя его, он поименовал его тем, чем оно было: выпуклой Землей.

А второе, он видел, что, теперь спокойно двигаясь по орбите, ИМП теперь прекратил. То есть, кручение.

Встряски и прочее.

О каком прекращении он известил Центр, хотя и видел, что это видение значило: что то предыдущее равновесие, выделяющее вид выпуклой Земли и еще более странное завершение того, что подтвердилось внезапно, частично в диком сжатии, скручивающем броске и пинании с его яркой оболочки синхронной орбиты, не имело ничего общего с настоящим прекращением, которого ИМП сейчас достиг на скорости не только выше прежней в 1,9 синхронной орбиты в 22 300 милях от Земли, но выше 2,4, которую он давал Центру на случай подслушивающих, никогда даже не задумываясь, что Центр будет действовать так, чтобы не только маскировка мгновенно стала реальностью, а все еще высокие скорости, которые угрожали ему Землей и приносили новые циклы темноты и света, разделявшие вновь и вновь разы до тех пор, пока Центр не поступит и не удалится как пульсация импульсов.

Он не мог думать. Или не так как раньше. Так как Центр спрашивал, какое кручение подразумевал Имп Плюс, и вновь и вновь запрашивал завершение проверки Частоты с позывными Операции.

Но затем Центр спросил, как Имп Плюс стабилизировал положение ИМП.

Имп Плюс утвердился в том, чтобы думать, как раньше. Думать о том первом равновесии: оно продолжалось: оно, казалось, вращалось в противоположную сторону внутри Имп Плюса, вызывая в памяти течение, спадавшее по ткани веретен по середине верхнего течения, хотя когда кувыркание прекратилось, равновесие удержалось; так что он подумал

бы, что оно было отсоединено от остатков, цепи или решетки его самого, если бы этот баланс не был решеткой. И также не отделенной от грядки, берегов, костей, поля и отвердевающего светил, от которых оно казалось отсоединенным и отклоненным.

Но кости и Центр не позволили бы ему думать, как раньше, об этой прекрасной гироскопической норме, которую он сделал сам среди бывших сотрясающих кручений. Но сейчас он видел то, что было тем, чем были диаметральной морфоген-ось и зачехленный солью позвоночник ложно-буротвеса: они были костью.

Хотел ли он возвращения встрясок, чтобы установить движение этих костей-линий, которые пересекались, но вне центра, поскольку центра у него не было? Такое кручение вновь показало бы, насколько свободным от всего было его новообретенное равновесие. В то же время, если посредством пребывания в равновесии он мог бы тогда оставить кручение, чтобы пнуть себя с одного за другим лестничного проема разорванных орбит, все равно кручение, бесспорно, прекратилось бы; и запросы Центра, подобно тени, ходили вокруг этого неизвестного, и пока они ходили также вокруг того, что Имп Плюс видел сам: что вопреки тому, что говорил Хороший Голос, пространственный стабилизатор не был под сдвоенным управлением.

Центр раньше планировал иметь полный контроль.

Но он не сказал Центру сейчас ни о том, что положение было под сдвоенным управлением — ни о том, что не было. Он пытался думать, как раньше. Он пытался рассмотреть уравновешенные моменты силы, составляющей внутреннее равновесие — то внутреннее и умноженное деление спиралей, которые также стояли неподвижно в своих, не менее дышащих, косах. Опять же, пытаясь, как прежде, он терял Центр не больше, чем мог высвободить кальций и фосфатные соли из белковых волокон, из которых были сделаны кости,

не больше, чем освободить эти две выравнивающиеся кости его самого от разницы между их концами. Он должен был начать по-своему, но знал, что получится, и частично потому, что начало было не сейчас, а намного раньше.

Он отметил время следующей важной передачи:

ИМП ПЛЮС КАП КОМУ. НЕРВНЫЕ ВОЛОКНА СКЛОНЯЮТСЯ ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ СХОЖДЕНИЕМ В ЦЕНТРАХ РОСТА КОТОРЫЕ АКТИВНЫ. ЗРЕНИЕ УПЛОТНЯЕТСЯ К МЛЕЧНОСТИ И КОСТИ, КАП КОМ, НО НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ НАЗАД ВЫПУКЛАЯ ЗЕМЛЯ БЫЛА ВИДИМОЙ ИЗ ОКНА ПОСРЕДСТВОМ МЕМБРАНЫ БУРОТВЕСТНЯ. ТАКЖЕ ВИДИМЫ НЕСКОЛЬКО ЭЛЕКТРОДОВ НА ПЛАВУ, КАК И ПЛАВАЮЩИЙ КОЖУХ МОЗГА.

Он отметил время окончания этой передачи, как раз когда один из новых циклов темноты окутал Исследовательскую Межпланетную Платформу. Но дрожания, отвечающие с Земли, обогнули несущиеся волны темноты, и у него бы в конце концов вышло по-своему, и он думал бы, как и прежде, независимо от того, что у него было по-своему.

Он пропустил Солнце. Он видел песок. Он видел, как отражатели окопались, удерживая Солнце среди песков — разделяя и умножая Солнце. Он видел, что Центр разделился.

Таким образом, раз он знал бы сам, то Центр должен знать его.

Он бы на самом деле не видел, как дотягивается до Центра, но мог бы видеть себя, как разделяет Центр. У него была сила, которой не было до этого, и о которой он не знал; но у него не было той прежней податливости.

Он чувствовал это и во время света, и в темноте. Он, как ему виделось, за последнее время прошел сквозь много темнот — более короткие темноты его более низкой орбиты. Но затем через эти более частые темноты он почувствовал, как чужие импульсы входят в плавающие щепки. Щепки

висели, как беспламенные свечи, их длина освещалась Имп Плюсом — звездными лучами чешуи полипов, которые по всем его зрительным мембранам, завитками и ниспадающими шипами, желировались в рог.

Он не знал, как долго длились циклы темноты.

Хотя как тогда — если он, кажется, каждый раз не знал, как долго мог Центр продолжать принимать и отвечать ему перед тем, как между ними наступит новая темнота — как он отмечал время окончания передачи в той точке? Он отмечал время больше, чем один раз, как он сейчас видел, или его видели. Его видели.

Его видели малиновые мерцания, которые он описывал Центру; видели — или не видели — глиальные и нейронные клетки, которые уже не регрессировали в глиобласты и нейробласты, чтобы потом размножиться в еще большее и большее количество нейроглии и нейронов; видели по теперь уже гомогенизированным останкам того, что он мог описать Центру, как некогда центральную, некогда пламенную железу; видели — или по крайней мере удерживали — среди других, замедляющихся элементов по янтарному отблеску Солнечных кос, которые двигались, не снижая скорости, среди его субстанции: его субстанции, которая сама уже не смещалась, кроме как для того, чтобы выдохнуть спиральные волны вокруг своих кособоких границ. И их казалось столь же просто описать Центру, как сложно их бредущее происхождение — и еще сложнее собирание в их функции вялости ложношири, мысли о прыгающем буротвестне и длительном наклонении толчков морфогена.

Но две кости же! Что они делали в своей свободной, однобокой X-образной форме, и куда они делись? У них были отличающиеся концы.

Солнце вернулось, совершив оборот.

Каким бы ни было положение ИМП по отношению к Солнцу и Земле, два конца перекрещенных костей Имп Плюса

лежали поодаль от единственного окна, и два других лежали в его сторону.

Внутри горячей и все более горячей капсулы он видел, что окно переменялось. Одна ясность вытеснила другую, которая ускользнула подобно дождю.

Он пытался рассказать Центру о ряде (да, о ряде) всего. Что такое *да*? Он чувствовал впереди себя, не находя слов, то вне всех прочих описаний, о котором он должен сообщить Центру. Но Центр никак не отреагировал на бредение или морфоген, ложноширь или буротвестень, уровень воды или некогда пламенную железу — хотя малиновые вспышки, говорил Центр, могли быть всего лишь воспоминанием или трассирующими частицами из космоса. Центр так часто спрашивал об орбитальной скорости и позывных: пока, сквозь эти слова с нервной Землей, которые были более пустыми, чем тишина, Имп Плюс не увидел — и малиновый вспыхнул как только он увидел — тот чужой или невидящий, как Центр, должно быть, о нем думал, Центр, должно быть, наконец спросил: *Какой рост, Имп Плюс, какой рост?*

Непрямой вопрос, разделенный вопрос, поскольку Центр полагал, что передача от Имп Плюса принадлежала чужому исследователю. Но свыше роста разделение взгляда было бы еще большим. Хотя если бы Имп Плюс думал так, как раньше, в таком случае он также заставил бы разделенный Центр его увидеть.

И сейчас, исследуя это разрастание того, что центральная нервная система Земли назвала точным движением, малиновый пришел двойным, выровненным вдоль обеих костей, до самой точки их перекрестья. Но из этого креста он так подпрыгнул в одиночку, что рассек оставшееся пространство между длинами морфо-позвоночника, идущими к окну, и завитым ложно-буротвесом. И он знал, что расскажет ему то, что, не зная, знает — но это он не полностью возвратил. Для чего малиновая линия — бечевка — моток — пылаю-

щая — растаявшая во взгляде (или это было существование?), продолжалась, он не мог сказать, как долго; так как, кроме того, что уже подмигнув красным там, где морфоген-наросты присоединили внутренние бредения к внешним, она длилась, в его щипающем прикосновении к ней, независимо от того его внутреннего предчувствия ее в тот момент, когда малиновая вспышка сначала стала вилкой, а затем соединенной линией, бечевкой и скруткой, которая, если приглядеться, постоянно расплеталась и заплеталась, и была кусками и зияниями себя, в которых, если бы в этом была какая-то суть, Имп Плюс мог бы взглянуть на безграничное разъединение.

И даже без микровзора он видел некий конец. Тот был настолько увеличен, что он вновь знал, насколько мал. Даже каким маленьким он был давным-давно под высокой широкой крышей. Ее внутреннее пространство было изрезано и покрыто бороздками, уровнями и крючками. Крыша, чей пол был под ногами. Осматривая в ИМП свой цилиндр — едва ли «Платформу» — он слышал, как Хороший Голос сообщил ему его точную высоту, и услышал, как голос ответил, что точная высота была грубо (как и сам голос) с его рост.

Но какой конец или конец чего был увеличен? И что заставило его вообразить, что он помнит то малиновое? И подобно недавнему странному отмечанию времени его важной передачи, он мысленно разобрал себя от одного конца его до другого посредством того, что его сплетения, расплетения, послабления, натягивания, скручивания, раскручивания и вновьрекручивания освещали — и посредством его происхождения и того, что было позади.

Конец чего? И вдруг непредвиденный конец: мысли о том, не сделал ли он ошибку, отдавшись Проекту. А что если бы он отказался, а затем выздоровел и вновь отрастил все целиком: или по большей мере проталкивал себя повсюду без кожи или мозга: или, безногий, жил на своих пальцах: или продвигался по нормальной Земной жизни без головы, словно

неся черную дыру в последнюю ночь: или как фигура, которую он где-то видел, с дырой в ее средней части, скошенной как обивка у краев, так что это казалось отсутствием подушки. Но если на Земле он бы восстановился от облучения вместо того, чтобы ожидать сейчас в мозге Центра зону посадки, он бы все равно не вырос.

Разве что постарел.

Но насколько постарел?

И он же был не стар?

Центр не отвечал на его данные. Центр должно быть думал о том, о чем и полагалось. О том, как он жил здесь, что он делал, чтобы раздобыть воду и еду. Центр мог быть таким же тихим сейчас, какой однажды была растворяющаяся темнота. Центр, должно быть, думал то, что мог о том, что делало Солнце с водой и мозгами. Но не был ли Центр сумасшедшим? Был ли Центр преобразованным? Имп Плюс не знал сумасшедший; но Имп Плюс думал об этом, когда какое-то время назад Центр сказал то, что Имп Плюс уже знал: именно это Центр и скажет, хотя теперь Имп Плюс редко слышал слова прямых сообщений: КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ, ЧТО ТАКОЕ ЛИЗАНИЕ? ЧТО ТАКОЕ ЛИЗАНИЕ? И ЛИЗОК ИЛИ ЛИЗКИ? МЫ НЕ СЛЫШИМ.

Он говорил Центру (давным-давно), что пламенная железа рассеялась, была слизана и поглощена, и гипоталамус тоже — то, что он им считал — со своим множеством управлений — или то были силы — болью и удовольствием, холодом и жарой, аппетитом.

Но отсутствие ответа со стороны Центра не было причиной, почему он сейчас не сообщал о том, что высветили ослабление и напряжение малиновой пряди. Причина этого держала его между собой: таким образом было определенное сходство между видением и им самим. Поскольку в дыхании излучения из ослабления и расплетения малиновой пряди, или дыхания потом в ослабленном, полурастаявшем само-

схватывающим возвращении пряди к своей тугой спиральной скрутке, он обнаружил великие колонии решеток, сейчас неподвижные, и увидел, что позволил своему спиральному движению ввести себя в заблуждение. Поскольку колонии были застывшей массой, высокая глыба решетки, отбелившая синее и зеленое, коралл, такой же бледный, как и странная сила давнишнего обесцвечивания, отмеченная в перекресте зрительных нервов, сейчас рассеянной вместе с пламенной железой и гипоталамусом, и всем остальным, в этой закреплённости. Эта закреплённость была в слоях складок конических бредений, складок продолговатых морфоген-наузлов и ложноширь-граней, складок буротвестня. Так как все эти четыре вида были сейчас жестким полупрозрачным напоминанием о их прошлой жизни; они теперь не двигались; не двигались даже там, где оплетались вокруг верхних кабелей и также вокруг тех нижних трубок, в которых все еще было семенное движение, трубок, которых он боялся, так как они были в его мышцах, когда Центр посылал встряски.

Его клетки элементов были местом для движения — вот в чем дело.

Янтарные Солнечные косы были повсюду в его неподвижных клетках элементов; и сквозь эти движения он мог чувствовать, что клетки элементов были дырами, удерживающимися в решетке, и также были решеткой; но также реле местоположения для приливов Солнечных кос, которые теперь было труднее увидеть, хотя он не ощущал себя менее временным или ясным. Решетка была полем времен. Он был таким же движением, как и его место. И малиновый процесс излучающий (у него в уме?) из двух скрещенных длин кости, которая завивала жесткость наружу подобно свету, освещавшему великую решетку, проводя Солнечные косы сквозь дыры и в обход к краям себя, где равновесие, которое он должен заставить Центр понять, крутило свою гироскопическую норму кажущейся субстанции; но это была лишь часть

цикла, так как потом либо Солнечные косы обратно всосал малиновый процесс, напрягающийся и вновь сплетающийся, либо они сами были причиной этого повторного винтового скручивания.

И все-таки оба. Оба. Слово повторилось, поскольку он знал, что должен зацепиться за то, что бы оно ни было, за то, что выстреливало назад и вперед сквозь длинный эллипс новой боли — для того, чтобы увидеть, что же было внутри боли. Должен за это зацепиться. Или быть зацепленным. Должен зацепиться вопреки новому шуму. Пульсациям сообщений из Центра. Зацепиться или он его утратит. Утратит что? Хотя этого у него еще не было: или было: было, чтобы утратить. Или всегда у него было — даже до радиационного отравления на Земле: и сейчас в излучающий миг, за который он увидел затаенную массу понимания или скорее видел, что был затаенным пониманием, между Солнечными косами и эластичной прядью случилось другое: спирали бредения вокруг его краев постепенно угасли в закрепленность, закрепленную решетку, и он видел, что их контур питался этим действием воздуходушных мехов между Солнечными косами и малиновой прядью, которая, как он сейчас в бреши той бредущей жизни мог видеть, выстреливала вперед и назад, как и всегда: и он увидел на Земле новую зазубренную точку, но точку из частиц, которая увеличилась до его зрения, словно была решена прежняя беспорядочная задача по растворению тел на частицы для передачи их повсюду и преобразованию: но точка увеличилась лишь до сформированного, вынужденного молока долей, и это был Въедливый Голос, который вернул Имп Плюса к жизни. Центр позволил Въедливому Голосу вновь с ним заговорить, задать вопросы и обменяться данными, поскольку Имп Плюс, если он все еще должен быть больше, обязан знать то больше, которым он стал. И в ответ на передачи Въедливого Голоса по глюкозе, воде, росту и излучающее затравки, которые, как Имп Плюс

видел, ему было чрезвычайно трудно продолжать двигать в их жаждущих решеток каскадах — он хотел сказать Въедливому Голосу, что у него имелось предвидение, да, предвидение: и он видел свое.

Но что-то вмешалось.

Сомнение по поводу великой закрепленной решетки самого себя?

Поскольку последний периметр движений погас.

Нет. Не сомнение.

Поскольку здесь, в этой решетке, чье трехмерное поле было обычным, и ему, как Имп Плюс теперь видел (еще одним измерением), тоже не доставало границ — здесь, в этой решетке, казавшейся нечистой лишь в движении, пришедшем к ней — движение уже не было жизнью животного, растительным или каким-то бредо-простейшим цепляющимся движением: но взамен было светилami, чьи части были разбиты обратно в струи потока, изогнуты и проведены в спирали спиралей этой решеткой его самого.

Теперь он был своей мыслью. Спинное движение Солнца и клеток зацепилось как зачехляющая встряска по длине решетки, затем было повсюду как заря позвончиков, где один позвончик все еще двигался, как дальность луча.

Но обмен с Центром, который он предвидел и заставил стать реальным, начался сейчас как раз в тот миг, когда он завладел тем, что, как потом узнал, тоже предвидел, но не мог сказать.

Поскольку ИМП сейчас бросился в свободное падение со своего нового пути и вновь выпал в свечки кручения.

Тем не менее, эти без тряски.

Хотя затем Имп Плюсу захотелось, чтобы они были.

Его мысли вертелись вокруг прекрасных слов, которые пульсировали и проходили между ним и Въедливым Голосом на тихоокеанском острове.

Но что пнуло форсунки и отключило пространственный

стабилизатор? Имп Плюс должен был спросить. Поскольку что бы ни сделал Кап Ком, чтобы растянуть перигей ИМП ниже, а затем еще ниже к некой зоне посадки в беспокойном мозге Кап Кома, Имп Плюс чувствовал, что он был именно тем, кто это сделал и сделал это через полупроводник, которым, как вновь стало понятно, он и был.

Сделал что?

Стал тем, что предвидел.

Или пытался стать. Он ведь пытался?

Он видел меловой эллипс, Землю одним фокусом, другой — пустой, но там же, Въедливые частицы касались пальцами зеленой доски.

И затем частицы Въедливого Голоса соединились, и Имп Плюс увидел Въедливый Голос, как будто это были его частицы. И Въедливый Голос сказал: КАКОЙ РОСТ ИМП ПЛЮС, КАКОЙ РОСТ?

Потому он начал отвечать и спрашивать. И пока ИМП крутился, кувыркался, вращался и входил в меньшие орбиты, Имп Плюс разговаривал со знакомыми овалами Въедливого Голоса. И не зная, с чего начать, он употреблял старые слова, которые употреблял Въедливый Голос. Иногда слова, которые Въедливый Голос лишь собирался употребить. Но еще удивительней во всех этих миновавших словах было то, чего им не хватало. Намного больше, чем того, чему слова были равны.

Имп Плюс ощущал повсюду. Если он не желал рассказывать Центру, что то, что изначально было телом, выросшим как морская звезда безротой гидры, казавшимся теперь чем-то другим, а не телом, желание постепенно превратившееся в неспособность, которая в свою очередь была лишь тенью, отброшенной его чувством, что он мог сохранить то, чем, как надеялось Солнце, они могли бы стать.

Он устремлял свой взор в будущее; и затем — уже там — оглянется назад от всего того полуувиденного, чем он стал. Чтобы обнаружить, что всем тем словам, что были лишь картинками, также не удалось передать то, на что слова склонялись указать, как и наново собранные тела-частицы были не тем телом, которое Имп Плюс однажды делил с Въедливым Голосом. То есть двумя телами, но подобными. Сейчас — столкнувшись с вопросом *Какой рост?* — Имп Плюс не знал, с чего начать.

Но он узнаёт, чем он стал — не наполовину, а полностью. Поскольку чтобы знать, что было его, он должен знать то больше, чем он стал. Поэтому он разговаривал с Въедливым Голосом, пока Въедливый Голос отвечал вопросами и ответами. Это лучше, чем то, что раньше поступало от Центра. Поскольку затем Центр сказал лишь, что малиновые вспышки, сейчас прядущиеся и распрядающиеся, могли быть трассирующими частицами из космоса. Но сейчас Въедливый Голос пошел дальше, и Имп Плюс отвечал, что хотя иногда он лишь догадываться, что если ИМП был горячим, да, когда малиновый усиливался, так же происходило и с жарой. Въедливый Голос —

Это был Въедливый Голос, Въедливый Голос, каким он, должно быть, и был, но видимый лишь сейчас: Имп Плюс узнал из-за запомнившейся подробности о сальмонелле, но больше из-за того, что он видел, как Въедливый Голос сейчас растворился в молоке частиц, выстреливающих в устойчивые, прерванные овалы, борющиеся, но выстреливающие, словно Въедливый Голос поймал некое излучающее движение, изначально приведенное Имп Плюс к «Путешествовать по свету налегке».

Он хотел сказать и спросить: вваливающаяся или вываливающаяся боль у Въедливого Голоса, и также сказать, что сквозь длинный эллипс новой боли мысль выстреливала назад и вперед, и за это нужно было держаться. Выстреливало между ИМП и Землей. Но он не нашел бы слова равные этому или сердцевине этой силы, бывшей (или бывшей *внутри*) засасыванием дыханий, держащих поле, бывшим предбудущим таких же дыханий между малиновыми прядями и Солнечными косами.

Новая боль не была жжением, но он хотел ее утратить. Утратить ее так же плавно, как и глюкозу, сверкающую в струях вверх по трубке из растительных грядок. Но, рассказывая Въедливому Голосу об этом движении глюкозы, он знал, что новая боль обещала еще больше напомнить о себе. И Имп Плюс видел не только то, что Въедливый Голос должен спросить, как он видел; он видел, когда Въедливый Голос

спросит. Но Имп Плюс видел, что для потери этой боль, он, возможно, должен утратить также шанс, что она возникла из использования этой силы, выстреливавшей вперед к разделенному Центру и назад, как из действия между Солнечными косами и малиновым. Это действие было больше, чем веяние и сосание Солнечных кос и винтовое повторное скручивание в малиновом процессе: действие включало также великую решетку, чья закрепленность была прекрасной там, где свет продумал сквозь нее свой путь, приглашенный, неприглашенный, но не напрасный. Поскольку этот свет, бывший новой болью и новым лучом, колеблющимся между тут и Центром, а также здесь и сейчас расчесывающий клетки решетки во взор, чувство, постоянную перемену, чьи формы движения частицы провели язык сквозь ботинок и огонь сквозь слезы, рискуя всем тем, что, как думалось, он утратит, но сейчас видел то здесь, то там мерцающим значением, чья сила была их последней утратой.

Эти волны взаимного света просеивали одна другую, подобно дождям, нарисованными горизонтальными ветрами. *Дожди* он знал — но когда попытался объяснить, то остановился, не начав. Этот свет, имевшийся у него, или в котором имелся он, заваял в краткий взгляд клетки решетки, так, что они ощущались скорее многочисленными формами, а не венами линии, не тем более лучом, который также исходил бы здесь из них к Центру и обратно, как бестелесный позвоночник.

В одной точке в этих многочисленных формах Въедливый Голос наблюдал за тем, как глюкоза оставалась на максимуме. Что значило (по наблюдениям Въедливого Голоса), что глюкоза вырабатывалась в немыслимо большем количестве, чем можно объяснить любым известным фотосинтезом: Теперь представленный процесс был новым (как наблюдал Въедливый Голос) фокусированием в независимые параллели струения, где кислород и глюкоза проходили бок о бок вверх по трубке, ведущей к мозгу — и все же, если бы что-то произошло

с глюкозой, это, скорее всего, выгорело бы в кислороде, чем стало бы больше.

Имп Плюс мечтал о сне, в котором он ранее знал фотосинтез.

Разделенный давнишний сон на орбите в фазе с ДАВАЙ-системой Земли, когда он знал фотосинтез и употреблял такие слова — время, когда глюкоза уменьшалась, и он был своим Слабым Эхом. И тем не менее знал также со всей нездоровой волей и желанием, что фотосинтез, даже когда он в темноте делает сахар, не мог спасти его больше, чем даже Хороший ДАВАЙ Голос когда-либо говорил, что мог бы.

И сейчас, словно колеблющийся к Земле луч был телом его отчаяния из-за невозможности дать то, что, как он знал, было здесь, Имп Плюс не мог бы показывать больше Въедливому Голосу те тени, которые однажды удлиннились, как лебедки, и сокращались, как локти, чем докладывать Въедливому Голосу, что слова *ведущий к мозгу* теперь были неверными; ни показать Въедливому Голосу, что Имп Плюс лишь наполовину знал то, что имел в виду, говоря ГЛЮКОЗА ПРЕКРАСНАЯ (слово Центра). Казалось, он сказал это сейчас; но в действительности он сказал много раз и давно сквозь дуги сахара, источающие свет и цвет вниз на темные спуски, и также сквозь сладкие мышцы, которые открыли радужный поток к шансам его желания: поток, водянистая влага на Земле, становящийся тем временем здесь на орбите, словно посредством его видения, сахарным питанием. Если бы он не передавал такие странности, все равно Имп Плюс — его прежняя гипоталамическая железа управления растворилась в другом существовании — не выключал команды Кап Кома, вторгавшиеся во Въедливые частицы. Хотя он вряд ли знал, в чем заключалась суть показывания Въедливому Голосу на этой их индивидуальной и прямой цепи частиц спектра маленьких дуг и золотую тень одной большой дуги, отброшенной в Имп Плюса Солнцем, его телом и рукой света.

КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ, СЛУШАЙТЕ ЧАСТОТУ, ПОЗЫВНЫЕ И СЛОВА СЛЕДУЮЩИЕ ЗА МАСКИРОВКОЙ. Свет выявил узор в кристалльных клетках: это был его простой ответ, но большее понимание. Но с Кап Комом он должен разговаривать старым способом по Концентрационной Цепи.

О, здесь был тест, тест, как вопрошание определить, что было расположено рядом с датчиком, регистрирующим реакцию азота в грядках — а именно, дилатометр, регистрирующий расширение жидкости.

Как часто Имп Плюс в ответе повторял частоту, позывные ПС и тестовые слова *Чрезвычайный План*, видя себя призрачной маскировкой в беспокойном мозге Центра? Сомневался ли он также, стало быть, в своем равновесии? Поскольку это могло казаться простым отказом от действия сбрасывающих встрясок ИМП, которые пихали новые, все более низкие орбиты, каждая, эллипс, диаметр, который боль, фокус, который Земля, и другой — другой фокус, некогда пустой на мелованной доске Въедливого Голоса, а теперь ясно Имп Плюс и Солнце.

Или — Въедливый Голос наблюдал в другой точке — наоборот максимум глюкозы мог обозначать: *никакую* глюкозу не использовали, что могло указывать на то, что Имп Плюс мертв и говорил извне или, скорее всего, перерос глюкозу — возможно, и воду — Но ОТКАЗ, ОТКАЗ, ОТКАЗ, Имп Плюс слышал, как сам сказал, словно утраченное Слабое Эхо. Но сказал с чувством, казавшимся больше и глубже, чем то, говорил он Въедливому Голосу, что должно было увидеть: а именно, течения в трубках, из которых одно, что двигалось *по направлению* к нему, было живой линией глюкозы, переполняющей проток из капающих зеленых, сине-зеленых, влажно-бурых растительных грядок: поскольку вверх в его субстанции, как мог Въедливый Голос задумать дуги люменного сахара, и как они так закатились за желание растений, которое Имп Плюс не желал озвучивать словами — он знал *ненавидеть* из въед-

ливых зеленых комнат — ненавидел пристальное внимание Въедливого Голоса, алчущего сейчас получать и понимать, и ненавидел Центр, потому что тот не увидит.

И таким образом в одной точке в тенях света, который лился, тонул, уплотнялся, выбирался (и, казалось, смягчался в роях, скрутках и деформированных пятнах) сквозь жесткую решетку себя, он не объяснил свое ОТКАЗ, ОТКАЗ, ОТКАЗ: пока в другой точке, наслоенной сверху мгновенного раскачивания меловых, молочных частиц, так пульсирующих передаче Въедливого Голоса, что Въедливый Голос был там в зарешеченном слое сам — Имп Плюс видел в трубке, ведущей от растений, блеск — не глюкоза: это был свет.

Глюкоза остановилась.

Но то глубокое чувство, что появилось у него, сразу стало слоистым знанием этих слоев: которые были тем, что, как он сейчас видел, он подразумевал, когда устремлял взор в будущее: поскольку только когда Въедливый Голос во время именно той передачи спросил, как видит Имп Плюс, Имп Плюс обнаружил, что он не видел остановившийся блеск в трубке, ведущей вверх: но более того: смещения субстанции превратило мембраны в чешую, а затем в решетчатые клетки — и он почувствовал остановку в трубке, не увидев ее.

Что же, стало быть, он сейчас видел? Блеск, который вспомнил.

А также различие между Въедливым Голосом и Кап Комом. Хотя один был прямо здесь в рифах и оберточных окороблениях, которые решетка сделала со взаимным светом, а другой — Кап Ком — был невидимым, но другим способом говорить. Но перед и после того, как Кап Ком вмешался во Въедливый Голос и просьбу Имп Плюса определить пламенную железу возле гипоталамуса, которая сейчас рассеялась, Въедливый Голос вмешался в Имп Плюс:

(между ОТКАЗ ОТКАЗ Имп Плюса и его общей потребностью знать, как продолжает появляться вода)

и вмешался в его сомнение, что дуги люмена, думающие конечности, смещающиеся субстанции, Солнечные косы и буротвестень, ложноширь, морфоген или бредение могут быть когда-либо сообщены, и его просьбу знать, как могла поддерживаться его сила:

тот Въедливый Голос вмешался не для того, чтобы вновь спросить *Какой рост?* (поскольку Въедливый Голос испрашивал это у восстановленных частиц на Земле и в нескольких кратковременных зонах, оформившихся в решетчатом свете), а наоборот (ладно, Имп Плюс) для приема многомиллионами клетками, проводящими жизнь из взаимного света, с которым они разрабатывали эти шансы: таким образом, имеем (сказал Въедливый Голос) этот излишек глюкозы, имеем следовательно больше, чем хлорелла, наша и Проекта, могли произвести между собой, фотосинтез, должно быть, аномальный и, возможно, новый: хотя даже так, там была бы вода. Но пока Солнце может выдувать чистую энергию, Солнце никогда не смогло бы и за миллион лет даже сквозь скольжения азота, наслоенными на окно ИМПa, само создать воду. НУ И —

кроме отчаяния и любопытства над частицами того, что вспоминалось сейчас падающим за пределы постижимого (поскольку Имп Плюс сейчас обнаружил, что Въедливые передачи вновь оформились в слои его решетчатых клеток, пока колеблющийся, идущий к Земле, луч в общем призыве обнаружил и снова обнаружил в каждом мгновении меловые, молочные овалы частицы, бывшей Въедливым Голосом на острове Рождества; и Имп Плюс зароился во Въедливых догадках, чтобы заградить их несущественностью равной тому, в этом углу любой новой меньшей орбиты, куда бросало ИМП, что Имп Плюс видел как совместный хаос сговора: чтобы ведать, как Чрезвычайные подозрения Кап Кома замышляют план посадки Имп Плюса, как Хороший Голос «Путешествовать по свету налегке» переходит к новым проектам, солнечным печам в индейских поселениях, гонке за Обратимой Реак-

цией, трансмировыми силовобассейнами, объединяющими большие участки, сужая большее пространство, борьбе за силовое могущество, которая была борьбой за нахождение, вне совершенно несовершенных полупроводников или вне элемента, из которого нужно сделать безотходные черные тела для светоприемников-аккумуляторов, разгадку к Реактивной Обратимости, с помощью которой изогнуть потраченную Энергию сквозь поверхность соприкосновения ее использования и так преломить ее отмотанный отскок) — Имп Плюс падал по направлению к формам, которые склонялись удерживать города и цвет, потоки крови и воду, хотя формы, которые имели свое значение в узорах силы, удерживающей пустоту, где мириады кристалльных клеток Имп Плюса в этом мгновенном оформлении отчаяния могли роиться словами НУ И ЧТО —

нужно было увидеть (продолжал Въедливый Голос, не остановившись) допсилу в работе, которая была еще одним элементом, казавшимся вне последовательности старых Земных слов (но слов, которые все были решетчатыми клетками в рассеянном во всех направлениях взаимодействии, разделенным на значение), элементом или силой, низвергнутой тем, что было близко и было болезненно очевидным, низвергнутой в большом количестве, низвергнутой в дождях, Имп Плюс, дождях — низвергнутый забредающий среди шири того, что там уже было — которое было серым и белым веществом мозга и очищенной влагой спинномозгового флюида —

И света! — слова встретились: два слова, но больше двух пар — две формы решетки, наслаивающихся одна на другую: Въедливый Голос и Имп Плюс сказали их вместе, так что само соответствие пар сделало их отчетливыми, как...

Тень сговора миновала наискось среди бледных, жестких клеток. Умножилась или разделилась на перемену. Имп Плюс думал: я изобрел наклонную решетку. Но (на индивидуальной частице-линии прямо между ними) Въедливый Голос продол-

жал: а если этот свет от Солнца в субстанции мозга имел тело, странный элемент, низвергнутый в большом количестве, мог бы встретить этот свет — и превратился ли Имп Плюс из гетеротрофа в аутотрофа? — если там действительно есть вода. И какой рост, Имп Плюс, какой рост? — слова наслаивали свой свет сквозь то, что он думал, и Въедливый Голос снова спрашивал, а затем спросил, возможно ли, чтоб Имп Плюс сохранил свою силу высокой посредством сжатия или сложения таких солнечных заветрений, о которых провозглашал Въедливый Голос, в фокусы, фокусы, такие же концентрированные, как и техприемы, изначально запрограммированные посредством гипноза для Концентрационной Цепи.

КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ (мгновенно поступила резкая линия ПС, мгновенно распространившись в короблениях люмена, которые придали видимость движения устойчивым отпечаткам ископаемых ложноширей, однажды зазыбивших гуморальные расстояния среди морфоген-наростов), НЕ ПРИНИМАЙТЕ ВО ВНИМАНИЕ ПОСЛЕДНЮЮ ПЕРЕДАЧУ КАК НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ МАСКИРОВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ ИЗ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПЛАНА, КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ, СИЛА, ГЛЮКОЗА, ВОДА ПОКАЗЫВАЮТ ОЖИДАЕМОЕ СНИЖЕНИЕ.

Но вода есть, сказал Имп Плюс словно Въедливому Голосу, и знакомые овалы, борющиеся со своими узорами частицы на тихоокеанском острове, ответили. Борьба говорила, но думала сама по себе: Показания были не теми, что сказал Кап Ком, но как мог Въедливый Голос это передать — ?

Имп Плюс знал.

— или переправить то, что Кап Ком приказал Въедливому Голосу ограничить себя лишь получением фактов от Имп Плюса?

Поэтому Въедливый Голос еще не знал, что на самом деле он общался по индивидуальной линии с Имп Плюсом!

Хотя сейчас, когда он мог связаться с Въедливым Голосом лишь напрямую, а не через Кап Ком, Имп Плюс хотел любой

незначительный или даже поддельный тест от Кап Кома — даже поддельный тест на готовность, чтобы показать, что старый режим цепи все еще работает. Но затем этот шанс потерять Кап Ком рассеялся среди слоев решетки, и где-то Имп Плюс уже объяснял, что однажды разъединенные отдельные атомы молекулы воды оказались пойманными, скрученными, вышвырнутыми и задутыми вокруг спиральных орбит Солнцем, намотанным на его солнце, и они множились в небо рождения, так что, когда сейчас намного более многочисленные атомы возобновили связи, уровень воды значительно увеличился, и, возможно, Центр мог объяснить почему и рассказать была ли разница между показаниями воды Центра и Имп Плюса из-за плана Чрезвычайной Маскировки, о котором не знал Имп Плюс.

И хотя он оказался сейчас в долгом цикле темноты, Имп Плюс обнаружил в сформированных зонах себя и также ранее сказал Центру, что немыслимое количество глюкозы, поступающее из растительных грядок, тем не менее не начало уравниваться с уровнями глюкозы в Имп Плюсе, и все указывало на то, что глюкоза, возможно, посредством заполнения из растительной трубки, ведущей к мозгу, возможно, сквозь уже указанный разбредающий процесс производилась напрямую в том, что было мозгом раньше, но не сейчас, поскольку полностью изменилось.

Откуда-то поступила запинка, и она была в одном месте, а не в каком-то другом. И Имп Плюс не мог различить, было ли то, что имелось у него в кратковременных зонах коробления решетки, образом активности в частицах Въедливого Голоса на тихоокеанском острове. Но продолговатый длинный овал их личной цепи объединил его текущий эллипс, так отчетливо, что он вспомнил *танец* — картографированный на какую-то сладкую решетку влаги для последующих.

И сквозь наступающую темноту долгого цикла вместо Въедливого Голоса поступило статическое деление Кап Кома:

между возможным и чужим, потребностью и сомнением: КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ, ПЛАНОВЫЙ ПОЛЕТНЫЙ ТЕСТ ГОТОВНОСТИ: ИДЕНТИФИЦИРУЙТЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ПРОЕКТА ПС ПО ИМЕНИ, ОТВЕЬТЕ ИМП ПЛЮС.

Но как, в своих слоях, ему хотелось противоположную встряске замедленную закреплённость, хотя более тонкую закреплённость — заслуженную — и он знал, что даст Кап Кому другой, лучший ответ, чем тот, какого Кап Ком хотел, он обнаружил то, что предвидел за главным вопросом Въедливого Голоса *Какой рост?* — который был вставлен Имп Плюсом во Въедливый Голос. Он обнаружил, что в одном близком соответствии слоев он предвидел, что не будет знать, как ответить на этот вопрос.

И Имп Плюс, не помнивший другого имени Хорошего Голоса, ответил Кап Кому: ТОТ, С КЕМ МЫ ВЕЛИ РАЗГОВОР, ВЪЕДЛИВЫЙ ГОЛОС. ПОВТОРЯЮ, ВЪЕДЛИВЫЙ ГОЛОС.

На тихоокеанском острове овалы, ощущаемые как уступившие бомбардировке утраченные конечности, и это и был Кап Ком во Въедливом Голосе, пока ПОЧЕМУ ВЪЕДЛИВЫЙ? не поступило из Центра.

Но сказанное Имп Плюсом было необходимо сказать, потому что помогло.

Так как, хотя Центр, среди ускоренного кружения восстановленных частиц, ответил ПОВТОРИТЕ ЕЩЕ ИМП ПЛЮС (и был проигнорирован), Имп Плюс знал, что, поскольку кружение Въедливых частиц было намного любопытней, назвать имя Хорошего Голоса заставило бы тогда Кап Ком задуматься, что имя в конце концов было известно настолько далеко вовне тугой безопасности ПС, насколько Имп Плюс в этой точке был изогнут мимо коммуникационной линии от того сухого тихоокеанского острова. Кап Ком узнал бы сейчас от Въедливого Голоса почему «Въедливый»; и, узнав это, Кап Ком поверил бы, что передача поступила от Имп Плюса, поверил бы в данные воды, глюкозы и силы; и Кап Ком признал бы, что

Имп Плюс имел способ связываться с той точкой в Тихом океане во время долгого темного периода.

Но постой: они бы этого не сделали: постой, сам Въедливый Голос и Кап Ком сейчас вместе.

Хотя Имп Плюс придерживался с состоящим из частиц Въедливым Голосом индивидуальной частоты, которую Въедливый Голос все еще ощущал, как свое мышление на том острове, но которое выделялось Имп Плюсу, здесь в формирующей игре решетчатого света, замедляющегося в направлении растущей тонкости закрепленности, и состоящего из частиц образа Въедливого Голоса и его ответов, как предвидение, в слоях. Но как Кап Ком сдвоился с иным, телесным Въедливым Голосом на луче, колеблющемся от дыханий между Солнечными косами и малиновой скруткой, так решетчатые поля Имп Плюса стали осознавать, что они всегда склонялись направленно: что их индивидуальный луч к состоящему из частиц Въедливому Голосу переносился главным мотком луча, а не каким-то иным способом. Но, несмотря на сдваивания мотка Солнечных кос и малиновой скрутки, голоса расплетались по желанию решетчатых клеток. И Въедливый Голос в медлительном скоплении фигур взаимного света тек все быстрее и быстрее, словно мог круговесием картографировать одно единое поле или растворитель для всего происходящего с глюкозой, водой, взором (которое решетчатые слои были способны вспомнить) и всем ростом — *Какой рост, какой рост?* — пока Имп Плюс, еще не желающий давать, как позиционное закрепление, данные о звездных руках, которые жили, как безротовая гидра, данные о мембранах, которые полипами прилипали к свету и даже о самом взоре, об увеличениях, через которые его смещающаяся субстанция разбухла и разделилась и умножилась, спросила, мыслимо ли для клеток мозга вернуться к их первоначальным зародышевым формам, чтобы затем произвести быстрорастущие умножения перед тем, как вновь развиться

во взрослую форму; и Въедливый Голос наблюдал, как Имп Плюс, несмотря на то, что снова передавал почти слишком медленно для ясности, он, казалось, видел спорные явления и добавил, что на самом деле на протяжении нескольких лет — *каких лет?* подумал Имп Плюс — проекты искали, как бы расщепить нейрон, хотя, насколько он знал, не нейроглии, то есть глиальные клетки — Кап Ком опять вклинился, требуя узнать, что значило слово «Мы» в передаче *TOT C KEM MY PAZГОВАРИВАЛИ*, и Кап Ком, который мог бы звучать как Хороший Голос, если бы все кристалльные слои решетчатых клеток были склонны к вниманию, спросил, был ли там кто-то еще — что-то еще — с Имп Плюсом, и еще дважды спросил.

Но цикл темноты заканчивался. Солнце нагрело пряди. С косами они дышали намного легче. И пока излучения люмена струились по решетке, Солнце казалось сейчас не столько пальцами, сколько ладонью. Ладонью или кулаком, с которым Имп Плюс мог столкнуться и отскочить. Ладонь, бесконечно наклоненная, и с ослепительно-широкими морщинами, и то ли из воспоминаний Имп Плюса, то ли из предвидения, ладонь, слегка сложенная чашечкой.

Ничего не зная о загибах, кроме того, что они были движением, Имп Плюс, тем не менее, сквозь них ощущал очертание очертаний среди клеток решетки, выделяющих ему необходимый ответ, который старая и новая боль растворили в себе, чтобы сделать неизвестное между Солнечными косами и слиянием, которое они почти охватывали. Но в продолжающейся мысли Въедливого Голоса его ответ на вопрос оказался перекрыт и утрачен. Очертание очертаний было тем вращающимся шансом, который он вдыхал в бледно-зеленых комнатах на Земле. Вдыхал, увидев сквозь них частицы дыма. Частицы, которые, как он сейчас видел, поступали так же от странного голоса с его ископаемыми фокусами в овале на продолговатой зеленой мелодоске, как и дым поступал в его нездоровое тело. Он смотрел сквозь

частицы на формы, которые были не вне частиц — формы въедливой утраты, которая, если ее можно было бы сделать хорошей, могла выделить четкий процесс, но должна быть зонами оставленными, действительно опустошенными утратой, которая, суровый голос вряд ли чувствовал, имела значение в нездоровом желании фразы *Подумайте, что вы собираетесь утратить*.

Слова, лично переданные Имп Плюсу, который во время закашлялся до громоздящейся головной боли. И в тот момент, который был скорее зоной, поднимающейся по краснеющему горлу, чтобы стать в реальности скорее местоположением, на котором Имп Плюс сосредоточился в своем мчащемся мозге, чем нездоровым желанием и сумасшедшим страданием из-за будущего мертвеца или нежилца, так что одно преследовало другое: он видел это сейчас сквозь жесткую, как кость, энергию решетки, которая была им: видел, как теплое сосредоточение мига в бледно-зеленых комнатах потерпело неудачу или угодило в преследование: так что зияние, движущееся между преследующими двумя, стало их умножением.

Но в какой бы части своих клеток Имп Плюс это ни видел — оно предвещало себя в бледно-зеленых комнатах в момент сплетенного деления, нездорового желания, страдания, гнева и каскадного наклона. Преследование было в нем, и миграция зияний рисовала — уже врисовала — в формы процесса, очищенного от всего загрязняющего, за исключением брошенной вперед возможности, чье местоположение было чрезвычайно бледной коралловой решеткой, в чьей одновременной общности он минул — уже миновал — сквозь то, чем он был: влажными мышцами света; дождями питания; обвалами роста и пустоты, ставшими реальными, благодаря самому побегу, протянувшемуся над ней; видом мысли, стоявшей рассеянной; глюкозой, сделанной или надуманной по пульсации цвета радуги, сжатой через зияние зрачка; фор-

мами равновесия, которым он скорее был, чем видел среди кувырков положений ИМПа по неизвестному плану Центра; формами затрудненного дыхания внутри вдохов и выдохов, и повсюду тропы частиц, проделанные сквозь локоны света дыханием овальных силовых установок-растений, так близко пересекающими жизни мозга и водорослей, что в тени идеи зеленого Имп Плюс мог казаться Въедливому Голосу фотосинтезирующим — и если по воле гетеротрофным, то аутотрофным в коренной форме — казаться, то есть, этому суровому присутствию, которое было еще одной формой, Въедливым присутствием, как-то перерастворенным Имп Плюсом в узорах частицы, так похожих на его каскады веретенообразных осей-частей, обломанных в новейшем движении, которым Въедливый Голос мог взглянуть на Имп Плюса как на его же субстанцию. Но обвалы, цвет, форма, сила — то, что он должен иметь сейчас, было способом удерживать то большее, чем он стал — в то время как Въедливый Голос, казалось, настойчиво хотел это больше.

Повторите еще.

Решетка поглотила слова.

Слова сгнули в несказанную пустоту, где, будучи неоднократно сказанными до этого, они остались несказанными. О, что бы это значило? Страдание, гнев, нездоровое желание, пустота, боль старая и новая, растворившаяся, чтобы создать нечто между Солнечными косами и слиянием, которое они почти охватили.

Его поблагодарили. За что?

Да, структура косы, согласился Въедливый Голос; и если видимая, то где? И не сочеталось ли она каким-то образом с ранее упомянутым красным, увеличивающимся с жарой?

Имп Плюса поблагодарили за ответ на *повторите еще раз*, когда он сказал — но это была решетка, что собрала — боль старую, боль новую — Солнечные косы и слияние, и что-то между ними.

Он хотел сказать каскады. Он не знал себя даже после того, как голос Кап Кома, сплетенный с вначале суровым, дружелюбным голосом, потребовал узнать, что вообще было сказано о косах, и говорил ли Имп Плюс им, что Солнечные косы и красный действительно были видимы.

Он не мог объяснить зрительные мембраны.

Но они были им. Нет, они были им сейчас.

Кап Ком вновь требует.

Но где теперь был иной голос?

В тишине решетчатые слои были заняты. Где-то, трудно извлекаемый в решетках, иной голос громко спросил какие каскады. Поскольку каскады напрямую передали частицам Въедливого Голоса, находящегося в овалах на Земле, хотя и здесь в решетке, словно части, отсеченные там, чтобы списать на приобретение опыта, все еще также были здесь в теле среди слоев заряженного, жесткого, выбеленного расчесывания. И на этот раз частицы Въедливого Голоса не произнесли *Повторите еще*. Поскольку, произнесенное неоднократно *повторите еще*, оставалось несказанным. Затем возникли помехи, заразившие дружественные частицы; они были в решетчатом слое и также на Земном острове, где Въедливый Голос также был сопровождающим телом, работающим с Кап Комом; повод для воды оставался неизвестным, пока каждый новейший эллипс жестко швырял ИМП к Земле; в дружественные частицы вторглось больше помех; голос утверждал, что ничего не было сказано о косах и каскадах; решетка врисовала больше Солнца в то, что она и Солнце, казалось, хотели — внутреннюю спираль, как сложный глаз, охотящийся (хотя здесь было не больше насекомых, чем растений); но повсюду в частицах Въедливого Голоса каскады закручивались, но не останавливали помехи: каскады и сальмонелла закручивались, но закручивались внутрь среди овальных воронок частиц, хотя помехи вклинивались, и извне были они, но не бледная решетка, а там на Земном острове; фотоны образовывали

внутренние спирали, сложенный с решетчатыми клетками, которые, как могло казаться, двигались удерживающим движением — сложился в глаз, чей угол поворот за поворотом охотился за местом в слоях, где одно обваливание могло привести за пределы более всего, что могло быть утраченным, и дальше ко всей сладкой влаге в отвесном море Солнца; но что-то вклинилось, и это было не помеха, а мысль, что помеха была Кап Комом, и что дружественные частицы в опасности; и во внезапном позвоночникомподобном движении, которое совершила закрепленная решетка врисовыванием Солнца в трубопровод, чтобы зацепить и встряхнуть направляющийся к Земле пространственный контур, ИМП был стабилизирован, его кувырание в направлении угрозы Земли прекратилось, и решетка стала между дружественными частицами Въедливого Голоса и помехой, которая должна была быть Кап Комом и, вслед за тем с Земли сейчас можно было услышать прежние слова: *Подумайте, что мы собираемся утратить.*

Странно, но слова были более известными, чем даже если бы их кто-то сказал. Как так? Потому что их сказали именно кому-то.

Хотя и не в этот раз.

Слова, показанные смещением дружественных частиц: словно одна складка овализированных ультра-пересечений подалась наружу в мгновенный льющийся наклон: но слова *Подумайте, что мы собираемся утратить* которые поступали не от, а к Кап Кому (как можно знать, что они поступали именно к Кап Кому?), поступали не в форме мысли, переданной напрямую к или от дружественных частиц, или мысли, существующей так, как новые орбитальные положения содержались во внутренней мысли, а как излучение запущенное из дружественных частиц бывшей мысли Въедливого Голоса в то, что великая решетка удерживала, как контур, не сильнее и не страннее, чем речь вслух Въедливого Голоса Кап Кому. Въедливый Голос все еще нуждался в большем. В большей

помощи. Оваллизации высунулись, поскольку они текли быстрее, но только чтоб свободно пролиться от центра, лишь с целью вытянуть из него еще более жесткое разложение на частицы, словно сила была фокусом, когда, как у овала не один фокус, а два, таким образом эта овальная форма высунулась или выперла наружу сразу и на Земле и здесь в решетке, которая ощущала в своих слоях и тот великий впадающий полет в центр, центр-брешь, чья брешь возникла из двух фокусов, разделенных этой брешью между ними — и в той же самой спешке тот великий центробежный полет прочь (центрифугой — он вспомнил *центрифуга* — она сама вспомнила), поскольку освободиться было сутью: но кому? не просто же мотку Въедливого Голоса: освободиться от той решетки? Как кожа от мозга? Ни то, ни другое. А имени. Должному быть сказанным, если имя поступит. Может, и полученным из решетки.

Что должное? Какое имя?

Кап Ком говорил: КАП КОМ ИМП ПЛЮСУ. ОРБИТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА, МЫ ДУМАЛИ, ЧТО ВАС УТРАТИЛИ. ГДЕ ВЫ СЕЙЧАС ИМП ПЛЮС? ВЫ ЗНАЕТЕ ВЫСОТУ?

Кап Ком был тем, с кем разговаривал Въедливый Голос, когда Въедливый Голос сказал *Подумайте, что мы собираемся утратить*. И это было от дружественных частиц, которые решетка заставила высоту вернуть Центру. Медленно. Так медленно, что прежнее имя *Имп Плюс*, сказанное Кап Комом, чуть не сбежало вновь. Что не было побегом, который до того имелся в виду тем, что ранее хотело выбраться отсюда. Всегда можно найти намотку, чтобы ей выбраться. Но где здесь такое? Имп Плюс был тем, что ранее хотело выбраться из решетки.

Или не из — а из-под. Как слой. Или к одному краю, чтобы поговорить с Въедливым Голосом, который был бы тогда на другом ближнем крае решетки и не на пути, говоря сейчас над главным лучом, выдохнув колебание из малинового процесса и Солнечных кос — говоря *электромагнитный каскад*

(в этом было дело, Имп Плюс?) (опять имя) и объясняя, что процесс динамического распада это, как прекрасно знал Имп Плюс, будучи инженером (ультрамикронами, признаками покраснения, оградой), электромагнитный каскад, отдаленный позитрон, ищущий и находящий отдаленный электрон, чтоб уничтожить друг друга в миге насилия, что-то выделяя.

Но прежний Имп Плюс должен что-то сказать, поскольку помощь поступила бы для большего, бывшего решеткой, только если бы Въедливый Голос знал об утрате, которая поступила перед бóльшим. И от решетчатого слоя теперь было слышно на острове Рождества в Тихом океане без позывных отправителя или получателя медленное сообщение о том, что: глюкоза не шла вне того, что было в трубке, идущей из растительных грядок, глюкозы не было вне того, поскольку там была решетка, там была решетка.

ПОВТОРИТЕ ЕЩЕ.

Сейчас мозг, независимо производящий глюкозу, был странным аутотрофизмом (так сказал «каскадный» голос, складывающий слова на главном луче Центра с другими, напрямую перемещенными от частиц). Но отсутствие глюкозы в мозге вообще означало, что здесь был аутотрофизм другой воды.

И труднее глотать (сказанные дальнейшими словами также поступили напрямую из частиц, в чьей мысли они заряжались вольтами, которые всегда присутствующая решетка хранила явно, как произнесенное вслух Кап Комам Въедливым частицам).

Но мозга нет, вернула дважды решетка, мозга нет.

Вследствие чего, из ответов, крутящихся воронкой среди Въедливого Голоса, Кап Кома, воссозданных частиц и двойных лучей, один ответ поступил Имп Плюсу яснее остальных:

ИМП ПЛЮС, ИМП ПЛЮС, ПОВТОРИТЕ ЕЩЕ, ИМП ПЛЮС, ПОВТОРИТЕ ЕЩЕ.

Сложно, так сложно. Так как что было то старое имя *Имп Плюс* теперь перед лицевой поверхностью решетчатых слоев?

Разрешили. Имя разрешили. Но как?

Разрешила решетка. Но среди распрямившихся воронок слоев что разрешили? внутри яркого глазного века слоев, последовательно отпечатанных воронками заряда, что разрешили? Сложно увидеть: хотя потом *разрешили* отошло в один угол века, и было тем более тяжелым чувством, притяжением в кубе, сжатым, обтянутым чувством и вылетающим кашлем из зимнего горла в одну руку, не бывшую рукой, отпущенной сейчас иной рукой, спрятанной от слепого продавца газет, который с ней говорил, когда она затем отклонилась от *Имп Плюса* к тому, кто подошел, кто позволил *Имп Плюсу* там быть. Нет, не быть там, а быть там с рукой, которой в свою очередь разрешили быть с ним: ребенок, зимнее дитя, головная боль, его ребенок, женщина с бледным и расстегнутым на зимнем ветре горлом, не таким красным, сказала она, как у него — горло, которое он собирался утратить — не громоздящаяся, как головная боль, с ее каскадным разрешением связей, смещающихся от невыносимого лишь к тому, что было невыносимым, вращающим сквозь одновременные пространства этот глаз, который решетки сложили с Солнцем для охоты за тем, о чем *Имп Плюсу* разрешили думать, что провело мимо одного обвала болей к влаге моря, моря такого же бесконечного как и пространство, но — нет! — нашедшего приют в воспоминании о пламени все ближе и ближе к увиденному внутренним спиральным сложным глазом, который был лишь частью решетчатых слоев. Запах еды и разведенной соли вставили в кровь, портящейся и вязкой на воздухе. Запах отходов-боли. Или выращивания.

И *Имп Плюс* медленно говорил с Центром, но было ли это вслух или нет, он не знал. Но знал, что спрашивал сейчас, чем была пламенная железа с обесцвеченным пересечением сверху.

Но на что был остро наведен его сложный глаз, дышащий рядом, но затем выдыхающий в сторону, как эллиптическая орбита какой-то высоты? Сейчас уже не предмет и не железа.

Так как мозга больше не было.

Субстанции рассеялись и преобразовались, хотя вязкий, прогорклый, сильный процесс не источал запах, пока о нем не вспомнили.

Но то, на что заострялся сложный глаз, находилось здесь среди слоев. Оно не знало, как себя назвать. Менее громоздкая, разрушающая головная боль, чем воспоминание: и также боль из-за обезглавленности, но боль такого каскадного чуда, что возникло недавнее воспоминание ложно-морф мышцы, смеющейся, предвидя (все еще далеко под слоями), как слабый голос говорит слова *Пятьдесят процентов удальствия пятьдесят процентов боли*.

И Имп Плюс обнаружил среди прибрежных зубов теплой женщины, вымолвивших *Суэта*, плохие зубы торговца газет, кусающие ветер с Атлантики, в то время, как *Я мог стать растением* перерезало запомнившееся желание Имп Плюса последовать за ребенком, оставить «Путешествовать по свету налегке», но выжить.

И в тот же самый момент, когда было слышно, как Слабое Эхо говорит *гипоталамус*, было видно, как Вьедливые частицы спросили, как Имп Плюс разглядел там вверху что-то гораздо меньшее обесцвеченного перекреста зрительных нервов.

И теперь ощущалось, что великая решетка среди своих слоев клеток подергивала и выдыхала или разжимала мышцу: подергивала спирально сложный глаз наружу в воссоздания овала, который рассчитывался с растущим чувством Имп Плюса: что его разрешила великая решетка, лишь разрешила.

О чем он не рассказал Центру. Но к показаниям глюкозы он добавил, что вода была сейчас тоже на нуле, но это так, потому что она стала ненужной.

Кап Ком как раз говорил Длительное время отсутствует телеметрия по гипоталамусу.

Решетка лучом лучила Центру, что никакого гипоталамуса уже сейчас не существует.

Имп Плюс ощущал, что его тоже нигде нет. Но затем обнаружил себя частью решетчатого овала, свернутого Солнцем. Сразу увидел и смог передать Въедливому Голосу — но передал ли? — что когда субстанция сместилась, железы мозга рассеялись и поглотились. Он слышал, что решетка, подобно сну, частью которого повсюду и в себе был он сам, сказала: Воды не нужно.

Имп Плюс стал осознавать, что его уже не существует. Стал зиянием. Не так, как повсюду, как бы хотелось боли. Имп Плюс был частью предвидения о том, что снова не будет существовать, но существует сейчас и будет снова. Он был в иных дугах овала и правильно считал, что повсюду были и другие одновременности, как он сам. Это было о них.

И он подумал тогда, что они были идеями или как идеи. И затем он стал осознавать, что его как раз и не существует. И подумал, что в этом он сопротивлялся хорошему. Его интересовало, знали ли решетчатые слои план Центра. Или могло ли это их заботить. Он должен был рассказать всю известную ему правду.

Въедливый Голос поступил по решетчатым слоям, чтобы сказать, что если сейчас не аутотрофным и гетеротрофным одновременно, то в свое время Имп Плюс был и тем, и другим. Но Имп Плюс собирался сказать, что, несмотря на отсутствие воды сейчас, однажды она была. И Въедливый Голос близкий или конгруэнтный сказал, что вода существовала в Имп Плюсе, но ее нет сейчас.

Имп Плюс опомнился, что его не было; и сразу же почувствовал, как решетка передала Земле невыносимую новость, что никакого Имп Плюса не было.

Не было Имп Плюса?

НО ЕСЛИ НЕ СЕЙЧАС, ТО ОДНАЖДЫ (поступили слова — не от Кап Кома, который сказал: Какая решетка, Имп Плюс? — не от Въедливых частиц, которые хотели знать, продолжались ли малиновый и структура с косами в бреши глюкозы и воды) — слова *Но если не сейчас, то однажды* поступили от Имп Плюса, и Центр сказал: ИМП ПЛЮС ПОВТОРИТЕ, и Имп Плюс не мог вспомнить, за исключением того, что пока не придет помощь для большего, которое уже настало, если только Въедливые частицы полностью не осознали утрату, которая шла раньше большего, правда была в том, что эта утрата воды или глюкозы поступила позже и ушла не раньше роста большего, а после него.

Какая решетка? спросил Кап Ком. Какой рост? спросил Въедливый Голос. Почему нет мозга? спросил Кап Ком. *Въедливые частицы?* (подумали Въедливые частицы) — повторите еще.

Повторите еще.

И Имп Плюс со всей силой, разрешенной решеткой, ответил: ПОДУМАЙТЕ, ЧТО ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ УТРАТИТЬ.

Говоря так, он знал то, что знал уже долгое время: они его утратят. Много времен располагалось в решетчатых слоях, но он создал свою маскировку мгновенной необходимости: поэтому он неразумно поступил, чтобы удержать, как единственную истину, эти одновременности, которые сила решетки могла показать в слоях и движении. Но они не были единственной истиной. Поскольку Въедливый Голос сказал то, что Имп Плюс уже знал: если в свое время Имп Плюс питался за других, потому что не был способен использовать простые углеводы, и ему требовались комплексные органические молекулы, подобно глюкозе, и если в свое время он также наоборот был способен производить свой солнечный свет — то есть, если в свое время он был и гетеротрофом, и аутоотрофом — он был сначала одним, потом иным, даже если в какой-то миг обоими сразу — он переходил от одной стадии

к другой. И эти стадии сейчас пропали. Пропали из него, как вода, которая все еще порой капала, подобно запоздалой мысли, из водорослей.

Но Имп Плюс знал, что утрачивание произойдет, если его произведет он. Даже сейчас утрачивание возвратил именно он. Из громоздящейся боли, которая все еще существовала в бреши его головы. Возвращена словами, бывшими собой, возвращенными с той же точностью, с какой им точно дали обратный ход. Так как *Повторите еще* были словами Имп Плюса на Земле, дважды вслух, третий раз тихо; и теперь, возвращенные обратно фразой *Въедливые частицы*, как он думал, вперед к тихоокеанскому острову Рождества к самому существу, которое поименовали словами *Въедливые частицы*, но вместо этого от *Въедливых частиц* поступило *повторите еще*. И от Имп Плюса сейчас поступило *Подумайте, что вы собираетесь утратить*. Что однажды сказал *Въедливый Голос*. В бледно-зеленой комнате. Один раз *Повторите еще* не озвучили. Поскольку в пустоте той частой, громоздящейся головной боли, некая новая мембрана распрямила такой бег зияний, преследующих в нем друг друга, что он мог дать целой серии каскадов провести его сквозь их уничтожающие выдачи: потому страдания из-за смерти замаскировали, хоть и вызвали, гневом на предполагаемое нездоровое желание *Въедливого Голоса*, гневом, вызванным также, хоть и замаскированным, сплетенной нездоровой волей и желанием Имп Плюса, в свою очередь вызванных, хотя и замаскированными, возможностями, разрастающимися в заграждении пустоты, бывшей его громоздящейся головной болью: возможностями, шансами, что разнесли его из ранищих слов *Подумайте, что вы собираетесь утратить* так, как его воспоминание забрало его прочь от *Въедливых* прощупываний и угроз Кап Кома — почти забрало его прочь, да, от войны между этими двумя.

Войны из-за него.

Из-за его прошлого. Из-за его шансов. Которые ему выпали.

Созданных из сумасшедших страданий и наклонных преследующих зияний. Созданных им самим из некоего множественного переплетения, которое громадилось в головную боль, так что ему было необходимо добраться до Солнца и добраться до воды. Переплетение в его голове, которое заполнило то, что готовилось произойти. Произойти, что бы Земля ни делала. Произойти описываемо или нет. Он и Солнце описали произошедшее. Это описание было существованием. Как это можно описать, как эллипс в кубе или как гидру, подобную морской звезде, становящуюся четырьмя функциями, становящуюся тем, что их держало и делало целым, как запомнившиеся по желанию возможности?

Хотя великая решетка не позволяла ему забывать переплетение, которое душило его голову до тех пор, пока не разломилось на множественную зияющую погоню.

Переплетение здесь и сейчас в том месте, где Центр хотел, чтобы был конец всего, было лишь давлением, как решетка, чьей идеей сейчас был он, окутывающей и ослабляющей его. Переплетение было сейчас с Въедливым Голосом, поскольку Въедливый Голос — выпуклый голос — обернул сеть карты через капсульный процесс последних (как долго я в деле?) четырех месяцев; и Въедливый Голос не прекратится.

Также Имп Плюс думал, что решетка, должно быть, вновь протаскивала его сквозь небытие. Поскольку сейчас ему не доставало средств, чем бы они не были, чтобы различить Въедливый Голос на главном луче из прямых мыслей его млечных воссозданных частиц на ином луче. Имп Плюс хотел найти ступню, на которую он надевал желтый кожаный ботинок; найти голос, в котором он мог узнать слепого торговца газетами в том холодном месте на другом море, «Это моя дочь», пока она бежала по тротуару навстречу темноволосой женщине. Он хотел найти плечистый позвоночник, чтобы его осмеляло прикосновение женщины на пляже; найти глаза, чтобы увидеть расщепленную кровь, расщепленные запахи,

суть шуток и прочего, не такого прекрасного, приходившего к нему сквозь рост, который сейчас (думал он), возможно, остановился. В то же время Въедливые умозаключения не прекращались; потому что Имп Плюс их распознал. Они накачивали против его другого градиента. Как то, что вытягивало заряженные частицы натрия вверх сквозь клетки кожи. Или, как сами атомы углерода, эти умозаключения пропрыгнули насквозь, чтобы вернуться к азоту, глюкозе, воде, малиновому процессу, который был более малиновым, когда теплился. Углерод, настолько маленький, что оболочка его электронного облака подобралась немыслимо близко к ядру других атомов; и таким странным образом он был способен как отдавать электроны, так и принимать, и мог образовывать связи и слева, и справа.

Но рост, сказал Кап Ком (но не на луче!), рост, рост.

Теперь, если снаружи вне Земли (продолжалось Въедливое думание) в десять раз большая углеродная бомбардировка главным образом теряется на щите ИМП, у нас все равно есть солнечный ветер.

Но постой — кто хоть что-то говорил о Въедливых частицах — структуре косы — кто питает тебя данными, которые больше никто из нас не получает?

Это Кап Ком говорил с Въедливым Голосом — Кап Ком, который не мог вмешиваться во Въедливые умозаключения о лучах из короны Солнца, бьющих в азот растительных грядок для образования углерода-14 или солнечных излучений, бьющих углерод в мозге, ломая связи для создания нового состояния, настолько реактивно богатого энергией, чтобы стать новым — но Кап Ком вновь вломился во Въедливые вопросы, задаваемые Имп Плюсу: чтобы сказать: ИМП ПЛЮС МЫ СПРАШИВАЕМ ОСТАЛОСЬ ЛИ У ВАС ХОТЬ НЕМНОГО СИЛЫ, СЛЫШИТЕ ХОТЬ *НЕМНОГО*, ИМП ПЛЮС, ХОТЬ *НЕМНОГО*.

Поскольку хотя Имп Плюс кое-как отвечал на Въедливые умозаключения, они передавали данные, которые Кап Ком,

возможно, не желал, чтобы они попали в чужие руки — он видел руки, движущиеся в противоположные друг другу стороны: то исследование в повторном росте мозговой клетки заглянуло достаточно глубоко, чтобы увидеть, что расщепление нейронов никуда не привело, разве что к некоему зародышевому регрессу; что решетка, на которую постоянно ссылались, могла отдавать фотонному потенциалу радикально восприимчивую новую сетку или заряженную ограду; что азотное окно ИМПа могло ускорить углеродное пересложение; что при условии прыжка в глюкозу и следовательно прыжка в окисление и энергию, натриевый насос работал бы упорней и быстрее, концентрация натрия была бы даже еще более неравной каждой стороне клетки, с подобным же увеличением калия, который сплетает и, следовательно, может подавлять рост, так же как и потенциал покоящейся мембраны, вызванный ведущим вверх натриевым потоком может относиться к росту электрической силы.

Но вновь спрашивая о структуре косы, и могла ли быть органической эта решетка при бреши глюкозы и воды, и если нет, что из малинового процесса, Вьедливые передачи ушли прочь, ушло неким дыханием Имп Плюса.

Стало быть, ничего не было.

И впоследствии Имп Плюс увидел, что даже воспоминания о солнцах не было, его воспоминания, которое теперь принадлежало решетке и великому Солнцу.

Поскольку решетка проморгала Имп Плюса. Решетка, развившаяся из Имп Плюса, приняла Имп Плюс вовнутрь. Так вовнутрь, что его забыли. Что он знал, когда его возвращали. Поскольку он вернулся, но вовнутрь — поскольку ИМП был внутри — нового движущегося запинания. И словно Имп Плюс получил от решетки знания, необходимые для нее, как идея, Имп Плюс знал, что затухающая форма позвоночникомподобного трубопровода, ведущего словно к самому Имп Плюсу, хотя у него и не было места, была решеткой, дестабилизирующей

ИМП, чтобы показать Кап Кому, что настоящая сила все еще здесь. Но из ответа Кап Кома Имп Плюс знал, что несколько раз произведенное включение и выключение было лишь демонстрацией, и снова думал о том, где он мог быть, и мысль пришла с тем, что он принял за воспоминание боли, потому что ощущалось понимание и облегчение, и понимание всосало мечту, которая, как он думал, у него была, хоть сейчас и не существующая, мечта о том, что он умрет, но другие останутся там, Кап Ком, Въедливый Голос, Въедливые частицы, великая решетка и Солнце. Поскольку разве его рост не завершился? И не был ли он во власти существа, которым он однажды стал, чтобы потом лишь уменьшиться до его части?

Не мечта. Последнее дыхание, которое Въедливый Голос забрал у Имп Плюса.

Но Въедливое слово было *ограда* — новая сетка для фотонного потенциала. Для получения лучей. Мозг. Нет, решетка, которой стал мозг. Имп Плюс узнал так много из слов Въедливого Голоса, что он был, как виделось, одной из причин, почему Въедливый Голос не прекращался. Но сейчас подпрекратился, и Имп Плюс лишь слабо слышал войну в Центре.

Он пытался — позволила ли ему решетка? или в некоей новой силе, имеющейся у него, был ли он тем даром, который решетка радостно ему разрешить? — толкнуть еще раз фототелический луч к частицам воссозданного Въедливого Голоса, попытаться сказать, что он и сказал: Ваш враг Кап Ком прав: вас *таки* питают данными, которые Кап Ком и прочие не получают: это сила концентрационного градиента намного сильнее, чем любая цепь, которая, как вы все еще думаете, здесь работает. Вы не знаете наверняка про это происходящее, но вы склоняетесь, вы вспоминаете, и вы знаете — вы знаете —

Он не мог завершить.

Он не знал, почему решетка не стабилизировала ИМП вновь. Позвоночник силового трубопровода ощущался ближе, но Имп Плюс не знал, контролировал ли он до сих пор

положение и системы тормозных ракет. Центр все более заваливал орбиту.

Возвращение на Землю было приключением. Или Земной коркой атмосферы. Воспоминание морфоген-наростов заставило настолько сильно содрогнуться воспоминанию о бредениях, что буротвестни и ложношири отбросили тени поближе для подтверждения этой сложенной с исследователем влаги над тем, что было впереди: посадка: мягкая посадка, чтобы вывести поверхность: площади излучающих Солнцесборников, защитные очки с исследовательскими свойствами, выпуклая Земля с той зазубренной точкой, которую он едва мог вспомнить.

Въедливые — дружелюбные — частицы не вернули сообщение Имп Плюсу. Но Въедливые слова, произнесенные вслух с Кап Комом, вполне настоящие и подробно рассказывали об опасности быть утраченным. И угроза отсечь Въедливый Голос от этого и будущих проектов отлучилась на Имп Плюс, как поддельное Солнце в один из дней, когда он позволил себе поиздеваться над мыслями о выживании. Были это Хороший Голос, мешающий Въедливому? Имп Плюс не знал — поскольку устал, или решетка дала ему почувствовать усталость — но сейчас в последней попытке, заставившей его внезапно засомневаться, что он вообще когда-либо мог показать Въедливым частицам телепатический — он знал телепатический — луч между ними, но заставил его подумать, что он и решетка могли долгое время длиться вместе, он вклинился в возражение Въедливого Голоса до того, как тот закончил, когда Въедливый Голос сказал *Мы должны длиться* —

ИМП ПЛЮС ЦЕНТРУ, ИМП ПЛЮС ЦЕНТРУ. ЧТО ПРОИСХОДИТ С ТРЕХМЕРНОЙ КАРТОЙ СЕТЧАТКИ МОЗГА КОГДА НЕТ СЕТЧАТКИ ДЛЯ ПОДКЛЮЧЕНИЯ? ЧТО ПРОИСХОДИТ С ПЛАМЕННОЙ ЖЕЛЕЗОЙ ПОД ОБЕСЦВЕЧЕННЫМ ОПТИЧЕСКИМ ПЕРЕСЕЧЕНИЕМ КОГДА МОЗГ РАССЕИВАЕТСЯ? ВИДАЛ И БЫВАЛ НО НЕ ЗНАЮ.

Они снова у него, думал он; и продолжил. Решетка, по его ощущению, также желала знать; или Имп Плюс был одной частью желания решетки. Но, отвечая Кап Кому, что взор, имевшийся у него, был твердым, хотя, возможно, не имелся, а что-то другое, Имп Плюс смотрел в плоть своего прошлого движения: достаточно глубоко, чтобы придумать, что заставит их поверить. Хотя затем достаточно глубоко, чтобы позволить ему чувствовать дальше, словно щепку в него вживили вне его поля зрения, почему он хотел, чтобы они ему поверили? Чтобы они его не убили? У них были отражатели, кипящие воду в деревнях, дымящие в пустынях выпуклой Земли. Возможно, сейчас и не выпуклой там, где с орбиты одна знакомая отметина была Великой Китайской стеной, о которой он знал, хотя никогда ее раньше не видел. И поиск промежуточного сложения продолжался — он это вспомнил! — что могло накапливать электроны, выбитые облучением — насколько позже? — после некоего молекулярного изменения, вызванного поворотом Солнца и перестроением света, эти частицы могли производить термолюминисценцию — когда отпущенные, словно птицы, мысли, будущий шанс, заполнявший микронасосы, мельчайшие карты, ищущие свое место.

Но затем, словно делая видимым то, что, возможно, телепатически ушло к Въедливым частицам, Имп Плюс поставил Земле вопрос: **ПОЧЕМУ Я ХОЧУ ЧТОБЫ ВЫ МНЕ ВЕРИЛИ?**

Хотя пока он говорил и получал сонм вопросов перемененно то от Кап Кома, то от Въедливого Голоса — нужно ли было избавиться от каких-либо отходов в этом теле, о которых они еще не имели ясного представления? действительно ли он видел нейробласты обратно сформированные или возвратно-эмбрионные из зрелых нейронов, и что было твердым взором? — усталость его давила, и он хотел, чтобы решетка нашла для него в нем самом его ответ на его же вопрос, нанизывающий, как электрод однажды нанизал мембрану и заставил ее разбавиться.

Тело сейчас не существовало. Оно открылось из складок мозга. (Церебральное тело? Разумное чудо-чудо?) Возможно, но это длилось, чтобы мозгом сместиться в неразделенную субстанцию. (Откуда поступает сила? А если взор тверд — то есть ли в нем сила?)

Он давился воспоминанием о гнев и страхе до слияния голосов вопроса. Но он должен был их отделить, одного от другого. Кап Кома, рвущегося вперед, и Въедливый Голос, старающийся понять.

Да, в твердом состоянии, казалось, была сила. Конечности изменились, но долгое время у них они имелись, или даже они сами были мембранами. Облачными, как полушарие на плаву, шелковое и кляксовое, и с силой, что была не такой, как сократительные чехлы длины, какими поддерживалась и даже заменялась фотоэлектрическая силовая система, и посредством которой система управления пространством могла быть по желанию задействована. (Вы управляете ею прямо сейчас, не так ли! ВЫ ЗНАЕТЕ ЧТО ЭТО НЕ ТАК. ВЫ ЗНАЕТЕ ЧТО Я РАЗРЕШАЮ ВЕРЧЕНИЕ, КУВЫРКАНИЕ, ОРБИТАЛЬНЫЙ РАСПАД.) (Но мембраны — что они делали? И если мощности сокращения и расслабления, сокращения и расслабления существовала здесь — слова поступили Имп Плюсу не как Въедливый вопрос, а как непроизнесенная Въедливая мысль — затем АТФ гидролизом превращается в АДФ⁸, а это значит, что откуда-то появляется актомиозин.) Итак, мембраны делали больше, чем Имп Плюс мог рассказать. Они были четырьмя, когда конечности были четырьмя гидроподобными спицами, четырьмя маршрутами, ведущими к утесам, четырьмя шеями, краснеющими и бледнеющими, краснеющими и бледнеющими. Взор был множественным или центральным, или и тем, и другим. Одиночные или множественные взоры поступили одновременно со множества

8 Аденозиндифосфат.

углов и расстояний. (Как биты поступают в компьютер? Но также увиденные маленькими и внутри, да?) Да. Солнечные косы, заставляющие тела расщепляться; оптические нервы, ищущие вкось выход из канала и в серые зоны; тела, выдыхающие цепочку, чтобы протиснуться сквозь изогнутый мембранный экран, но становящиеся больше, а не меньше; вода в растительных грядках разделилась на то, чем она однажды была, и размножилась, и преобразовалась, так что ее стало больше; зеленое, что было сине-черным; желто-вымокшее по шву у задней части того, что было мозгом, желтое, что флуоресцировало — да — он остановился — все же, когда покой женщины на него действовал, он наклонялся узнать, что лишь проецировал тот желтый своим взором — своим взором лишь как отражателем желтой силы пламенной железы.

К нему ничего не вернулось. Растворила ли вновь решетка его существование или он ждал, пока Центр закончит деление того, что он сказал и сказал, чтобы ему поверили?

Он никогда не смог бы объяснить, как его зрение рассеялось в настоящее множество вне центра, если не местоположения.

Но почему же он должен верить в то увиденное желтое? Кто их видел?

Или в малиновое.

Солнце много раз прошло вокруг. Солнце вращалось вокруг ИМПа, а ИМП вращался вокруг Земли, а Земля вращалась вокруг Солнца.

Это не Кап Ком говорил о малиновом. Кап Кому нужно было знать, насколько точно Имп Плюс управлял пространственной силой ИМПа, и Имп Плюс спрашивал обо всем диапазоне углов снижения и их следствиях; затем два голоса, казалось, смотались в один моток, и Имп Плюс едва мог их различить; поскольку Въедливый Голос говорил, что если желто-вымокший появился на стыке того, что однажды было половин-

ками мозга (однажды *было!* — поскольку Въедливый Голос верил тому, что сказал Имп Плюс! верил в смещение от мозга к веществу вовне), затем это расположение определило, что этот желтый был гормоноидным серотонином, увеличение которого может объяснять явную бессонницу Имп Плюса.

Голоса спутались там, где Кап Ком был посреди еще не сказанной клеточной респирации, уже увиденной в электронный микроскоп, но также давал Имп Плюсу показания углов для возврата. Сквозь эти давящие искажения Въедливый Голос говорил, что при нагревании буквы, которые Имп Плюс не понимал, краснели — не *Витамин D*, а *Д* и *Н* и *К* — и пока Имп Плюс не мог разобраться, хотел ли Кап Ком передать угол возврата или заглушал Въедливое предположение о том, что красный был двойной спиралью прядущегося Солнечного света, теперь без вопросов, но *под* вопросом было: *верил* ли кто-то Имп Плюсу, теперь не сомневающемуся, что был план попытаться его восстановить, не сомневающемуся, что овализированные карты звука приняли новые чужеродные частоты, и не сомневающемуся, что *затаенная* (хотя сейчас, подобно великому дыханию, не *только*) причина, почему он хотел, чтобы ему верили, была не в том, чтобы Центр сообщил угол для возврата, а получив мощный заряд наклоненной новой скорости, угол под которым Имп Плюс среди великой, направленной к Солнцу, решетки, что в свою очередь внутри ИМПа отскочит от возвращающейся атмосферы Земли и под каким-то непрямым углом ускользнет в глубокий космос, если только не в морщины руки великого Солнца.

Но рассказывая о мембранах и о том, как они развернулись, рассказывая о другом, не столь твердом наклоне его взора, казавшимся взаимным склонением в пустоту, что было шансом места, которое сила склонялась найти, как он думал, что видел, что он был с — или был — своим зрением, его не имея. И он пропал, как глюкоза, как вода, как все, кроме воспоминания о тех бредениях, ложноширях, буротвестнях и морфогенах,

которые могли доставить ему удовольствие чистой игрой существа, прежнего существа, бывшего склонным.

В каком-то воспоминании Въедливых частиц он, тем не менее, получал признание Кап Кома, что даже с самой строжайшей безопасностью, он, возможно, узнал об опухоли гипофиза — и что опухоль слизистой железы приводит к обесцвечиванию перекреста зрительных нервов.

Но Въедливый Голос не прекратился бы:

Хотя нарушение функции гипофиза не могло быть причиной для подобного роста.

Подобного чему?

Больше, чем мозг, больше, чем тело, отличное от обоих. Имп Плюс не мог видеть Солнце. Он слепой. Он пытался увидеть, насколько далеко должны были быть друг от друга Кап Ком и Въедливый Голос.

ПОВТОРИТЕ ЕЩЕ ВЪЕДЛИВЫЙ ГОЛОС.

Но Имп Плюс не совсем услышал ответ *больше, чем мозг, больше, чем тело*. Так как он обнаружил свой обратный путь до того мига, который сейчас вырос, чтобы принять зеленую комнату и Въедливые слова *Нипочем не скажешь, что там наверху делает Солнце — поэтому не слушай ничего, что тебе скажут по соседству, и принять в дыму, забредающим в носовые пазухи, и слова Я нездоров, и нездоровое существование, разделенное нездоровым желанием, внезапно бывшее и его тоже, но более того, нацеленное вне меньшей зеленой комнаты; и в тот момент, когда он был притянут в какой-то большой диапазон сквозь взаимный крутящий момент, он воздержался от того, чтобы произнести Повторите еще — пустота взаимной неудачи, чтоб запомнить ее между собой, в которой они начали разделять, если не знать, что значит избегать мыслей друг друга.*

И с таким вращающим моментом в уме Имп Плюс пытался сказать Въедливому Голосу о дыхании между винтовыми малиновыми пряжами и Солнечными косами, как они ударили

друг друга, вели, разбухали, развязывались, угрожали и наматывались заново, словно дыхание больше не генерировалось, лишь для большего будущего, и он видел сейчас то, что уже слышал, эту каденцию потенциала и утраты.

Команды Кап Кома прошли сквозь янтарные овалы решетки, и их не обнаружили исполнительные или иные реакции в бывшем центре управления, но почувствовали их, узанными — знание имени того теперь уже рассеянного центра, *гипоталамуса*, и его ближайшего соседа — пламенной железы — узанные, но не равные, а равномерные: таким образом Кап Ком был хоть и на близкой, но сейчас уже несущественной дистанции.

Окно возврата узкое.

Зона посадки уже не защищена. Стабилизируйте, пожалуйста, Имп Плюс. Обратный отсчет до ручной стабилизации. Зыбь по воспоминанию о позвоночнике.

Кап Ком перепутал *защищенный* с *затаенный*. Слова рассеялись. Имп Плюс слышал, как будущее настраивало прошлое, когда Земля падала ему навстречу. Прочие пытались к нему добраться. Но шансы углов, которые и не вернут ИМП и не врежут его, а лишь отскочат его вдоль длинной ясности скользящего пространства, чтобы потом его преследовали перехватчики, чьи собственные планы чрезвычайного взлета в этот момент были о том, чтобы безумной ценой, но попасть на позицию — это поступило Имп Плюсу не от прочих, пытающихся к нему добраться, чтобы получить его и увидеть, а от *Въедливых* частиц, так много знавших — знавших, что тогда внезапно разделило позвоночник их индивидуального луча в мысль Имп Плюса о том, что он не хочет быть костью раздора.

Кап Ком соизволил ввести новый *Чрезвычайный Режим*.

Но вмешался *Въедливый Голос*; и в этом коротком перерыве слова, поступающие сквозь решетку, катились, словно с целью отражением пройти дальше к Солнцу — ища будущее.

Искав его в двух фокусах, притягивая между ними от прошлого к будущему воспоминания о Имп Плюсе.

Это была лучевая болезнь. Она нашла и была окном, чтобы себя перевернуть.

Переворачивание, какое всегда происходило: что должно произойти: поскольку ионизирующее облучение вышибает электроны, рушит молекулы, изменяет их клетки, которые умирают.

Но каскад был обернут.

Лучистый яд обрел своего хозяина, отравленного, но как? Значит его хозяин был способен — как? — преследовать части из частиц, каденцию из распада, зацепить рассеивание, которое всегда вдыхало заразные деления в местоположения, потом освобождавшие заразу, чтобы приумножить ее прикосновение.

Таким образом это было другое солнце. Солнце Имп Плюса. Сбежавшее от того самого облучения, ранее сбежавшего в него, наводнившего его.

ПОДДЕРЖИВАЙТЕ КОНТАКТ ИМП ПЛЮС. ПОЖАЛУЙСТА СКОНТАКТИРУЙТЕСЬ С ЦЕНТРОМ.

Слова приходили также от Въедливых частиц: бета, излучаемое из углерода-14, кальция-45, стронция-90; гамма, замедляющиеся, прикрепляясь к атому; радиоизотопные индикаторы в крови; ограды, протекающие в крови: слова от Въедливых частиц бомбардировали один склон слоев решетки, обнаруживая, что там одна маленькая и сигнальная орбита сейчас убавлялась: и когда она убавилась, орбита, которая была Имп Плюсом, отдалась в чувства Солнца, которые были их ответом: Солнечные косы дико уставились, не так ли? ну не чудо ли, не так ли?

Но Въедливым частицам поступали другие вопросы: Солнечные косы присоединились из-за желаний и кровотокащих страданий, нарушенных брешью в крови — из-за перехватающего дыхание наклона между их спиралью и малиновым

воспоминанием о будущем: неужели это все вышло через окно с водой, глюкозой, полупроводниковыми вольтами и растворяющимися и восстанавливающимися воронками и молоком частиц?

К убавляющейся орбите на одном склоне слоев решетки поступил ответ от Въедливых частиц: то есть вопросы, переданные обратной связью тем (наряду с Въедливым Голосом), что Имп Плюс (до того, как он стал Имп Плюсом) в меньшей зеленой комнате однажды почти знал как идею:

Взаимная фокусировка — да, взаимная фокусировка на том, чего там не было: а именно, Другого: которое было будущей брешью тела Имп Плюса.

Но какой фокус (спрашивали теперь Въедливые частицы) превратили дыхание радиации из яда в семя? как скорость этого загрязняющего света обернула от Солнца к себе такие потоки фотонов? а какой фокус сейчас (поскольку, встав и глядя на белые данные, мигающие на зеленом экране, Въедливый Голос чувствовал в своем росте тень уничтожения, уходящую в кратковременную память), какой фокус притянул их умы так близко — так близко к слиянию?

Внизу в облачной оболочке Земли на главной частоте поступили слова МЫСЛЬ ТАК ЧУВСТВОВАЛАСЬ, и если такие слова поступили от великой решетки, которая сейчас стабилизировала ИМП, слова проследовали на Землю, как принадлежавшие Имп Плюсу.

Тот же голос — он уравнил свои ясные слова — ответил на передачу Кап Кома У ВАС ЕСТЬ СИЛА (это вновь пришло дважды — прошлое невыразительно собиралось преломить будущее) У ВАС ЕСТЬ СИЛА?

И ДА, И НЕТ.

Но к Въедливым овалам, пронзенным помехой от локтей кузнечика Кап Кома на тихоокеанском острове, пришла сила, поднятая до целостности, поднятая маскировкой, которая была лишь словами, полученными сейчас Въедливыми час-

тицами: *Есть ли у них сила, чтобы перехватить траекторию в глубоком космосе?*

Ответы роились в решетке, но то ли от Въедливого дружелюбного Голоса на острове, то ли от спрашивающего на сужающихся орбитах, сказать было нельзя.

Спрашивающий? Его имя исчезло, он был все еще здесь, в нем роились вопросы и сомнения. Он предвидел огненный отскок, он видел свой ИМП, содержащий решетку, как плоскостной шаг поля в космос, настолько глубокий, что сад фокусов вырастил бесконечную орбиту, спирально прядущуюся из гелия и позитронов — и он был привлечен этим шансом, пока не увидел, что это действительно так, если так хочется. Но затем он подумал о Въедливых частицах на острове внизу и подумал, что то, что он и они вместе привлекли в контур понимания, могло наилучшим образом удерживаться эллиптически определенным, если он станет брешью.

ИМП должен удариться о наружный атмосферный слой Земли, чтобы не соскочить в космос, не вызвать огонь из-за первых трений и проскользнуть к посадке в тихоокеанском воздухе.

Решетка погружалась бледная и неподвижная и содержала то, что, возможно, еще не целиком имела: идею себя: себя, не целиком владеющего собой, поскольку ее сила направляла луч туда и обратно с Земли, тонкая как нить цепи частиц, настолько мелких, что они возвращались взором к Солнцу.

Во Въедливые овальные частицы на тихоокеанском острове поступила сила, поднятая до целостности маскировкой: маскировкой, которая была всего лишь слабой, отчетливой передачей из космоса, как из открытого центра идеи: *Ни малейшего желания отскочить в космос, ни малейшего желания возвращаться*: маскировка, полученная овальными частицами, как дыхание мысли: мысли, знающей, что горячее крушение того, что передано, как помеха на входе в атмосферу, не было возвратом — с первым же трением ИМП врезался в атмосферу:

мысли, вопрошающей, какие шансы появились сейчас после этой новейшей бреши, которая будет таким же длительным, как блеск прибытия должен был быть коротким для любого, видящего его в небе: мысли, также вопрошающей, дала ли в конце концов великая решетка ранее этому случиться или удивилась.

Пятый роман Джозефа Макэлроя «Плюс» (1976) — культовая книга одного из самых сложных писателей современности. Или самого. «Мистера Бескомпромиссного», как назвал его критик Эндрю Эссекс только потому, что титул «Мистера Сложного» Джонатан Франзен уже отдал Уильяму Гэддису.

«Плюс» — лучший научно-фантастический роман 1970-х от автора-нефантаста, как немного предвзято, но с искренней любовью замечает Сальваторе Проьетти, переводчик романа на итальянский. Хотя скорее научный, чем фантастический, поскольку на обороте титула книги автор сам сообщает, что благодарен трем исследованиям: «Биоэнергетика» Алберта Ленингера, «Нервная система человека» Чарлза Ноубэка, «Принципы развития» Пола Вайсса. Критик Памела Хадас уточняет, что это скорее «фантастическая наука», а Макэлроя называет «Хенри Джеймзом космического века». Проьетти также добавляет, что «Плюс» — это киберпанк¹. Сам писатель в эссе «Plus Light» (2002) отмечает, что роман написан как идиллия, «превращающаяся в пастораль в декорациях

1 Макэлрой в эссе «Художественная литература как поле роста...» отмечает, что совсем не воспринимает киберпанк, который ему представляется лишь расширенной мыслью «Не можешь их побороть, присоединись и/или потом (типа) побори их».

удаленной орбиты». Отчего вся эта неразбериха с определениями? Дело в том, что автор предлагает «приключения жанра» в космосе, «выворачивая его наизнанку» (Памела Хадас) с довольно неэкспериментальной целью: написать роман про рост, одиночество и любовь. А также про нейроэтику, про успехи и опасности обращения к нашим умам и их изменению.

Интерес писателя к теме космоса не случаен, ведь он был свидетелем всех важных технических достижений XX века и даже непосредственно присутствовал во время некоторых. Так, Макэлрой описывал запуски «Аполлона 17», на котором состоялся последний, одиннадцатый пилотируемый полет на Луну (писатель присутствовал на космодроме 7 декабря 1972 года), и «Скайлэба» (первой и пока единственной американской орбитальной станции, бывшей на орбите в 1973–1979 годах).

Критик Фредерик Карл считает, что Макэлрой пошел даже дальше Томаса Пинчона и Джона Барта, описавших взаимодействие человека и машины в «Радуге тяготения» и «Козло-юноше Джайлзе» соответственно, ведь он, по его же словами в эссе про «Аполлон 17», пытается воссоздать взаимодействие технологий и человека как «согласованность с некой добродетелью видения, имеющейся в технике».

Также «Плюс» можно соотнести с известным публицистическим произведением Нормана Мейлера «Про огонь на Луне», где автор документировал и осмысливал приготовление к полету и саму высадку на спутник Земли. Но Макэлрой считает нужным уточнить, что «Космическая программа» — это неправильный способ понимать его роман, ведь «язык науки» его интересует лишь опосредованно, как любое чтение вдохновляет фантазию, мысль, страсть и намерение. Подсказка к такому прочтению есть в самом тексте, где Имп Плюс замечает: «Последние “Аполлоны” улетели с Луны». Потому «Плюс» — это скорее роман про будущее, укорененный в традиции американской послевоенной прозы второй половины XX века.

Макэлрой писал, что идея написать «Плюс» впервые возникла тогда, когда он читал работу Вайсса по эмбриологии, где сообщалось, что клетка развивается не как простая последовательность клеточных поколений, а скорее «посредством действия сил, которые становятся клеткой в процессе их развития», и что «организация всего процесса не централизована, так же как магнитное поле существует в материалах, посредством которых оно действует». Хотя сам роман, конечно, не научный труд, если только не говорить про «науку» как про «знание», и для автора вначале это «приключение в сознании» возникло как попытка посмотреть, возможно ли такое вообще сделать на английском + из-за того, что многие друзья упрекали его, что он не умеет писать короткие книги.

Потому писательское задание было таково: можно ли в абсолютно пустой комнате, где совсем нет других книг, написать произведение о том, как сознание вновь открывает для себя мир; может ли слово + мысль + желание регенерировать материю, «реинтегрировать тело и душу в целостную органическую субстанцию». В этом ракурсе «Плюс» — это исследование языка, эксперимент скорее «по направлению к Бекетту², чем к Джойсу», попытка при помощи языка показать процесс неожиданного роста тела, появление функционального языка. Писатель также уточняет, что этот рост вовсе не метафорический, а скорее часть того, что он называет «Гомологией».

В разговоре с младшим коллегой Джошуа Коэном Макэлрой заметил, что большинство современных писателей боится писать про абстрактное и научное, а если и пишут про науку, то лишь как про что-то противоестественное и античеловеческое.

Имп Плюс в романе как раз и является утверждением того, что постчеловеческое может быть позитивным, как им может

2 Пример подобного языка Макэлрой обнаружил в тексте Сэмюэла Бекетта «Опустошитель» («Le Déruepler», 1971).

быть киборг, машинно-человеческим гибридом, «протоорганический компьютер»³ (Мария Кристина Юли), хотя протагонист «Плюса» скромно называет себя «полупроводником». Интересно, что Уильям Картрайт из романа «Смотровой картридж» (1974) также представляет себя «отпечатанным полупроводником». В эссе «Нейронные соседства...» (1975) Макэлрой даже объясняет любое творчество на примере этого образа: авторский акт — это «нечистый полупроводник, в котором многие системы объединены и забыты в их способе жизни».

Предыстория сюжета в «Плюсе», как ее можно воссоставить, такова: инженер, у которого после радиоактивного облучения выявляют рак (в тексте упоминается *отравление, яд, отравка, краб*), решает принять участие в эксперименте — Операции «Travel Light»⁴.

Его отделенный от тела мозг в капсуле («многогранная исследовательская межпланетная платформа с беспрецедентным окном») с названием «Имп Плюс» отправляют на орбиту для проведения экспериментов, связанных с влиянием солнечного света на растения.

Сам роман — это преимущественно монолог мозга на земной орбите (написанный от третьего лица), который вспоминает прошлое и странным образом развивается, (как бы) отращивая новое тело, регенерируя материю при помощи

- 3 Это не единичное мнение, хотя самому автору не нравятся сравнения Имп Плюса с техническим объектом. Так, критик Масуд Заварзаде считает язык романа «компьютерным», тогда как некоторые персонажи Макэлроя ощущают себя своеобразными кибернетическими организмами (так Хинд из романа «Похищение Хинда» [1969] называет себя «влажным компьютером»).
- 4 Тут одновременно обыгрывается и «путешествовать на свете / по свету» (ведь операция связана с изучением влияния солнца на растения) и «путешествовать налегке» (ведь вместо исследователя на орбиту летит лишь его мозг + это фразу говорит любимая девушка главного героя до операции, когда не берет в дорогу ничего лишнего).

духа. Изредка происходит обмен сообщениями с Кап Комом⁵, но в целом это «роман становления» одного персонажа.

Первоначальное желание увидеть (+ многозначность английского глагола *see*), осознание отсутствия глаз и упорство видеть приводит к тому, что мозг увеличивается и растет сам / растит себя при помощи слов. Критик Алиша Миллер справедливо замечает, что читатель становится «свидетелем (воз)(на)рождения языка».

По замечанию автора, рост в романе реалистичен и «олицетворен» (*embodied*, то есть «отелеснен»), а физическим является не так объект, как сам язык, тот минимум, на котором все строится. Рост как метафора заявлен, кроме названия романа, прежде всего в словах *green* (141 употребление в оригинале) и *more* (335). Рост физический и духовный + приращение, связанное с движением от простоты к сложности, проявляется, прежде всего, в языке, от примитивных, неполных и стилистически несовершенных фраз в начале текста до более сложных синтаксических конструкций в конце. Лексика в романе также постепенно расширяется: Макэлрой домысливает фразовые глаголы (*nip open, save out*) и придумывает новые слова (*faldoream, shearow, wending, gyrolibrium, phototelic, wendo-zoan, faldo-shear*⁶ и др.), переосмысливая и расширяя значения уже существующих (*cave-in, spindle, house/housing/underhousing, morphogen* и прочие). Сразу три слова в романе (*rung, spoke* и *radius*), по-видимому, отсылают к значению «спица», и в русской версии пришлось искать три варианта, где лишь в одном, как и в книге, явственнее проступает имен-

5 Кап Ком (Капсульный коммуникатор, *Capsule communicator*) — эквивалент главного оператора по связи с экипажем (бортом космического аппарата), ведущего переговоры с космонавтом из центра управления (Центр, *Ground*). Один из терминов НАСА, как и IMP (*Interplanetary Monitoring Platform*).

6 В переводе соответственно: ложноширь, буротвестень, бредение, круговесие, фототелический, бредо-простейший, ложно-буротвес.

но этот смысл (соответственно: «перекладина», «спица» и «радиус»). Отдельная сложность — это все производные от слова *save*⁷, в котором многие исследователи видят отсылку к идее платоновской пещеры, хотя сам автор отрицает влияние образов Платона на роман.

Английская писательница и литературовед Кристин Брук-Роуз, которая первая обратила внимание на частотность употребления некоторых слов в романе, справедливо замечает, что «Плюс» — это высококлассная поэзия с внутренними рифмами (*Imp Plus / impulse / pulse*), аллитерациями, множеством художественных приемов, игрой с многозначными глаголами *raise* («возрастать / подниматься»), *choke* («душить / задышаться») и *incline* («наклоняться / склоняться»). Брук-Роуз также считает, что Макэлрой предлагает свою версию переосмысления известной фразы Ноама Чомски «*Colourless green ideas sleep furiously*» (по отдельности эти слова действительно есть в романе, но цель Макэлроя гораздо шире, чем у лингвиста), придуманной в 1955 году, фразы, правильной грамматически, но семантически бессмысленной, хотя, как резонно утверждает Брук-Роуз, она абсурдна лишь в бытовой речи и прозе, тогда как в стихе уместна и полна разнообразных смыслов, и именно потому автор «Плюса» разворачивает ее в целую «повествовательную поэму».

Флор Шевалье также подчеркивает поэтичность макэлровского текста, выделяя в нем два уровня: семиотику и эротику. Эротика как желание становится не только воспоминанием (женщина в воде), но и мотивом, стимулом во время эксперимента. Своеобразное словоупотребление в романе возникает именно на стыке науки и эротики в самом широком смысле этих слов. Желание меняться и расти точно соответствует

7 *Cave, cave in, cave out, caving (in/out), cave-crash* (в переводе соответственно: «обвал», «ввалиться», «вывалиться», «вваливающийся/вываливающийся», «обвал-крушение»).

тем архетипам в биологическом смысле, которые в тексте также обретают юнгианское значение: отцовская фигура Въедливого Голоса и материнская фигура Хорошего Голоса. И весь «техно-логический» (Макэлрой) антураж романа на самом деле — лишь повод поговорить про семейные ценности, любовь (Эрос) и роль человека в меняющемся мире. Интересно, что все произведения Макэлроя, как он сам говорит в одном интервью, — это «тайная автобиография»: от самого личного романа «Письмо, оставленное мне» (1988), в котором автор переживал утрату отца, до наименее личного, но тем не менее тоже автобиографичного «Плюса», поскольку писатель вспоминал, что в детстве бабушка называл его *imp* (чертенок). Но, как настоящему постмодернисту, Макэлрою мало такого объяснения, и потому он усложняет игру, говоря, что «IMP» может также означать *important*, читательскую привычку ставить такую пометку там, где в книге есть что-то важное. Но, в целом, все его тексты можно рассматривать как символическое прорастания «я» сквозь семейное/социальное с целью разобраться с границами человеческого в сложном мире, от которого непосредственно зависит эта местами почти «византийская» сложность письма, бескомпромиссность поставленных вопросов и отсутствие простых ответов, до которых еще нужно дорасти.

Рост (слово *grow* во всех формах 134 раза употребляется в оригинале) передается самим синтаксисом, строящимся по принципу вдоха-выдоха, но это не столько ритм живой речи, сколько дыхание самой жизни. Для Макэлроя этот ритм важен во всех произведениях, а в самом известном его романе «Женщины и мужчины» (1987) есть главы-вставки, в которых рассказчиками выступают некие *breathers* («дыхатели»), ангелоподобные существа, знающие прошлое и будущее. Их название писатель связывает с фразой *take a breather* («перевести дух, сделать передышку»), где для него важно прерывание, пауза, отдых, дыхание мира, связанное

с дыханием индивида (наиболее интересно Макэлрой использует эту метафору «перерастания звуков в слова» в рассказе «Ночная душа»). Дыхание ассоциируется с говорением, звуками, а значит — и со всем живым, с осознанием себя в новых условиях существования.

Для обозначения возрождающего сознания в романе используется практически все английские слова с функциональным значением сетки-решетки (*net, grid, web, lattice, mesh, reticle, array, pattern, tissue*). Множество единиц измерения в «Плюсе» (грэй, ангстрем, люмен, генри и пр.) также обозначают это упорядочивание окружающего хаоса. Двойственность биологическо-физиологических процессов и повторяющийся узор объясняет также то, почему в тексте так много повторов + удвоений, слов-двойников, которые на Земле означают одно, а в космосе — другое. Часто это обычные слова, которые оказываются терминами. Например, «пакет» в смысле волнового пакета, состоящего из фотонов. Или биологические понятия, которые буквально переводятся с латыни на английский: клеевые (*glue*) клетки оказываются глиальными (*glial*), а конечности (*limbs*) — лимбическими (*limbic*), овощ-растение (*vegetable*) — вегетативным-растительным (*vegetative*). Или, например, «ядерная рыбалка» (*nuclear fishing*), которую Имп упоминает в связи с тем, что не может/не хочет вспомнить созвучное «ядерное деления» (*nuclear fission*), что в переводе даем как «ятерьное деление».

Макэлрой своеобразно использует метод «остранения», потому многие словосочетания в тексте следует воспринимать вне их привычных значений (Джозеф Тэбби также отмечает роль курсива в тексте, которым часто выделены слова, которые для Имп Плюса функционируют как обозначающие без обозначаемого). Именно поэтому биологические процессы показаны так, словно далекий от науки читатель заглянул в очень хороший микроскоп и пытается описать то, что там видно, изредка вспоминая подходящие и не очень уместные

слова. Таким образом, главное в тексте, по меткому замечанию Ива Абриу (его статью «Sensation in Joseph McElroy's *Plus*» в журнале «Golden Handcuffs Review» сам автор считает лучшим, что написано о романе), — это мастерство Макэлроя в том, как он описывает синестезию, мысль, становящуюся ощущением и наоборот. Но идея «Плюса» только этим не исчерпывается, поскольку в этом «самом абстрактном романе в мировой литературе» (Джозеф Тэбби) есть также важный политический аспект: противостояние человека и системы, которая хочет его контролировать.

Как и в каждом культовом романе, в «Плюсе» можно найти разнообразные изъяны и недостатки, которые и делают его культовым. Ведь Набоков давно сказал, что классикой становятся лишь неидеально написанные книги, такие как, например, «Дон Кихот». Потому непонятность, немотивированные пропуски, странный синтаксис и прочие минус-качества и определяют неповторимый авторский стиль с его уникальными предложениями, в которых, как точно сформулировал один рецензент, «можно жить неделями». Алиша Миллер подметила одну интересную особенность во всех интервью Макэлроя: он чаще всего говорит о своих произведениях, используя слова «промежутки, разрывы, разломы, прерывности», что, видимо, связано с его художественной стратегией — дать читателю ощущение «мерцания узнавания» (по словам Джоан Ричардсон). И это как раз тот случай, когда минус на минус дает неповторимый опыт погружения в текст, который только выигрывает от повторных перечитываний.

Джозеф Макэлрой · Плюс

Издатель *Владимир Вертинский*
Координатор *Ирина Минеева*
Дизайн *Владимир Вертинский*

pollen-press.ru

Шрифт *Graphik* (Кристиан Шварц,
Production type)

Бумага *Enso Classic 90 г/м²*

Отпечатано в типографии
ООО «ИПК Парето-принт»,
170546, Тверская область,
Промышленная зона Боролево-1,
www.pareto-print.ru
Заказ №1347/19
1000 экз.

**Издательство выражает отдельную благодарность
Артему Матькову, Тимуру Ильясову, Кате Ханской,
Вадиму Сенкевичу, Евгению Залетному и Павлу Кустикову
за существенную финансовую поддержку проекта, а также
ООО «БУМ» за содействие в издании.**

Уникальный, ни на что не похожий роман про одиночество и любовь, написанный на стыке эксперимента и традиции. Нахлест научно-популярного, научно-фантастического и модернистского потока сознания. «Шум и ярость» в космосе, футурология в стиле Хенри Джеймса, роман про то, как язык воссоздаёт материю, а мозг отращивает тело.